

Стивен Кинг
Сияние

Посвящается Джо Хиллу Кингу, чье
сияние неугасимо

Редактором этой моей книги, как и двух
предыдущих, был мистер Уильям Дж.
Томпсон – человек остроумный и
здравомыслящий. В создание этого
романа он внес немалый вклад, за что я
ему признателен.

С.К.

Некоторые из лучших курортных отелей
мира расположены в горах штата
Колорадо, но гостиница, описанная на
этих страницах, не имеет с ними ничего
общего. Отель «Оверлук», как и
связанные с ним персонажи, существует
исключительно в воображении автора.

Stephen King
THE SHINING

*Перевод с английского И.Л. Моничева
Оформление В.И. Лебедевой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Предисловие автора

В этой же зале стояли... огромные часы из черного дерева. Маятник качался взад и вперед с глухим, унылым, однообразным звуком, а... часы начинали бить, из медных легких машины вылетал чистый, громкий звук, необыкновенно певучий, но такой странный и сильный, что музыканты в оркестре останавливались, танцоры прекращали танец; смущение овладевало веселой компанией и, пока раздавался бой, самые беспечные бледнели, а старейшие и благоразумнейшие проводили рукой по лбу, точно отгоняя смутную мысль или грезу. Но бой замолкал, и веселье снова охватывало всех. Музыканты переглядывались с улыбкой, как бы сами смеясь над своей глупою тревогою, и шепотом обещали друг другу, что следующий бой не произведет на них такого впечатления. И снова, по прошествии шестидесяти минут... раздавался бой часов, и снова смущение, дрожь и задумчивость овладевали собранием. При всем том праздник казался веселым и великолепным...

Э.А. По. Маска красной смерти^[1]

Сон разума рождает чудовищ.

Гойя

Солнце насильно сиять не заставишь.

Народная мудрость

Как мне представляется, в творчестве любого писателя – обычно на достаточно раннем этапе – возникает «роман-перепутье», когда автору предоставляется выбор: либо продолжать делать то, что он уже с успехом делал прежде, либо попытаться поставить перед собой чуть более высокую цель. Но только оглянувшись назад через многие годы, начинаешь понимать, насколько важно было для тебя принять тогда верное решение. Ведь порой подобный момент случается в твоей карьере всего лишь однажды. Для меня такой книгой стал роман «Сияние», в котором я решил поднять свою планку на новую высоту. Я даже помню конкретное место в тексте, поставившее меня перед нелегкой альтернативой: это случилось, когда я описывал, как Джек Торранс, исполненный противоречий главный отрицательный персонаж «Сияния», вспоминает о своем отце – грубом пьянице, который вершил над сыном духовное, физическое и эмоциональное насилие... Иными словами, уродовал его личность всеми возможными способами.

С одной стороны, я мог описать жестокость отца Джека и этим ограничиться. Само собой, думал я, читатель легко увидит связь между отношениями Джека со своим отцом в прошлом и

собственным отношением к своему сыну Дэнни, мальчику-экстрасенсу, который, разумеется, является центральной фигурой романа.

Но в то же время что-то подталкивало меня пойти глубже – признать, что Джек все-таки любил отца, вопреки (а может быть, как раз *благодаря*) его непредсказуемой и жестокой натуре. И я прислушался к своему внутреннему голосу, что принципиально изменило в романе очень многое. Вместо героя, постепенно превращавшегося из сравнительно приличного человека в несколько плоскую фигуру злодея, которого сверхъестественные силы толкают на убийство жены и сына, Джек Торранс приобрел более реальные (а значит, и существенно более страшные) черты. Как мне показалось, убийца с чисто мистическими мотивами для преступлений перестает быть пугающим, стоит только читателю преодолеть поверхностный страх, в который его может повергнуть любая мало-мальски стоящая история о привидениях. А вот убийца, движимый пережитым в детстве насилием над собой *наряду* с призрачными силами... О, вот это может по-настоящему задеть за живое. Более того, такой поворот сюжета позволял мне окончательно размыть грань между областями сверхъестественного и экстрасенсорного, заставить читателя сопереживать и желать: «Я надеюсь, это только сон», – то есть превратить просто страшное в поистине ужасающее. Во время моей единственной встречи с ныне покойным Стенли Кубриком, примерно за шесть месяцев до того, как он начал работать над своей киноверсией «Сияния», я понял, что именно эта грань рассказанной мной истории главным образом привлекла его внимание. Что именно заставляет Джека Торранса совершать преступления в номерах и коридорах отеля «Оверлук», отрезанных от всего мира снежными заносами? Призраки не умерших окончательно людей – или же не умирающие в нем до конца воспоминания? Мистер Кубрик и я пришли к разным выводам по этому поводу (я *всегда* считал, что это злые привидения «Оверлука» подводят Джека к краю пропасти), хотя вполне

возможно, что наши выводы в чем-то были близки. Разве воспоминания – не единственно реальные призраки в наших жизнях? Разве не заставляют они нас порой произносить слова и совершать поступки, о которых потом приходится сожалеть?

Принятое мной решение постараться изобразить отца Джека человеком из плоти и крови, которого неприкаянный сын не только ненавидел, но и любил, впоследствии помогло мне пройти долгий путь к моим нынешним взглядам на жанр, так легко и пренебрежительно именуемый «ужастиком». Я убежден в необходимости подобных историй, потому что мы подчас нуждаемся в создании вымышленных чудовищ и монстров в качестве суррогатов-заменителей всего, чего мы так боимся в наших реальных жизнях: отца, который не целует свое дитя, а бьет; автокатастрофы, способной унести жизнь близкого человека; рака, незаметно поселяющегося в наших телах. И если бы все эти ужасные вещи были следствием воздействия неких сил тьмы, то, как мне кажется, нам было бы даже легче смириться с ними. Но они не остаются во мраке, а обладают собственным своеобразным жутким блеском, и ничто не блещет ярче, чем акты насилия и жестокости, которые мы порой совершаем в собственных семьях. Всмотреться в этот варварский блеск – подчас значит ослепнуть, и потому мы создаем для себя защитные фильтры. Фильмы и романы ужасов, как и страшные сказки, – это именно такие фильтры. Мужчины и женщины, которые настаивают, что привидений не существует, всего-навсего не умеют прислушиваться к смутным шепотам в своей душе, и как же они жестоки! Ведь даже самый злонамеренный призрак – существо очень одинокое, брошенное во тьме, отчаянно желающее быть услышанным.

Но разумеется, ничего подобного не приходило мне в голову в осознанной или хотя бы полуосознанной форме, когда я писал «Сияние», сидя в своем маленьком кабинете с видом на Флатироны; мне нужно было создать роман и выполнять ежедневную норму в 3000 слов (сейчас, на шестом десятке, я радуюсь, если удастся

выдать 1800). Тогда я увидел лишь появившийся у меня выбор: сделать из отца маленького Дэнни в чистом виде плохого парня (что мне удалось бы с закрытыми глазами) или же попытаться создать характер более сложный и неоднозначный – такие еще называют более реалистичными.

И, признаться, не будь я к тому времени до некоторой степени финансово обеспечен, одно только это могло склонить меня к более легкому варианту. Однако мои первые две книги – «Кэрри» и «Жребий Салема» – имели успех, и мы, семейство Кингов, чувствовали себя в этом смысле уверенно. Вот почему мне не захотелось пойти по пути наименьшего сопротивления, когда я чувствовал, что могу поднять роман на значительно более высокий уровень эмоционального накала, сделав из Джека Торранса живого человека, а не двухмерного «злодея из “Оверлука”».

Результат получился далеким от идеала, и местами в тексте «Сияния» сквозит нахальная авторская самонадеянность, которую я начал замечать лишь многие годы спустя. Но все же я очень люблю эту книгу и ценю ее за то, что именно она поставила меня перед столь важным выбором: остаться на уровне не слишком правдоподобных ужасов «комнаты страха», что есть в любом развлекательном парке, или ступить на гораздо более скользкую тропу, где между строк фантазии порой проглядывает опасная истина. По крайней мере так происходит в наиболее удачных произведениях жанра. И истина эта заключается в том, что монстры и призраки действительно существуют. Они обитают внутри нас, и порой именно они одерживают верх.

А тот факт, что иной раз – точнее, очень часто! – вопреки всем препятствиям в нас побеждают не они, а наши добрые ангелы, можно считать еще одной жизненной истиной в романе «Сияние». И слава Богу, что так происходит на самом деле.

Стивен Кинг

Нью-Йорк, 8 февраля 2001 г.

Часть первая

Предварительные вопросы

Глава 1

Собеседование

Вот ведь надутый недомерок! – подумал Джек Торранс.

В Уллмане было пять футов пять дюймов роста, и двигался он с порывистой стремительностью, которая почти всегда свойственна низкорослым и пухлым мужчинам. Волосы на его голове разделял безукоризненный пробор, а темный костюм выглядел строгим, но удобным. *Я помогу вам решить любые проблемы*, заверял костюм состоятельных постояльцев. С подчиненными из обслуживающего персонала он говорил иначе: *Эй, ты! Работай на совесть, а не то...* Красная гвоздика в петлице, вероятно, торчала там для того, чтобы никто не спутал Стюарта Уллмана с владельцем местного похоронного бюро.

Слушая Уллмана, Джек вынужден был признать себе, что в данных обстоятельствах ему бы не понравился ни один человек, кого ни посади по другую сторону стола.

Между тем Уллман задал ему вопрос, смысл которого он не успел уловить. Это плохо. Уллман явно был из тех, кто отмечает подобные промахи и заносит в свою мысленную картотеку, чтобы позже припомнить.

– Простите, о чем вы спросили?

– Я спросил, вполне ли ваша жена осознает, что вас здесь ожидает? И еще ваш сын. – Он бросил взгляд на лежавшую перед ним анкету. – Дэниел. Вашу супругу несколько не смущает подобная перспектива?

– Уэнди – необыкновенная женщина.

– И сын у вас тоже необыкновенный?

Джек расплылся в своей самой широкой улыбке, которую всегда пускал в ход, если хотел обаять собеседника.

– Да, нам бы хотелось так думать. Для пятилетнего мальчика он вполне самостоятелен.

Ответной улыбки от Уллмана он не дождался. Тот лишь сунул заявление и анкету Джека обратно в папку. А папка перекечевала внутрь стола, поверхность которого теперь почти опустела, если не считать тетради для записей, телефона, лампы на шарнирной стойке и двух лотков, помеченных словами «Входящие» и «Исходящие». Причем оба тоже были пусты.

Уллман встал и подошел к стоявшему в углу шкафу для документов.

– Не могли бы вы обойти стол с моей стороны, мистер Торранс? Мы вместе посмотрим планировку этажей.

Он вернулся с пятью большими листами и расстелил их на полированной ореховой столешнице. Джек встал с ним плечом к плечу и уловил резкий запах одеколона, исходивший от Уллмана.

Все мужчины моего склада пользуются либо «Инглиш лэзер», либо вообще ничем, почему-то подумал он, и ему пришлось чуть прикусить язык, чтобы сдержать невольный смешок. Сквозь стену доносился слабый шум кухни отеля «Оверлук», где шли приготовления к обеду.

– Верхний этаж, – пустился в энергичные объяснения Уллман. – Это чердак. Там нет абсолютно ничего, кроме старого хлама. Со времен Второй мировой войны «Оверлук» сменил нескольких владельцев, и такое впечатление, что каждый из управляющих сваливал туда всю ненужную ему рухлядь. Я хочу, чтобы там расставили крысоловки и разбросали отраву. Некоторые горничные с четвертого этажа жаловались на шуршание сверху. Я ни на секунду не допускаю такой мысли, но следует исключить малейшую вероятность, что в отеле «Оверлук» могла завестись хотя бы одна крыса.

Джеку, который подозревал, что в любой гостинице мира непременно обитает хотя бы пара-другая крыс, пришлось снова придержать язык.

– И разумеется, вы ни при каких обстоятельствах не должны позволять своему сыну забираться на чердак.

– Само собой. – Джек сверкнул парадной улыбкой. Унизительная ситуация. Неужели этот напыщенный маленький хмырь считает, что он мог бы разрешить своему сыну дурачиться на чердаке среди ловушек для крыс, обломков старой мебели и бог знает чего еще?

Уллман убрал план чердачного этажа и сунул его в самый низ кипы листов.

– «Оверлук» располагает ста десятью помещениями для постояльцев, – продолжил он тоном лектора. – Тридцать из них, и все это – апартаменты, находятся здесь, на четвертом этаже. Десять в западном крыле (включая президентский люкс), десять по центру здания и еще десять в левом крыле. Отовсюду открываются великолепные виды.

Неужели нельзя обойтись без рекламы?

Но Джек промолчал. Ему очень нужна была эта работа.

Уллман переложил план четвертого этажа вниз, и они изучили схему третьего.

– Сорок номеров, – сказал Уллман. – Тридцать двухместных и десять одноместных. На втором этаже у нас по двадцать номеров каждой из этих категорий. В придачу к этому на всех этажах имеются по три стенных шкафа для постельного белья, а две большие кладовки расположены в самом дальнем конце восточного крыла второго этажа и в западной оконечности первого. Вопросы есть?

Джек помотал головой. Уллман мгновенно убрал планы третьего и второго этажей.

– Так. Теперь первый этаж. Начнем с вестибюля. Вот здесь, в центре, – стойка регистрации. Позади нее расположены служебные кабинеты. Холл простирается от стойки на восемьдесят футов в каждом направлении. Здесь, в западном крыле, находятся ресторан «Оверлук» и «Колорадо-холл». Банкетный и балльный зал – в противоположном, восточном крыле. Вопросы есть?

– Только относительно подвала, – сказал Джек. – Ведь для зимнего зрителя это самый важный этаж. Его основное рабочее место, если можно так выразиться.

– Там вам все покажет Уотсон. План подвала висит на стене в котельной. – Уллман снова приосанился, сдвинул брови, вероятно, желая всем своим видом показать, что как управляющий не нисходит до таких прозаических деталей жизни отеля, как отопление, водопровод или канализация. – Кстати, неплохо было бы поставить несколько ловушек для крыс и внизу. Одну минуточку...

Он нацарапал несколько слов в блокнотике, который достал из внутреннего кармана пиджака (поверх каждой странички жирным шрифтом значилось: *От Стюарта Уллмана, главного управляющего*), вырвал записку и положил в лоток «Исходящие». Она легла на дно в тоскливом одиночестве. А блокнот снова исчез в кармане, словно знаменуя финал фокуса. Видишь, малыш Джеки, вот он был, а вот его нет. Ну и тип!

Затем они вернулись на исходные позиции. Уллман уселся за свой стол, а Джек пристроился напротив. Тот, кто задает вопросы, и тот, кто на них отвечает. Кандидат в работники и несговорчивый начальник. Уллман сложил свои опрятные ручки поверх тетради и посмотрел на Джека в упор – миниатюрный лысеющий мужчина в костюме банкира, с неброским серым галстуком. Цветок в петлице уравнивала приколотая к лацкану прямоугольная табличка. «СОТРУДНИК ОТЕЛЯ», – сообщали четкие золотые буквы.

– Буду с вами предельно откровенен, мистер Торранс. Альберт Шокли – влиятельный человек и один из совладельцев отеля «Оверлук», принесшего в этом сезоне прибыль впервые за всю свою историю. Мистер Шокли также заседает в нашем совете директоров, но ничего не смыслит в гостиничном бизнесе и сам готов первым признать это. Однако в том, что касается найма зимнего зрителя, он высказал свое пожелание совершенно недвусмысленно. Он хочет, чтобы эту работу получили вы. И я выполню его пожелание. Но если

бы в данном вопросе мне предоставили свободу выбора, я бы вас не взял.

Джек держал руки крепко сцепленными на коленях, потирая взмокшие от пота ладони. *Напыщенный маленький хмырь, напыщенный маленький хмырь, напыщенный...*

– Как мне показалось, мистер Торранс, я вам не слишком симпатичен. Но мне это безразлично. И уж конечно, те чувства, которые я у вас вызываю, несколько не влияют на мою уверенность, что вы не годитесь для этой работы. В разгар сезона, который продолжается с пятнадцатого мая по тридцатое сентября, в «Оверлуке» трудятся сто десять человек, то есть, можно сказать, по одному работнику на каждый номер отеля. И я не думаю, что нравлюсь многим из них, а кое-кто, как я подозреваю, считает меня в некотором роде сволочью. Это вполне справедливо. Мне действительно приходится быть до известной степени мерзавцем, чтобы управлять этим отелем так, как он того заслуживает.

Он посмотрел на Джека, ожидая ответной реплики, но Джек лишь вновь просиял своей фирменной улыбкой. Широкой и почти оскорбительно белозубой.

Уллман продолжал:

– «Оверлук» был построен в тысяча девятьсот седьмом – тысяча девятьсот девятом годах. Ближайший город, Сайдуайндер, расположен в сорока милях к востоку, и дороги к нему закрыты примерно с конца октября до начала апреля. Возвел отель человек по имени Роберт Таунли Уотсон – дед нашего нынешнего главного механика. Здесь останавливались Вандербильты, Рокфеллеры, Асторы и Дюпоны. Президентский люкс в свое время занимали четыре президента США. Вильсон, Гардинг, Рузвельт и Никсон.

– Ну, Гардингом и Никсоном я бы хвалиться не стал, – пробормотал Джек.

Уллман нахмурился, но продолжил:

– Для мистера Уотсона «Оверлук» оказался непосильным бременем, и в тысяча девятьсот пятнадцатом году он его продал.

Отель снова сменил владельцев в тысяча девятьсот двадцать втором, двадцать девятом и тридцать шестом годах. Затем до окончания Второй мировой войны он стоял без дела, пока его не купил Хорас Дервент – миллионер, изобретатель, летчик, кинопродюсер и предприниматель. Он также провел полную реконструкцию.

– Имя мне знакомо, – заметил Джек.

– Еще бы! Все, к чему прикасался этот человек, казалось, тут же превращалось в золото... Но только не «Оверлук». Дервент превратил устаревшую развалюху в образцовое заведение, вложив в отель миллион долларов еще до того, как порог переступил первый послевоенный постоялец. Именно Дервент распорядился устроить корт для роке, который, как я заметил, произвел на вас некоторое впечатление.

– Роке?

– Британская игра, предшественница крокета, мистер Торранс. Крокет – это всего лишь уродливая версия роке. Как гласит легенда, Дервента научил играть его секретарь по вопросам светского протокола, и Дервент очень полюбил роке. Вполне вероятно, что наш корт стал самым первым в Америке.

– Не сомневаюсь, – с угрюмым видом сказал Джек. Роке-корт, фигурно подстриженные живые изгороди в виде животных вдоль фасада. Что ему еще покажут? Как постояльцы играют в дядюшку Уиггли ^[2] за сараем для инвентаря? Мистер Стюарт Уллман уже успел до крайности надоест ему, но он видел, что тот еще не закончил. Уллману представился шанс поговорить, и он собирался высказать все до последнего слова.

– Когда убытки превысили три миллиона, Дервент продал «Оверлук» группе инвесторов из Калифорнии. Но и они потерпели здесь полный провал. Те люди тоже ничего не понимали в гостиничном деле. В тысяча девятьсот семидесятом году мистер Шокли совместно со своими деловыми партнерами приобрел отель и назначил меня управляющим. Признаюсь, на протяжении ряда лет наш баланс тоже оставался отрицательным, но, как я с большим

удовлетворением могу подчеркнуть, это ничуть не поколебало полного доверия ко мне со стороны нынешних владельцев. И вот по итогам прошлого финансового года мы вышли на безубыточный уровень. А в нынешнем году бухгалтерия «Оверлука» зафиксировала прибыль, что произошло впервые почти за семь десятилетий.

Джек подумал, что этот болтливый коротышка имеет полное право гордиться собой, но потом на него вновь накатила первоначальная антипатия.

И он сказал:

– Простите, мистер Уллман, но я не вижу связи между, бесспорно, весьма колоритной историей отеля и вашим мнением, что я не гожусь для этой работы.

– Одна из причин убыточности «Оверлука» состоит в значительной амортизации основных фондов, которая происходит каждую зиму. Вы не поверите, мистер Торранс, насколько сильно это снижает шансы сделать окончательный баланс положительным. Зимы здесь фантастически суровые. Чтобы справиться с проблемой, я ввел в штатное расписание полноценную должность зимнего смотрителя, который управлял бы котельной и ежедневно прогревал различные помещения отеля на основе планомерной ротации. Он должен немедленно устранять повреждения, как только они возникнут, и проводить профилактические ремонтные работы, чтобы не позволить стихии нанести нам урон. Быть постоянно готовым к любым случайностям и непредвиденным обстоятельствам. И вот в первую же зиму я нанял целую семью, вместо того чтобы поручить это дело одинокому мужчине. И произошла трагедия. Ужасающая трагедия.

При этом Уллман вновь посмотрел на Джека холодным, оценивающим взглядом.

– Я совершил ошибку. И честно признаю это. Отец семейства оказался горьким пьяницей.

Джек почувствовал, как его губы медленно начинают кривиться в злой усмешке, являвшей собой полную противоположность

белозубой улыбке на публику.

– Так вот оно что! Странно, что Эл ничего вам не сказал. Я больше не употребляю спиртное.

– Нет, мистер Шокли сообщил мне, что вы теперь не пьете. Но он также рассказал мне о вашей предыдущей работе... Скажем так, о последней ответственной должности, которую вы занимали. Вы преподавали английский язык и литературу в одной из школ Вермонта. И однажды полностью потеряли контроль над собой. Не думаю, что мне следует сейчас вдаваться в детали. Но при этом я считаю, что случай с Грейди послужил для нас слишком жестоким уроком, и именно по этой причине я позволил себе затронуть в нашем разговоре... э-э... эпизод из вашего прошлого. Зимой тысяча девятьсот семидесятого – семьдесят первого годов, после того как завершилась реконструкция отеля, но до начала нашего первого сезона, я нанял этого несчастного... Этого злополучного человека по имени Делберт Грейди. Он поселился в помещении, куда предстоит въехать вам с супругой и сыном. У него тоже была семья – жена и две дочурки. Я испытывал определенные опасения, связанные в основном с суровостью здешних зим и тем фактом, что семье Грейди предстояло оказаться отрезанной от внешнего мира на пять или даже шесть месяцев.

– Но ведь на самом деле все не так уж страшно, не правда ли? Здесь есть телефоны и, вероятно, рация. К тому же национальный парк «Скалистые горы» находится в пределах досягаемости вертолета, а у них наверняка найдется хотя бы пара «вертушек».

– Об этом мне ничего не известно, – сказал Уллман. – Но в отеле действительно есть радиостанция для двусторонней связи. Мистер Уотсон покажет вам, как ею пользоваться, и даст список необходимых частот для вызова помощи, если она вам понадобится. Телефонная линия до Сайдуайндера по старинке проложена над землей, и почти каждую зиму происходит обрыв, на устранение которого обычно требуется от трех недель до полутора месяцев. Добавлю, что в сарае для инструментов стоит снегоход.

– Видите, значит, это место нельзя считать полностью отрезанным от цивилизации.

Лицо Уллмана исказила болезненная гримаса.

– Предположим, ваш сын или жена упадут с лестницы и проломают себе череп. Для вас и тогда это место покажется не полностью отрезанным от цивилизации, а, мистер Торранс?

Джек понял, что он имел в виду. Снегоход, если гнать его во весь опор, достигнет Сайдуайндера часа за полтора... В лучшем случае. Вертолет спасательной службы национального парка окажется здесь часа через три. Но это при оптимальных погодных условиях. В пургу вертолет не оторвется от земли, а снегоход не разгонится, даже если вы осмелитесь перевозить тяжелораненого человека при температуре минус двадцать пять градусов – или, учитывая ветер, все минус сорок пять ^[3].

– В случае с Грейди, – продолжил Уллман, – я рассуждал примерно так же, как мистер Шокли по вашему поводу. Одиночество тяжело переносить само по себе. Гораздо лучше, чтобы рядом с мужчиной находились члены его семьи. Если возникнет проблема, прикидывал я, то скорее всего не столь серьезная, как проломленный череп, несчастный случай при использовании электрического инструмента или приступ падучей. Даже при тяжелом гриппе, пневмонии, при переломе руки или аппендиците времени, чтобы вызвать подмогу, будет достаточно.

Как я подозреваю, подлинными причинами трагедии стал перебор с дешевым виски, огромный запас которого втайне от меня завез сюда Грейди, и редкое заболевание, называющееся «синдромом отшельника», а в просторечии именуемое «лихоманкой лесной хижины». Вам знакомы эти термины?

Уллман уже заготовил снисходительную усмешку, готовый дать разъяснения, как только Джек признает свое невежество в подобных вопросах, а потому тот был счастлив предоставить быстрый и точный ответ:

– Да, так именуется одно из проявлений клаустрофобии, когда человек или небольшая группа людей оказывается отрезанной от внешнего мира в течение длительного периода времени. Первым внешним признаком заболевания обычно становится развитие антипатии к людям, вместе с которыми больной находится в изоляции. В острой форме появляются галлюцинации и склонность к насилию. Известны случаи, когда происходили убийства по таким ничтожным поводам, как пережаренное мясо или спор о том, чья очередь мыть посуду.

При виде удивления и смущения на лице Уллмана Джек почувствовал себя намного лучше. Он решил надавить на больное место, но тут же дал мысленное обещание Уэнди не перегибать палку.

– Вы и в самом деле допустили грубейший промах. Он что же, начал избивать своих домочадцев?

– Он их убил, мистер Торранс, а потом покончил с собой. Своих маленьких дочек он зарубил кухонным топором, жену застрелил из ружья и сам застрелился из него же. При этом у него оказалась сломана нога. Несомненно, он допился до того, что упал с лестницы.

Уллман развел руки в стороны и посмотрел на Джека с самодовольным видом.

– У него было хотя бы среднее образование?

– Нет, не было, если уж на то пошло, – ответил Уллман с некоторой настороженностью. – Но я рассудил, что человек, не наделенный, скажем так, слишком богатым воображением, будет менее подвержен отчаянию и подавленности, вызванным одиночеством...

– Вот тут и коренилась ваша ошибка, – сказал Джек. – Наоборот, умственно ограниченная личность более подвержена «синдрому отшельника», точно так же, как более склонна открывать стрельбу за карточной игрой или совершать вооруженные ограбления под воздействием необдуманного, импульсивного решения. Таким людям быстро становится скучно. В снежном плену нечем себя

занять, кроме как пялиться в телевизор или раскладывать пасьянсы, жульничая, чтобы они сходились. Остается только собачиться с женой, шпынять детей и выпивать. Трудно спать без привычного городского шума. И приходится напиваться до бессознательного состояния, чтобы наутро проснуться с тяжелым похмельем. Человек становится раздражительным. А потом, вероятно, обрывается телефонная связь, ломается телевизионная антенна, и он остается наедине с тяжелыми мыслями, подтасованными пасьянсами и все нарастающей злобой в душе. Она все растет и растет. И наконец – бах, бах, бах!

– А чем же отличается более образованный мужчина? Вы сами, например?

– Мы с женой оба любим читать. А я еще и работаю над пьесой, о чем, возможно, упомянул Эл Шокли. У Дэнни есть головоломки, книжки-раскраски и детекторный радиоприемник. Я планирую научить его читать и показать, как ходить на снегоступах. Уэнди это тоже понравится. Не сомневайтесь, мы найдем чем развлечься и не вцепимся друг другу в волосы, даже если останемся без телепередач. – Джек немного помолчал. – И Эл не покривил душой, когда сказал, что я больше не пью. Когда-то я этим действительно увлекался и чуть не перегнул палку. Но за последние четырнадцать месяцев я не выпил и кружки пива. Я не собираюсь привозить сюда алкоголь, а когда выпадет снег, у меня не будет такой возможности.

– В этом вы совершенно правы, – кивнул Уллман. – Но поскольку вас здесь будет трое, вероятность потенциальных проблем пропорционально возрастает. Я говорил об этом мистеру Шокли, но он заверил, что берет всю ответственность на себя. А после разговора с вами я вижу, что вы тоже готовы отвечать за себя и...

– Полностью готов.

– Хорошо. Мне придется с этим смириться, поскольку выбора нет. Но я все равно предпочел бы видеть на вашем месте не обремененного семьей студента колледжа в академическом отпуске. Хотя, возможно, вы и справитесь. Теперь же я передам вас в руки

мистера Уотсона, который покажет вам планировку подвала и устроит небольшую экскурсию. Если только у вас не осталось ко мне никаких вопросов.

– Вопросов больше нет.

Уллман поднялся.

– Надеюсь, вы не затаили в душе обиду, мистер Торранс. Поверьте, в моих словах нет ничего личного. Для меня превыше всего интересы «Оверлука». Это великолепный отель. И я лишь хочу, чтобы он таким и оставался.

– Что вы! Никаких обид. – Джек снова включил парадную улыбку, но обрадовался, когда Уллман не протянул ему руку для прощального пожатия. На самом деле обида осталась. И даже больше, чем просто обида.

Глава 2

Боулдер

Она выглянула в окно кухни и увидела, что он просто сидит на краю тротуара, не играя ни с грузовичками, ни с тележкой, ни даже с моделью планера из бальзового дерева, которой так радовался, когда на прошлой неделе Джек принес ее домой. Он сидел, прижав локти к бедрам и подперев руками подбородок, и высматривал, не появится ли их заезженный в хвост и в гриву «фольксваген». Пятилетний мальчик, ждущий своего папочку.

Уэнди внезапно почувствовала себя плохо, просто ужасно.

Она повесила кухонное полотенце на перекладину рядом с раковиной и спустилась вниз, на ходу застегивая две верхние пуговицы своего домашнего платья. Ох уж этот Джек и его гордость! *Нет, Эл, не нужен мне никакой аванс. Я пока могу обойтись.* Стены коридора были сплошь исписаны фломастерами, восковыми карандашами и краской из баллончиков. Ступеньки лестницы – крутые и выщербленные. Все здание от ветхости провоняло какой-то кислятиной. Разве это подходящее место для Дэнни после их небольшого, но такого уютного кирпичного дома в Стовингтоне? Люди, жившие этажом выше, не состояли в браке, но если это ее мало беспокоило, то их бесконечные и бурные ссоры крепко действовали на нервы. И пугали. Парня звали Том. В конце рабочей недели, когда закрывались все бары, они являлись домой, и тут начинались настоящие побоища. В сравнении с этим ссоры в другие дни казались всего лишь легкой прелюдией. «Петушины бои по пятницам» – так выражался Джек, но смеяться над шуткой вовсе не хотелось. Под конец женщина по имени Элейн неизменно раздражалась рыданиями и все повторяла: «Том, не надо. Пожалуйста, не надо, Том. Ну пожалуйста...» А он продолжал орать на нее. Однажды они даже умудрились разбудить Дэнни, а ведь Дэнни

всегда спал как убитый. На следующее утро Джек перехватил Тома, когда тот выходил из подъезда, и долго с ним о чем-то разговаривал. Том начал бушевать, и тогда Джек сказал ему что-то еще, очень тихо, чтобы Уэнди не расслышала, а Том угрюмо кивнул и ушел. Было это неделю назад, и несколько дней прошли спокойно, но с пятницы события вновь вернулись в привычную, естественную... то есть, конечно же, неестественную колею. А для маленького мальчика это очень плохо.

На нее снова накатила тоска, но она уже вышла на тротуар и потому поспешила избавиться от этого чувства. Подобрал подол платья, Уэнди уселась рядом с сыном и спросила:

– Как тут дела, док?

Он улыбнулся в ответ, но довольно натянуто.

– Привет, мам.

Модель планера он держал между обутыми в кроссовки ногами, и она заметила, что в одном из крыльев наметилась трещина.

– Хочешь, я посмотрю, смогу ли починить его, милый?

Но взгляд Дэнни уже опять был устремлен в дальний конец улицы.

– Нет, папа его починит.

– Но папа может не вернуться до самого ужина, док. До гор путь неблизкий.

– Ты думаешь, «жук» сломается?

– Нет, я так не думаю, – ответила она, хотя на самом деле сын только что дал ей еще один повод для беспокойства. *Спасибо, Дэнни. Только этого мне и не хватало.*

– Папа говорил, что он может, – продолжал Дэнни без тени волнения, почти скучающим тоном. – Бензонасос, сказал он, превратился в полное дерьмо.

– Не произноси таких слов, Дэнни!

– Каких слов? Бензонасос? – спросил мальчик с искренним удивлением.

– Нет. Превратился в дерьмо. Не надо так говорить.

– Почему?

– Потому что это вульгарно.

– А что такое вульгарно, мам?

– Вульгарно ковырять в носу за столом и пи2сать, не закрыв за собой дверь туалета. А еще говорить «дерьмо». Это вульгарное слово. Хорошие люди его не употребляют.

– Но папа же употребил. Когда осматривал мотор «жука», сказал: «Господи! Этот бензонасос так износился, что превратился в полное дерьмо». Разве папа – нехороший человек?

Ну и как ему объяснить такое, Уиннифред? Репетировать речь заранее?

– Конечно, хороший, но ведь он взрослый. И потому умеет быть осторожным и не говорит таких слов людям, которые могут неправильно его понять.

– Вроде дяди Эла?

– Да, вроде него.

– А я смогу так говорить, когда вырасту?

– Наверное, сможешь, нравится мне это или нет.

– Во сколько лет?

– Как насчет двадцати, док?

– Больно долго ждать.

– Да, долго, но ведь ты постарайся?

– Ладно.

И он вернулся к наблюдению за улицей. Чуть напрягся, словно собрался встать, но проехавший мимо «жук» оказался гораздо новее и более яркого красного цвета. Он снова расслабился. А она задумалась, тяжело ли Дэнни дался переезд в Колорадо. Сам он ничего об этом не говорил, но она беспокоилась, замечая, как много времени он проводит теперь в одиночестве. В Вермонте у троих коллег Джека были дети примерно одного с Дэнни возраста (не говоря уже о детском саде), но в этом квартале играть ему было совершенно не с кем. Большинство квартир занимали студенты Университета штата Колорадо, а из семейных пар, обитавших на Арапахо-стрит, лишь немногие имели детей. До сих пор она

заметила дюжину старшеклассников или школьников помладше, троих младенцев – и все.

– Мамочка, а почему папа потерял работу?

Ее словно толчком вывели из задумчивости и заставили мысленно барахтаться в поисках ответа. Они с Джеком обсуждали, как им быть, если Дэнни однажды задаст именно этот вопрос, и вероятные объяснения варьировали от уклончивых до совершенно правдивых, без прикрас. Но Дэнни ни о чем не спрашивал. До нынешнего момента, когда она испытывала упадок сил и оказалась менее всего готовой к вопросу. А он смотрел на нее, видел, вероятно, растерянность на ее лице и приходил к каким-то своим собственным выводам по этому поводу. Она подумала, что детям мотивы и поступки взрослых должны казаться такими же огромными и угрожающими, как опасные дикие звери, которые мерещатся им в тени лесной чащи. Детей дергали в разные стороны, как марионеток на веревочках, а они понятия не имели, зачем с ними так поступают. От этой мысли она опять чуть не заплакала и, борясь со слезами, склонилась вперед, взяла подраненный планер и принялась вертеть его в руках.

– Твой папа готовил школьную команду к соревнованиям по искусству полемики. Помнишь?

– Конечно, – ответил он. – К спорам смеха ради, так это у него называлось.

– Верно. – Она покрутила планер в руках, прочла название («Спидоглайд»), рассмотрела переводные картинки в виде синих звезд на крыльях и вдруг поняла, что рассказывает сыну чистую правду. – И был один мальчик по имени Джордж Хэтфилд, которого папе пришлось убрать из команды. Просто он оказался не так хорош, как другие. Но Джордж заявил, что папа отчислил его потому, что невзлюбил, а не потому, что посчитал недостаточно подготовленным. А потом Джордж совершил очень плохой поступок. Думаю, ты слышал об этом.

– Это он наделал дырок в шинах нашего «жука»?

– Да, он. Все произошло после уроков, и твой папа застал его за этим занятием.

Ею вдруг овладели сомнения, но пути назад были отрезаны. Оставалось либо сказать всю правду, либо солгать.

– Твой папа... Понимаешь, иногда он совершает поступки, о которых ему потом приходится сожалеть. Иногда его разум работает не так, как следовало. Такое случается не очень часто, но все же бывает.

– Он сделал Джорджу Хэтфилду так же больно, как мне, когда я раскидал все его бумаги?

Иногда...

(Дэнни и его рука в гипсе)

...он совершает поступки, о которых ему потом приходится сожалеть.

Уэнди резко сморгнула, чтобы загнать подступившие слезы подальше внутрь.

– Да, примерно так же, милый. Твой папа ударил Джорджа, чтобы тот прекратил резать колеса, а Джордж стукнулся при этом головой. А потом люди, которые управляют школой, решили, что Джордж не сможет ее больше посещать, а твой папа не должен больше там преподавать.

Она замолчала, не находя нужных слов и в страхе ожидая череду других вопросов.

– Вот как... – сказал Дэнни и снова уставился на улицу. Очевидно, тема была исчерпана. Жаль, она не могла быть с такой же легкостью исчерпана для самой Уэнди...

Она поднялась на ноги.

– Пойду наверх и выпью чашку чая, док. Не хочешь печенья со стаканом молока?

– Нет. Я лучше дождусь здесь папу.

– Не думаю, что он вернется домой до пяти.

– А вдруг он приедет пораньше?

– Возможно, – согласилась она. – Быть может, и приедет.

Она уже почти дошла до входной двери, когда он окликнул:

– Мамочка!

– Что такое, Дэнни?

– Ты действительно хочешь поехать жить в том отеле на всю зиму?

Вот те раз! И какой из пяти тысяч возможных ответов ей следует сейчас дать? Тот, что пришел на ум вчера вечером, или этой ночью, или уже утром? Все они были разные, и их смысловые оттенки менялись от ярко-розового до беспросветно-черного.

Она сказала:

– Если этого хочет твой отец, то хочу и я.

Потом помедлила.

– А ты сам?

– Наверное, хочу, – ответил он после паузы. – Здесь и поиграть-то особенно не с кем.

– Скучаешь по приятелям, да?

– Иногда скучаю по Скотту и Энди. Вот и все.

Она вернулась, поцеловала его и потрепала по голове, по светлым волосам, только начавшим терять младенческую нежную пушистость. Ее сын был настолько серьезным для своих лет мальчиком, что ей иногда становилось страшно, каково ему будет жить с такими родителями, как она сама и Джек. Большие ожидания, с которых они начинали, свелись к этому неопрятному многоквартирному дому в совершенно незнакомом месте. Перед ней снова возник образ Дэнни в гипсе. Кто-то в Небесной службе распределения совершил ошибку, которую, как она иногда опасалась, уже никогда не удастся исправить, а расплачиваться придется самому невинному участнику этой истории.

– Только не выходи на проезжую часть, – сказала она и еще раз обняла его.

– Конечно, мам.

Она поднялась наверх и прошла в кухню. Поставила чайник и положила на тарелку два круглых печенья, на случай если Дэнни надумает прийти домой, а она уже ляжет. Устроившись за столом со

своей большой керамической кружкой, она снова посмотрела в окно: он сидел на том же месте, в джинсах и слишком большом для него темно-зеленом форменном свитере Стовингтонской подготовительной школы. Планер лежал рядом на тротуаре. Слезы, угрожавшие пролиться с самого утра, теперь хлынули ручьем, и она плакала, низко склонившись над ароматным паром, клубившимся из кружки. Она рыдала, оплакивая горести и утраты прошлого, в страхе перед будущим.

Глава 3

Уотсон

«Вы потеряли контроль над собой», – сказал Уллман.

– Так. Вот топка. – Уотсон включил свет в мрачном и затхлом помещении. Это был упитанный мужчина с пышной шевелюрой цвета поп-корна, в белой рубашке и легких темно-зеленых брюках. Он распахнул небольшую квадратную заслонку в корпусе топки, и они с Джеком вместе заглянули туда.

– Это контрольная горелка.

Сине-белая шипящая струйка пламени устремлялась вверх с ровной разрушительной силой, и, подумалось Джеку, ключевое слово здесь *разрушительная*, а не *ровная*: сунь туда ладонь – и тут же запахнет паленым мясом.

Потерял контроль над собой.

(Дэнни, с тобой все хорошо?)

Топка занимала почти всю комнату и была, несомненно, самой большой и старой из всех, что Джек когда-либо видел.

– Горелка оборудована предохранителем, – сообщил Уотсон. – Там установлен маленький приборчик, который измеряет температуру. Если она упадет ниже нужного уровня, в твоей квартире заорет зуммер. Бойлер расположен по ту сторону стены. Я тебе его сейчас покажу.

Он захлопнул заслонку и повел Джека вокруг громады топки к другой двери. Металл дышал одуряющим жаром, и почему-то Джеку это зрелище напомнило огромную спящую кошку.

Потерял контроль...

(Когда он вернулся в свой кабинет и увидел там улыбающегося Дэнни в одних спортивных трусах, багровое облако ярости медленно затуманило Джеку рассудок. Впрочем, медленным это показалось только ему самому, а на самом деле все произошло

менее чем за минуту. Это была иллюзия замедленности, как нам представляются замедленными некоторые наши сны. Дурные сны. За время его отсутствия каждая полка и каждый ящик в кабинете подверглись разорению. Шкафы, бюро, книжные стеллажи. Все выдвижные ящики письменного стола были выдернуты наружу. Листы его рукописи – пьесы в трех действиях, над которой он кропотливо трудился, переделывая новеллу, написанную семь лет назад, еще студентом – были беспорядочно разметаны по полу. Он как раз пил пиво, внося поправки во второй акт, когда Уэнди позвала его к телефону, и Дэнни успел разлить пиво из банки по страницам пьесы. Вероятно, чтобы посмотреть, будет ли оно пениться. *Будет ли пениться, будет ли пениться* – эти слова звучали у него в голове снова и снова, подобно однообразному тошнотворному аккорду на расстроенном пианино, замыкая гневную цепь в мозгу. Он решительно шагнул к своему трехлетнему тогда сыну, смотревшему на него снизу вверх с широкой улыбкой, явно получившему удовольствие от успешно проделанной в отцовском кабинете «работы». Дэнни пытался что-то ему сказать, но именно в тот момент он схватил его за руку и выгнул ее, чтобы заставить выронить «Штрих» для пишущей машинки и автоматический карандаш, которые сын все еще сжимал в кулачке. Дэнни чуть слышно вскрикнул... *Нет... Нет... Говори правду.* Он громко закричал. Джек плохо помнил подробности – облако злости, мерзкий звук, напомнивший ему пародии Спайка Джонса... Откуда-то доносился голос Уэнди, спрашивавшей, что случилось. Ее заглушал внутренний туман. Да и при чем здесь она? Дело касалось только их двоих. Он резко развернул Дэнни, чтобы отшлепать, и сильные мужские пальцы сдавили тощее предплечье малыша. Треск сломавшейся кости был не громким, вовсе не громким, а *очень* громким – ОГЛУШАЮЩИМ, но не громким. Этого звука оказалось вполне достаточно, чтобы стрелой пронзить всепоглощающий красный туман. Но вместо того чтобы принести с собой свет, звук впустил в сознание новые черные облака стыда и сожаления, страха и мук

совести конвульсивно агонизирующей души. Это был чистейший звук, оставивший прошлое по одну сторону, а будущее – по другую. Такой же звук издает сломавшийся грифель карандаша или хворост, который для растопки переламываешь через колено. И полная тишина по другую сторону, похожая на дань уважения к наступившей новой жизни, которая продлится теперь до конца дней. Он видит, как от лица Дэнни отливает кровь, делая его похожим на сыр, видит глаза сына: всегда такие большие, они становятся еще крупнее, но взгляд их стекленеет. И Джеку уже представляется, как Дэнни падает без чувств на ворох пропитанных пивом листов бумаги; он слышит собственный голос – слабый, пьяный, нечленораздельный, абсурдная попытка повернуть все вспять, чтобы никакого звука, никакого громкого треска сломанной кости не было и в помине (должен же в доме быть порядок, в конце-то концов?). «Дэнни, с тобой все хорошо?» И вопль боли в ответ, а потом испуганные причитания Уэнди, когда она вошла и сразу увидела, под каким неестественным углом выгнуто предплечье сына; рука никак не могла так изломанно свисать в том мире, где живут нормальные семьи. Ее собственный крик, когда она обняла Дэнни, бормоча бессмыслицу: «О Боже о Боже милостивый о Господи твоя ручка твоя бедненькая ручка»; и Джек, стоявший рядом, растерянный и поглупевший, бессильный постичь, как что-то подобное могло произойти. Он стоял, а потом его глаза встретились с глазами жены, и он понял, что Уэнди ненавидела его. Тогда до него не дошло, что эта ненависть могла означать в обыкновенном, житейском смысле. Только позже он осознал: в тот вечер она вполне была способна уйти от него, снять номер в мотеле, а утром обратиться к адвокату по разводам или даже вызвать полицию. Но сначала он увидел лишь ненависть жены – и был глубоко потрясен, испытыв полнейшее одиночество. Ощущение оказалось ужасным. Подобным смерти. Потом Уэнди бросилась к телефону, чтобы набрать номер больницы, держа кричащего мальчика на согнутой в локте руке, но Джек не

пошел за ней, а остался стоять посреди хаоса своего кабинета, дыша пивными парами и думая...)

Вы потеряли контроль над собой.

Он резко провел ладонью по губам и последовал за Уотсоном в бойлерную. Там оказалось очень влажно, но лоб, живот и ноги Джека покрылись отвратительно липким потом не от сырости. Так подействовало воспоминание, настолько живое и острое, будто события ночи двухлетней давности произошли каких-то два часа назад. Словно не было никакой временно2й дистанции. Вернулись стыд, отвращение к себе, осознание собственной никчемности. В свою очередь, эти чувства всегда вызывали у Джека жгучее желание выпить, а тяга к алкоголю только глубже погружала его в черную бездну безысходного отчаяния: да будет ли в жизни хотя бы час (заметьте, не неделя и не целый день, а всего лишь час), когда его перестанет заставлять врасплох стремление приложиться к бутылке?

– Бойлер, – провозгласил Уотсон. Затем вытащил из заднего кармана брюк красно-синюю бандану, беззастенчиво и смачно высморкался в нее и убрал с глаз долой, предварительно бегло взглянув, не вылезло ли на свет божий чего интересного.

Котел – длинная стальная цистерна, покрытая слоем меди и во многих местах уже залатанная, – покоился на четырех бетонных блоках. Поверх него находилось мудреное переплетение сочлененных между собой труб и патрубков, которые зигзагами уходили в высокий, сплошь покрытый густой паутиной потолок подвала. Справа от Джека из стены выходили две крупные отопительные трубы от топки.

– Вот манометр. – Уотсон постучал по прибору. – Давление измеряется в фунтах на квадратный дюйм. Но уж такие штуки ты сам должен знать. Я сейчас снизил его до сотни, и по ночам в номерах холодновато. Плевать. Почти никто не жалуется. И какого лешего? Надо быть вообще полным мудаком, чтобы притащиться сюда в сентябре. К тому же этот старичок уже давно отжил свое. На нем

больше заплаток, чем на портках, которые бесплатно раздают безработным.

Бандана снова появилась на свет божий. Громкий хрюкающий звук. Быстрый взгляд. И платок исчез в кармане.

– Я и сам подцепил сучью простуду, – сообщил Уотсон. – Каждый сентябрь одна и та же песня. Я тут парюсь с этой старой хреновиной, а потом вылезаю наружу постричь траву или разровнять корт. С жары на холод – и простуда обеспечена, как говаривала моя мамаша, упокой, Господи, ее душу. Шесть лет как померла. Рак доконал. Рак – он такой. Если завелся, все, тебе кранты. Пиши завещание.

Ты вообще можешь не поднимать давление выше пятидесяти или шестидесяти. Мистер Уллман велел прогревать сегодня западное крыло, завтра – центр, а послезавтра – левое крыло. Он больной на всю голову, ты заметил? Ненавижу этого маленького недоноска! Ля-ля-ля... И так целый день. Он смахивает на комнатную собачонку, что цапнет тебя за лодыжку, а потом отбежит в сторонку и твой же ковер обоссyt. Если бы мозги делали из пороха, ему бы не удалось взорвать даже собственный шнобель. Иногда такое творит, что хочется схватиться за пистолет. Вот только жаль, его у меня нет.

Теперь глянь сюда. Подачу тепла в трубы будешь регулировать вот этими вентилями. Я их все для тебя пометил. Те, что с синими висюльками, идут в номера восточного крыла. С красными – в центр. Желтые, стало быть, обогревают западную часть. Когда станешь прогревать западное крыло, помни, что та часть отеля больше всего страдает от стужи. Когда завернет мороз, в номерах там холоднее, чем у фригидной телки в причинном месте. А потому в дни прогрева западной стороны поднимай давление до восьмидесяти. Я бы так и делал на твоём месте.

– Наверху я заметил термостаты и подумал... – начал было Джек.

Но Уотсон принялся так выразительно мотать головой, что шапка волос на его голове заходила ходуном.

– Регуляторы в номерах никуда не подключены. Их воткнули для видимости. Понимаешь, есть субчики, особенно из какой-нибудь там Калифорнии, которым никогда не бывает достаточно тепло, если в их сраных спальнях нельзя пальмы выращивать. Нет, температурой можно управлять только отсюда. Но не забывай присматривать за давлением. Видишь, как ползет вверх?

Он снова постучал пальцем по стеклу основного манометра, стрелка которого, пока Уотсон разглагольствовал, действительно успела подняться со ста фунтов на квадратный дюйм до ста двух. Внезапно у Джека по спине побежали мурашки, и он мысленно пропел: *Гусь только что прошел по моей могиле*. Уотсон крутанул вентиль, раздалось громкое шипение, и стрелка опустилась до отметки «девяносто один». Затем Уотсон перекрыл клапан, и шипящий звук постепенно затих.

– Да, так и норовит подняться само собой, – объяснил он. – Но доложи об этом нашему толстяку Уллману, и он притащит стопку своих бухгалтерских талмудов, чтобы потом три часа втолковывать тебе, почему не может позволить установить новый котел аж до тысяча девятьсот восемьдесят второго года. Скажу тебе прямо: в один прекрасный день здесь все взлетит на воздух, и я лишь надеюсь, что наш занудливый пухлый сучонок окажется в тот момент на месте, чтобы поучаствовать в полете. Бог свидетель, хотел бы я быть таким же добреньким, как моя мамаша. Та в каждом видела только хорошее. Но я... Я злобный, что твоя гремучая змея после линьки. И тут уж ни хрена не поделаешь. Натура берет свое.

Помни, что сюда нужно спускаться два раза в день и еще вечером, прежде чем отправиться на боковую. Всегда проверяй давление. Если забудешь, оно начнет ползти и ползти вверх, и как-нибудь ты вместе со всей семейкой проснешься на треклятой луне. Но если понемногу спускать пар, все будет тип-топ.

– Каков максимальный уровень?

– Конечно, по документам котел должен выдерживать все двести пятьдесят. Но теперь он точно взорвется гораздо раньше. Ты меня

силком не заставишь спуститься сюда и встать рядом с этой бочкой, если стрелка встанет даже на ста восьмидесяти.

– А разве здесь не предусмотрен аварийный клапан?

– Не-а. Котел поставили еще до того, как такие причиндалы сделали обязательными. Это теперь правительство стало во все совать свой нос, верно? ФБР письма вскрывает, ЦРУ прослушивает каждый чертов телефон... А вспомни, что случилось с Никсоном. Вот уж было жалкое зрелище.

– Как насчет водопровода и канализации?

– Да, кстати. Я как раз собирался перейти к этому. Проходи через вон ту арку.

Они попали в прямоугольное помещение длиной, казалось, не меньше мили. Уотсон дернул за веревку, и единственная лампочка на семьдесят пять ватт озарила их лучами тоскливо мерцающего света. Прямо перед ними располагалось дно шахты лифта, с покрытыми густой смазкой тросами, обвивавшимися вокруг двадцатифутовых шкивов, и забитым смазкой электромотором. Повсюду лежали старые газеты: в кипах, в связках, в коробках. Также имелись ящики, помеченные надписями типа «Учетные книги», «Счета», «Квитанции», сопровождавшимися призывом «НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ!». Пахло старой бумагой и плесенью. Некоторые картонки начали разваливаться, и из них по полу разлетелись пожелтевшие ломкие листки, которым на вид было не менее двух десятков лет. Джек с интересом осматривался по сторонам. Вся история «Оверлука» могла находиться прямо здесь, погребенная в этой постепенно гниющей картонной таре.

– С этим лифтом сам черт не управится, – заметил Уотсон, указывая пальцем в сторону шахты. – Мне *доподлинно известно*, что Уллман за наш счет кормит шикарными ужинами старшего инспектора штата по лифтовому оборудованию, лишь бы не допустить ремонтников к этой развалюхе. А вот тебе и наша центральная сантехническая зона.

Прямо перед ними пять широченных труб, каждая в плотной изоляционной обмотке, прихваченной крепкими стальными обручами, уходили куда-то в тень под потолок, где и терялись из виду.

Уотсон кивнул на затянутую паутиной полку рядом со шкафом для инструментов. Помимо грязных тряпок, на ней лежала папка-скоросшиватель с множеством хаотично засунутых туда листов бумаги.

– Здесь все чертежи по сантехнике, что у нас есть, – сказал он. – Не думаю, что у тебя будут проблемы с протечками. Такого еще ни разу не приключалось. Но некоторые трубы иногда замерзают. Есть один верный способ избежать этой напасти – открывать ненадолго краны по вечерам, но только в этом Богом проклятом отеле их больше четырех сотен. Представляешь, как разорется наш пузырь-начальник, когда увидит счета за воду? Его в Денвере слышно будет, скажешь, нет?

– Напротив, мне это представляется на редкость точным аналитическим умозаключением.

Уотсон вскинул на Джека восхищенный взгляд.

– Вот, сразу видно, что ты из образованных. Говоришь, как пишешь. Я таких ребят сильно уважаю, если только они не голубые. А в колледжах пидоров пруд пруди. Знаешь, кто подбил студентов бунтовать несколько лет назад? Они самые. Гоммосексулы. Верно тебе говорю. Их вконец достали, вот они и взбесились. Пожелали, видите ли, выйти из тени – так это у них называлось. И куда только катится этот мир, скажи на милость? Ну да ладно. Так вот, если труба замерзнет, то скорее всего прямо здесь, у основания. Подвал же не отапливается, сечешь? Случись такое, пользуйся этим. – Он дотянулся до сломанного оранжевого ящика и достал паяльную лампу. – Снимаешь изоляцию, нащупываешь ледяную пробку и прогреваешь. Понятно?

– Да. Но что, если труба все-таки замерзнет где-то выше?

– Ничего подобного не случится, если ты будешь справляться с работой и вовремя протапливать помещения. А до других труб тебе все равно не добраться. Даже не заморачивайся. Как я сказал, проблем быть не должно. Но вообще-то подвал я не люблю. Жутковатое место. Рай для пауков. Мне здесь одному порой становится не по себе.

– Уллман рассказывал, что в первую же зиму смотритель убил свою семью, а потом и себя.

– Да, этот тип Грейди. Он был непутевый. Я это понял, как только впервые увидел его. Вечно скалился, как пес, отлизавший себе яйца. Тогда здесь все только начиналось, и этот толстый пердун Уллман готов был нанять даже Бостонского Душителя^[4], если бы тот согласился пахать за гроши. Их потом нашел рейнджер из национального парка. Телефон не работал. Все трупы лежали на четвертом этаже в западном крыле, насквозь промерзшие. Девочек жаль было до слез. Восемь и шесть лет всего-то. Хорошенькие, как две куколки. Устроил здесь Грейди кровавую баню! Уллман как раз на то время перебрался во Флориду заправлять другим модным отелем. Он тогда по-быстрому долетел до Денвера, а в Сайдуайндере ему пришлось найти санную упряжку. Дороги-то замело. Уллман *в санях*, представляешь картину? Он потом из кожи вон вылез, чтобы история не попала в большие газеты. И врать не буду, с этим он справился на все сто. Несколько строк напечатала «Денвер пост», да еще вшивый листок, что выходит в Эстес-Парке, тиснул этот... как его? Некронолог, что ли. Вот и все. Отлично, если учесть дурную славу отеля. А я так и ждал, что какой-нибудь репортеришка начнет копать и свалит дело Грейди в кучу с другими скандалами.

– Какими скандалами?

Уотсон передернул плечами.

– Ни в одном крупном отеле не обходится без скандалов, – сказал он. – Как и без привидений. Спросишь почему? Да потому, черт возьми, что через них проходят такие толпы людей. Кто-то

неприменно отдаст Богу душу прямо в номере. От сердца там или от удара – от чего угодно. Отели битком набиты суевериями. Где-то не бывает тринадцатого этажа, почти нигде нет тринадцатого номера, зеркал не вешают с обратной стороны входной двери. И все в таком роде. Да что за примерами далеко ходить? У нас самих в прошлом июле одна дамочка копыта отбросила. Уллману это тоже пришлось замять, и можешь не сомневаться, он справился. Вот за что ему платят двадцать две штуки баксов в сезон, и, хотя я недолюбливаю этого хлыща, он свои деньги отрабатывает по полной. Это как если бы люди специально приезжали сюда, чтобы проблеваться, а потом нанимали парня вроде Уллмана прибрать за собой. И вот появляется эдакая мадам. Ей на вид не меньше шестидесяти, ей-богу! Моего возраста. А волосы выкрашены в красный цвет, как фонарь при борделе. Сиськи отвисают до пупа, потому что она, видите ли, не желает носить лифчик, а все ноги в варикозненных венах и похожи на две дорожные карты, хотя золотом и разными камушками она была увешана, как твоя рождественская елка. С собой она привезла парнишку лет, должно быть, семнадцати. Космы вот по сих, до самой задницы, а между ног он словно напихал мятых комиксов. Они провели здесь неделю или даже дней десять, не помню точно, но каждый вечер повторялось одно и то же. С пяти до семи они торчали в «Колорадо-холле». Причем она глотала «сингапурские слинги» с такой скоростью, словно их к завтраму грозились запретить, а он выпивал всего-то бутылочку пивка, растягивая удовольствие. Она сыпала шутками, говорила что-то там смешное, и парень лыбился, как шимпанзе, растягивал рот, будто она за привязанные тесемки дергала. Но только уже через несколько дней стало заметно, что ему все труднее и труднее заставлять себя смеяться, а уж как ему удавалось поднимать свою штукину в постели с ней, так и вовсе одному Богу известно. После бара они, значит, отправлялись в ресторан ужинать. Она к тому времени так набиралась, что еле ноги волочила. А мальчишка, стоило ей морду отвернуть, щипал за

задницы официанток и кокетничал с ними напропалую. Черт, мы даже стали заключать пари, как долго он продержится!

Уотсон пожал плечами.

– Однажды вечером, ближе к десяти, он спустился вниз и заявил, что у его «жены» случилось «легкое недомогание» (а это означало, что она попросту отрубилась, как бывало почти всегда) и ему необходимо срочно купить ей особое снадобье для желудка. Затем он сел в тот самый двухместный спортивный «порш», на котором они к нам приехали, и исчез в неизвестном направлении. На следующее утро внизу появляется она и пытается разыгрывать спектакль, но только лицо ее с каждым часом все сильнее бледнеет. Тогда мистер Уллман дипломатично так спрашивает: мол, не желает ли она, чтобы поставили в известность копов? На всякий случай. Ежели он вдруг попал в аварию или еще что стряслось. Так она набросилась на него, как разъяренная кошка. Нет-нет! Не надо. Никакой полиции. Он – прекрасный водитель. Она совершенно спокойна и ждет его к ужину. Однако в тот день она засела в баре «Колорадо-холла» уже с трех часов, а ужинать не стала вовсе. В половине одиннадцатого поднялась к себе в номер, и больше живой ее уже никто не видел.

– Как это вышло?

– Окружной судебный медик установил, что она приняла почти тридцать таблеток снотворного в придачу к огромной дозе бухла. На следующий день приехал ее муж, какой-то супер-пупер-законник из Нью-Йорка. И устроил нашему приятелю Уллману нервотрепку по высшему разряду. «Я вас засужу за то, я подам на вас в суд за это, а когда я закончу, вы так обделаетесь, что во всем Колорадо не найдете пары чистых подштанников». Но только Уллман, мать его, тоже не так-то прост. Быстро сумел привести его в чувство и успокоить. Думаю, он спросил у этого прохвоста: «Как вам понравится, если грязное белье вашей женушки начнут полоскать во всех нью-йоркских газетах?» Заголовки типа «Супруга известного Как-Вас-Там-Величать покончила с собой, наглотавшись таблеток». И

рассказ о том, как она играла в популярную игру «Найди мою колбаску» с юнцом, который ей во внуки годился.

Полиция штата скоро нашла брошенный «порш» на задворках круглосуточной закусочной в Лайонсе, а Уллман надавил на нужные кнопки, чтобы машину вернули тому юристу. Потом они уже вместе взяли в оборот старину Арчера Хоутона – окружного судебного медика – и заставили изменить свои выводы на естественную смерть. Сердечный приступ, только и всего. Теперь Арчер рассекает на новеньком «крайслере». И я его не виню. Нужно ковать железо, пока горячо, особенно когда пенсия уже на носу.

Бандана снова появилась из кармана. Хрюкающий звук. Взгляд. И пестрый платок пропал.

– Но что же происходит потом, спросишь ты? Вообрази, всего неделю спустя эта тупая лоханка, горничная по имени Делорес Викери, убирая номер, в котором жили те двое, сначала подняла истошный крик, а потом завалилась в обморок как подкошенная. Придя в себя, она заявила, что видела в ванне голую мертвую женщину. «У нее лицо все посинело и распухло, а она смотрела на меня с усмешкой» – вот ее собственные слова. Понятно, что Уллман заплатил ей двухнедельное пособие и велел выметаться отсюда на все четыре стороны. А всего, по моим прикидкам, с тех пор как мой дед открыл этот отель в десятом году, здесь умерли человек этак сорок пять.

Он бросил на Джека лукавый взгляд.

– Хочешь знать, как большинство из них покинули этот мир? От инфарктов и инсультов, когда кувыркались в постели с дамочками, вот как. На курортах вроде этого такое случается сплошь и рядом. Сюда часто приезжают старички, чтобы устроить типа последнюю гастроль. Видать, в горах легче вообразить, что тебе снова двадцать лет. Для кого-то все заканчивается печально. А далеко не все управляющие умели так лихо отваживать газетных писак, как это делает Уллман. Вот у «Оверлука» и появилась известная репутация.

Что было, то было. Хотя уверен, о «Билтморе» идет такая же слава, если расспросить нужных людей.

– Но привидений здесь все-таки нет?

– Джек, я проработал в этом отеле всю жизнь. А прежде сам играл здесь, когда мне было столько же лет, сколько твоему сынку на том фото из бумажника, что ты мне показывал. И ни разу не видел никаких призраков. Пойдем дальше. Мне еще нужно показать тебе сарай, где хранятся инструменты.

– Хорошо.

Когда Уотсон протянул руку, чтобы выключить свет, Джек заметил:

– Чего здесь в избытке, так это старых бумаг.

– Вот это точно. Тут все хранится, должно быть, уже лет тысячу. Газеты, квитанции разные, товарные накладные и еще черт знает что. Мой папаша в свое время разделялся с ними в два счета, пока мы пользовались обычной дровяной печью, но теперь здесь полный бардак. Однажды я найму какого-нибудь парнишку, чтобы отвез весь хлам в Сайдуайндер и сжег. Если Уллман раскошелится. А я думаю, он даст на это денег, если я как следует припугну его крысами.

– Стало быть, крысы здесь все-таки водятся?

– Да. Должно быть, есть немного. Я запас ловушки и отраву, которую мистер Уллман просил тебя разбросать на чердаке и в подвале. Но потом тебе лучше присматривать за своим мальцом. Не приведи Господь, чтобы с ним что-то приключилось. Ты же не хочешь этого, верно?

– Не хочу, – ответил Джек. В устах Уотсона совет звучал несколько не обидно.

Они подошли к лестнице и задержались на секунду, чтобы Уотсон смог снова прочистить нос.

– В сарае ты найдешь все нужные тебе инструменты, да и ненужные тоже. И там есть гонт. Уллман сказал тебе об этом?

– Да, он хочет, чтобы я заменил часть кровли западного крыла.

– Этот толстый маленький хмырь бесплатно выжмет из тебя все соки, а весной еще будет ныть, что ты все сделал не так, вот увидишь. Я однажды ему это сказал прямо в лицо. Мне, говорю...

Уотсон стал подниматься первым, и продолжение его рассказа слилось в успокаивающий монотонный гул. Джек Торранс напоследок обернулся и посмотрел в непроницаемую, провонявшую тленом черноту, подумав, что если где-то могут водиться привидения, то здесь им самое место. И ему представился Грейди, запертый в мягком, но непреодолимом снежном плену, тихо сходящий с ума и совершающий свои жуткие убийства. Кричали ли они? Бедняга Грейди! Он наверняка ощущал, как с каждым днем снег давит все сильнее, пока наконец не понял, что для него весна не наступит уже никогда. Ему не нужно было приезжать сюда. И не следовало терять контроль над собой.

Но когда Джек двинулся вслед за Уотсоном, эти слова настигли его эхом погребального звона, а потом раздался сухой треск – словно сломался грифель карандаша. Боже милостивый, как же ему хотелось пропустить сейчас хоть один стаканчик чего-нибудь покрепче! А еще лучше – сразу тысячу.

Глава 4

На теневой стороне

В четверть пятого Дэнни сдался и отправился наверх за печеньем и молоком. Он быстро расправился с едой, неотрывно глядя в окно, а потом подошел поцеловать маму, которая прилегла отдохнуть. Она предложила ему остаться дома и посмотреть «Улицу Сезам» – так время пролетит незаметнее, – но он решительно помотал головой и вернулся к своему посту на краю тротуара.

Начало шестого. Хотя у Дэнни не было часов, да он и не слишком умел определять по ним время, мальчик видел, как удлиняются тени, а лучи клонящегося все ниже солнца приобретают золотистый оттенок.

Он крутил в руках планер и мурлыкал себе под нос:

– Иди ко мне, Лу, прыг-скок... хотя мне все равно... иди ко мне, Лу... хотя мне все равно... я остался один, так иди ко мне, Лу... прыг-скок...

Эту песенку они распевали хором в детском саду «Джек и Джилл», который он посещал в Стовингтоне. В Боулдере он уже не ходил ни в какой детский сад, потому что папа не мог за него платить. Он знал, что папа с мамой переживали, тревожились, что ему совсем одиноко (а пуще всего, хотя они никогда не говорили об этом вслух, – что Дэнни винит их), хотя на самом деле ему не хотелось ходить даже в «Джек и Джилл». Там все было для малышей. Сам он еще не стал большим мальчиком, но и малышом себя не считал. Большие мальчики ходили в большую школу и ели горячее на обед. Первый класс. На будущий год. А нынешний получается ни то ни сё. Промежуточный между малышом и настоящим школьником. Но он ни о чем не жалел. Конечно, иногда он скучал по Скотту и Энди – особенно по Скотту, – но все было в порядке. Одному даже лучше дождаться и посмотреть, что будет дальше.

Он очень многое понимал в поведении своих родителей, знал, что часто им не нравилась его излишняя проницательность, а еще чаще они попросту отказывались верить в его способности. Но однажды им придется поверить. Он готов подождать.

Хотя все же жаль, что они пока не верят ему по-настоящему, особенно в такие моменты, как сейчас, например. Вот мама лежит на своей кровати и чуть не плачет, до того волнуется за папу. Некоторые проблемы, тревожившие ее, были слишком серьезными, чтобы Дэнни мог в них разобраться, – что-то смутное по поводу безопасности и папиного *самоуверенности*, чувство вины и злость, а еще страх, что будет с ними всеми. Но две основные мысли, глодавшие ее сейчас, заключались в опасении, что у папы в горах сломалась машина (*тогда почему он до сих пор не позвонил домой?*) и что папа мог снова сорваться и приняться за Скверное Дело. Дэнни отлично знал, что это за Скверное Дело, с тех пор как ему все объяснил Скотти Аронсон, который был на шесть месяцев старше. Сам Скотти знал много, потому что его папа тоже занимался Скверным Дело. Однажды, как рассказывал Скотти, его папа ударил его маму прямо в глаз и сшиб с ног. В результате между папой и мамой Скотти из-за Скверного Дела случился РАЗВОД, и когда Дэнни с ним познакомился, Скотти жил с одной мамой, а с папой виделся только по выходным. С тех пор самым страшным в жизни Дэнни стал РАЗВОД – слово, которое мысленно рисовалось ему написанным крупными красными буквами, каждую из которых обвивали шипящие ядовитые змеи. При РАЗВОДЕ твои родители больше не живут вместе. Они обращаются по поводу тебя к судье (Дэнни слышал только о спортивных судьях, но поскольку его папа с мамой в Стовингтоне играли и в теннис, и в бадминтон, и всякий раз на вышке непременно сидел судья, он точно не знал, о котором из них речь). Почему-то только этот судья мог решить, с кем ты останешься жить, и тогда своего другого родителя ты почти совсем не видел. А потом, если ему вдруг приспичит, тот родитель, с которым ты жил, мог привести в дом нового мужа или жену, совершенно незнакомого

человека. Но страшнее всего в РАЗВОДЕ было для Дэнни то, что он явственно ощущал, как это слово – или понятие – крутится в головах его родителей. Иногда расплывчато и неопределенно, а иногда пугающе четко и даже ослепительно, как проблеск молнии. Именно так обстояло дело после того, как папа наказал его за беспорядок в своем кабинете, и доктору даже пришлось наложить ему на руку гипс. Воспоминание об обиде и боли давно померкло, но память о слове РАЗВОД оставалась устрашающе отчетливой. Тогда оно читалось в основном в голове у мамы, и Дэнни какое-то время жил в постоянном ужасе ожидания, что она выловит это слово из своего мозга, вытащит через рот и сделает чем-то совершенно реальным. РАЗВОД. Это слово постоянно присутствовало в мыслях обоих родителей и было одним из немногих, что Дэнни улавливал без малейшего труда, как ритм немудреной мелодии. Но как и всякий ритм, центральная мысль становилась лишь основой для более сложных вариаций, в которых он путался, ничего не понимая вообще. В этих хитросплетениях ему удавалось улавливать по большей части только цветовые гаммы и различия в настроениях. У мамы РАЗВОД обрастал размышлениями о том, что папа сделал с его рукой, и о случае в Стовингтоне, когда папа потерял работу. О том парнишке. О Джордже Хэтфилде, который разобиделся на папу и наделал дырок в колесах их «жука». Мысли отца о РАЗВОДЕ читались намного хуже. Они были окрашены в темно-фиолетовый цвет с пугающими вкраплениями совершенно черного. Порой у него мелькала мысль, что жене и сыну станет только легче, если он уйдет. И тогда перестанет быть так больно ему самому. А папе было больно почти все время, и его влекло к себе Скверное Дело. Это Дэнни тоже улавливал без труда: папино чуть ли не постоянное желание отправиться в одно темное место, чтобы смотреть цветной телевизор, есть жареный арахис из миски и предаваться Скверному Делу до тех пор, пока у него совершенно не онемеют мозги и черные мысли не перестанут терзать его.

Но сегодня у мамы не было причин волноваться, и оставалось только пожалеть, что нельзя пойти и успокоить ее. «Жук» не сломался. Папа не свернул с дороги, чтобы заняться Скверным Делом. Он уже почти добрался до дома, и «жук» пыхтит сейчас по шоссе между Лайонсом и Боулдером. В этот момент папа даже не думает о Скверном Деле. Он думает о... Думает о...

Дэнни украдкой бросил взгляд себе за спину на окно кухни. Иногда, если он сосредотачивал чересчур много внимания на какой-то мысли, с ним происходило нечто необъяснимое. Окружавшие его вещи – реальные вещи – исчезали, и он видел то, чего на самом деле не было. Однажды, вскоре после того, как ему на руку наложили гипс, это случилось прямо за столом во время ужина. Родители тогда не слишком охотно разговаривали друг с другом. Зато они много думали. О да! Мысли о РАЗВОДЕ повисли над кухонным столом подобно темной грозовой туче, готовой в любой момент обрушиться дождем на их головы. Дэнни чувствовал себя от этого так плохо, что не мог есть. Его даже подташнивало, когда он пытался заставить себя взяться за еду под гнетом черного слова РАЗВОД. А поскольку это показалось ему очень важным, он полностью сфокусировался, и с ним снова случилось странное. Очнулся он, лежа на полу, с размазанными по брюкам бобами и картофельным пюре. Мама обнимала его и плакала, а отец говорил по телефону. И хотя Дэнни сам испугался, он все же попытался объяснить им, что ничего страшного не произошло, что так с ним бывало и раньше, когда он силился понять вещи, не доступные пока его уму. Попытался рассказать им о Тони, которого они прозвали его «невидимым дружкой».

Папа говорил в трубку: «У него была Га-Лу-Цы-Нация. По-моему, он пришел в себя, но я все равно хочу, чтобы его осмотрел врач».

Когда доктор уехал, мама заставила Дэнни пообещать, что больше он этого делать не будет, *никогда* не станет их так пугать, и ему пришлось согласиться. Он и сам перепугался до жути. Потому что стоило ему внутренне сконцентрироваться, как он проник в мысли

отца и всего лишь на мгновение – пока не появился Тони (как всегда, окликнувший приятеля откуда-то издалека), пока странные видения не затуманили обстановку кухни и стоявшее на столе синее блюдо с жареным мясом, – на мгновение окунулся в темноту отцовского сознания и увидел непонятное слово, гораздо более страшное, чем РАЗВОД. И это было слово СУИЦИД. Позже Дэнни никогда больше не ощущал присутствия этого слова в мыслях папы и, уж конечно, не делал попыток намеренно разыскать его там. Он даже не хотел выяснять, что оно значит.

А вот концентрировать внимание ему по-прежнему нравилось, потому что тогда к нему мог прийти Тони. Хотя необязательно. Бывало, что окружающий мир лишь на минутку начинал выглядеть размытым, расплывался перед глазами, но потом все прояснялось. Так, кстати, получалось чаще всего. Но иной раз где-то на границе видения вдруг возникал Тони, окликая и маня за собой...

С тех пор как они переехали в Боулдер, это случилось дважды, и ему запомнилось, как приятно он был удивлен, поняв, что Тони проделал с ними весь долгий путь из Вермонта. Значит, он потерял не всех друзей, как думал прежде.

В первый раз он был на заднем дворе дома, и ничего особенного не произошло. Просто явился Тони, помахал рукой, а потом все окутала темнота, и через несколько минут Дэнни вернулся к реальности, запомнив лишь смутные фрагменты, как бывает с отрывочными снами. Зато во второй раз, пару недель назад, все получилось куда интереснее. Тони снова манил его за собой, стоя совсем близко: *Дэнни... Иди посмотри...* Ему сначала показалось, что он поднимается, а потом он словно провалился в глубокую дыру, как Алиса в страну чудес. И вдруг очутился в подвале их многоквартирного дома, а Тони был рядом, указывал на стоявший в глубокой тени чемодан, в котором отец держал все свои самые важные бумаги и в первую очередь, конечно же, ПЬЕСУ.

– Видишь? – спросил Тони своим вечно далеким, но мелодичным голосом. – Он стоит под лестницей. Прямо под ступеньками. Грузчики

поставили его... прямо... под лестницу.

Дэнни сделал шаг вперед, чтобы получше рассмотреть чудо-чемодан, но почувствовал, что снова падает. И действительно свалился с дворовых качелей, на которых все это время сидел. Причем со всей силы ударился о землю.

Спустя дня три или четыре папа вне себя от злости расхаживал по квартире, жалуясь маме, что перевернул вверх дном весь подвал, но своего чемодана так и не нашел. В ярости он грозился подать в суд на фирму, будь она трижды проклята, перевозившую их пожитки, которая наверняка потеряла чемодан где-то между Вермонтом и Колорадо. Как, скажите на милость, сможет он когда-нибудь закончить работу над ПЬЕСОЙ, если рукописи след простыл?

И тут вмешался Дэнни:

– Нет, папочка, все не так плохо. Твой чемодан стоит под лестницей. Грузчики поставили его прямо под ступеньки.

Джек окинул его странным взглядом и отправился вниз проверить. Чемодан действительно оказался в том месте, которое указал Тони. Тогда папа отвел сына в сторонку, посадил к себе на колени и строго спросил, кто впустил его в подвал. Уж не Том ли, который живет этажом выше? В подвале очень опасно, объяснил он. Поэтому домовладелец всегда держит его на замке. Если кто-то оставил замок открытым, папе необходимо знать. Он, конечно, был рад найти свои записи и ПЬЕСУ, но даже это не стоило риска для Дэнни упасть с лестницы и сломать себе... сломать себе ногу. Дэнни ответил совершенно серьезно, что никогда не входил в подвал. Дверь туда действительно всегда заперта. Мама подтвердила. Дэнни ни разу не спускался вниз к черному ходу, сказала она, потому что там темно, сыро и полно пауков. И он никогда не врал.

– Тогда как же ты узнал, док? – поинтересовался папа.

– Тони мне показал.

Мать с отцом обменялись взглядами поверх его головы. Время от времени такое случалось и раньше. И поскольку это их пугало, они стремились как можно скорее забыть обо всем. Но он знал, что Тони

их беспокоил, особенно маму, и старался проявлять осторожность, не концентрируя мысли таким образом, чтобы Тони мог появиться там, где она могла увидеть его. Однако сейчас она отдыхала. По крайней мере в кухне ее не было, и потому он позволил себе усиленно сосредоточиться и попытаться понять, о чем сейчас думает папа.

Дэнни сдвинул брови, а не слишком чистые руки стиснул в кулачки на коленях. Глаз он не закрывал – в этом не было необходимости, – но прищурил их до узких щелок и постарался вообразить себе голос папы, голос Джека. Голос Джона Дэниела Торранса, низкий и ровный, иногда взлетающий выше от удивления или становившийся басовитым, когда он сердился. Но ровный, если он думал. Думал... Думал о чем? Думал...

(думал)

Дэнни тихо вздохнул, и все его тело обмякло на бордюрном камне, словно каждый мускул вдруг отказался ему служить. При этом он находился в полном сознании; он видел улицу, парня и девушку, которые шли по тротуару на противоположной стороне, взявшись за руки, потому что были

(?влюблены?)

рады солнечному дню и самим себе в нем. Он видел, как ветер несет вдоль водосточного желоба осенние листья, похожие на желтые шляпки неправильной формы. Видел дом, мимо которого проходила парочка, и заметил, что крыша его покрыта

(дранкой. с ней не должно возникнуть проблем, если гидроизоляция цела. да, тогда все будет о'кей. этот уотсон... Боже, вот это типаж. жаль, в ПЬЕСЕ нет места, чтобы вставить его. но с этим надо осторожнее, а то ты уже готов вывести в ней все чертово человечество. да, кстати, о дранке. а гвозди-то у них есть? дьявол, совершенно забыл спросить об этом. хотя их нетрудно добыть. в любом хозяйственном магазине сайдуайндера. и еще осы. в это время года они устраивают себе гнезда. наверное, лучше будет

иметь при себе дымовую шашку от насекомых, если я напорюсь на них, снимая слой старого гонта. новая дранка. старая...)

дранка. Вот, значит, о чем он думал. Он все-таки получил работу и размышлял сейчас о крыше отеля и ее покрытии. Дэнни, разумеется, не знал, кто такой Уотсон, но все остальное ему было совершенно ясно. Папа наверняка найдет осиное гнездо. Он в этом не сомневался, как не сомневался в том, что его зовут.

– Дэнни... Дэнни-и-и...

Он поднял взгляд и увидел Тони в дальнем конце улицы, рядом со знаком «Стоп». Тони махал рукой. Дэнни, как всегда, ощутил прилив теплой радости, но на этот раз он сопровождался неприятным уколом страха, словно Тони пришел и принес за спиной какую-то черноту. Банку с осами, которые, если их выпустить, глубоко запустят в тебя жала.

Однако он не мог не пойти.

Дэнни еще сильнее сгорбился на краю тротуара, его руки бессильно соскользнули с коленей и повисли между ног. Подбородок упал на грудь. А затем он почувствовал смутный и безболезненный толчок, когда какая-то часть его поднялась и бегом устремилась вслед за Тони в туннель темноты.

– Дэнни-и-и...

И мрак пронзила волна ослепительной вихрящейся белизны. Раздался кашляющий, ухающий звук, и искривленные, дико изломанные тени постепенно стали елями, которые раскачивал завывавший в ночи буран. Кружился в танце густой снег. Снег был повсюду.

– Слишком глубокий, – сказал Тони откуда-то из темноты, и в его голосе звучала такая тоска, что Дэнни стало по-настоящему страшно. – Слишком глубокий, чтобы выбраться.

Еще очертания. Чего-то огромного и прямоугольного. Покатая крыша. Белые пятна во мраке снежной бури. Множество окон. Длинное здание, покрытое дранкой. Некоторые участки зеленеют ярче, потому что они новее. Его папа постелил их. Прибил гвоздями

из хозяйственного магазина в Сайдуайндере. Но теперь на новую дранку ложился снег. Он ложился на все.

Зеленый колдовской фонарь ожил и засветился перед входом, помигал и превратился в огромный оскаленный череп над двумя скрещенными костями.

– Отрава, – пояснил Тони из колышущейся темноты. – Яд.

Перед глазами замелькали другие вывески, выведенные в воздухе зелеными буквами или написанные на досках на шестах, торчавших под разными углами из сугробов. **КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. ОПАСНО! ОГОЛЕННЫЕ ПРОВОДА. ЭТОТ УЧАСТОК ПОДЛЕЖИТ КОНФИСКАЦИИ. ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ. ВНИМАНИЕ – КОНТАКТНЫЙ РЕЛЬС! НЕ ВЛЕЗАЙ – УБЬЕТ! НЕ ВХОДИТЬ. ПРОХОД ЗАКРЫТ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. В НАРУШИТЕЛЕЙ СТРЕЛЯЕМ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ.** Дэнни не мог их прочесть, но чувствовал их смысл, и страх стал медленно заполнять темные пустоты его тела, подобно болезнетворным коричневым спорам, которые способен погубить только солнечный свет.

Потом все померкло. Теперь он оказался в темной комнате, уставленной странной мебелью. Ветер швырял снег в оконное стекло, как пригоршни песка. У него пересохло во рту, глаза казались раскаленными камнями, сердце бешено колотилось в груди. Снаружи донесся громкий и гулкий звук, словно распахнули настежь какую-то ужасную громадную дверь. Шаги. На противоположной стене висело зеркало, и в его серебристой глубине появилось единственное полыхавшее зеленым пламенем слово: РОМ.

Комната вдруг пропала. Вместо нее появилась другая. Он узнал (должен был узнать)

эту комнату. Опрокинутое кресло. Разбитое окно, сквозь которое внутрь набивался снег, уже намерзший на край ковра. Отдернутые шторы под кривым углом свисали со сломанного карниза. Приземистый шкафчик опрокинулся дверцами на пол.

Снова раздались громкие, гулкие, повторяющиеся, ритмичные, леденящие душу звуки. Разбилось стекло. Разрушающая сила приближалась. И хриплый голос, голос безумца, еще более страшный оттого, что казался таким знакомым:

Выходи! Выходи, ты, маленький говнюк! Я тебя прочу!

Хрясь! Хрясь! Хрясь! Раскалывается, разлетаясь в щепки, дерево. Яростный и довольный рев. РОМ. Все ближе.

Вихрь пронесся по комнате. Картины сорваны со стен. Проигрыватель,

(мамин проигрыватель?)

перевернутый, валяется на полу. Ее пластинки – Григ, Гендель, «Битлз», Арт Гарфанкел, Бах, Лист – разбросаны повсюду. Они разбиты, и зазубренные треугольные осколки напоминают куски пирога. Столб света проникает из соседнего помещения. Это ванная. Жесткий белый свет и слово, то вспыхивающее, то гаснущее в зеркальной дверце туалетного шкафчика, как красный глаз, – РОМ, РОМ, РОМ...

– Нет, – шепчет он. – Нет! Тони, пожалуйста...

А с белого фарфорового края ванны свисает рука. Свисает безжизненно. Тонкая струйка крови (РОМ) стекает со среднего пальца по безукоризненному ногтю и капает на кафельный пол...

Нет о нет о нет...

(умоляю тебя, Тони, ты пугаешь меня)

РОМ, РОМ, РОМ

(останови это, Тони, прекрати)

Мир темнеет.

В воцарившейся черноте гремящие звуки делаются громче, а потом еще громче, проникая повсюду, эхом отражаясь везде.

Теперь он распластался на полу в сумрачном коридоре, прижавшись к синей ковровой дорожке с беспорядочным переплетением черных силуэтов, вслушиваясь в приближающийся гроыхающий шум, потому что Фигура уже свернула за угол и начала движение к нему, пошатываяющаяся, источающая запахи

крови и неизбежной смерти. В руке она держала деревянный молоток и размахивала им (РОМ) из стороны в сторону, описывая в воздухе зловещие полукруги и обрушивая его на шелковое покрытие стен, вышибая призрачные облачка штукатурки.

Иди сюда и получи по заслугам! Веди себя как мужчина!

Фигура приближалась – гигантская, вся пропахшая чем-то кисло-сладким; головка молотка с угрожающим шипящим шепотом рассекала воздух, а затем раздавался гулкий грохот, когда она врезалась в стену и выпускала из нее белую пыльцу, запах которой тоже явственно ощущался в воздухе. Маленькие красные глазки светились в полутьме. Чудовище уже нависло над ним, нашло его, вжавшегося спиной в голую стену. А люк в потолке был заперт.

Темнота. Перемещение.

– Тони, прошу, верни меня обратно. Тони, пожалуйста, пожалуйста...

И он *действительно* вернулся на край тротуара Арапахо-стрит. Его мокрая рубашка противно прилипла к спине, и все тело покрывал холодный пот. В ушах по-прежнему стоял оглушительный контрапункт гремящих и гулких звуков, а в нос теперь ударял запах мочи, потому что Дэнни невольно опорожнил мочевого пузыря. Ему все еще виделась рука, беспомощно свисавшая с края ванны, и кровь, медленно струившаяся по одному из пальцев – среднему, – и еще это необъяснимое слово, куда более страшное, чем остальные: РОМ.

Теперь сияло солнце. И все вокруг было реальным. За исключением Тони, стоявшего на углу в шести кварталах от Дэнни и казавшегося крохотной точкой, чей голос звучал тонко, высоко и ласково:

Будь осторожен, док...

В следующее мгновение он пропал, а из-за угла показался папин потрепанный красный «жук» и затарахтел по улице, покашливая голубоватым дымком выхлопных газов. Дэнни мгновенно вскочил с бордюра, принялся размахивать руками, пританцовывать и кричать:

– Папочка! Эй, папа! Привет! Привет!

Папа прижал «фольксваген» к тротуару, заглушил двигатель и открыл дверь. Дэнни бросился к нему, но потом застыл на месте, похолодев и широко распахнув глаза. Его сердце будто подскочило вверх и камнем застряло в горле. Рядом с отцом на пассажирском сиденье лежал деревянный молоток с короткой рукояткой, покрытый кровью с прилипшими прядями волос.

Но почти сразу он превратился в пакет из продуктового магазина.

– Дэнни! Что с тобой, док? Все хорошо?

– Да, со мной все в порядке.

Он подошел к отцу и зарылся лицом в подбитую овчиной джинсовую куртку, обнимая его крепко-крепко. Джек обнял сына в ответ, несколько удивленный.

– Эй, парень, да ты явно пересидел на жаре. Смотри, с тебя пот льет градом.

– Должно быть, меня сморило в сон. Я люблю тебя, папочка. Я так ждал тебя.

– Я тоже тебя люблю, Дэн. Вот, купил кое-что для дома. Как думаешь, ты уже достаточно большой, чтобы затащить это наверх?

– Конечно! Запросто!

– Док Торранс – самый сильный человек в мире, – объявил Джек и потрепал сына по голове, – у которого, правда, есть странная привычка засыпать прямо на улице.

Потом они вместе направились к двери, а мама спустилась, чтобы встретить их. Дэнни стоял на второй ступеньке и смотрел, как родители целуются. Они были рады видеть друг друга. От них исходила такая же любовь, как от тех юноши и девушки, что прошли по улице, держась за руки. Дэнни тихо радовался.

Бумажный пакет с продуктами – всего-навсего пакет с продуктами – хрустел у него в руках. Все складывалось прекрасно. Папа приехал домой. Мама любила его. Ничего плохого случиться не могло. И не все, что показывал ему Тони, непременно сбывалось.

И тем не менее страх угнездился в его сердце глубоко и неистребимо. Дэнни пугало то загадочное слово, что отразилось в зеркале его души.

Глава 5

Телефонная будка

Джек припарковал «фольксваген» напротив аптеки в торговом центре «Тейбл мяса» и выключил зажигание. Снова задумался, не пора ли раскошелиться и заменить бензонасос, но в который раз убедил себя, что не может пойти на такой расход. Если маленькая машинка дотянет до ноября, ее так или иначе придется со всеми почестями отправить на покой. К ноябрю снег в горах ляжет выше крыши «жука»... Быть может, даже выше трех «жуков», поставленных друг на друга.

– Я хочу, чтобы ты подождал меня в машине, док. Куплю тебе шоколадный батончик.

– А почему мне нельзя с тобой?

– Я должен позвонить по телефону. Дело очень личное.

– Вот почему ты не стал звонить из дома?

– В самую точку.

Уэнди настояла на домашнем телефоне, хотя с деньгами было туговато. Она напирала на то, что, имея маленького ребенка, особенно такого, как Дэнни, подверженного периодическим обморокам, им никак не обойтись без связи. И мало того, что Джеку пришлось наскрести более тридцати долларов на установку, он еще и внес девяносто баксов залога, а это действительно стало ударом по семейному бюджету. И ведь до сих пор телефон не понадобился им ни разу. Лишь дважды кто-то ошибся номером.

– Тогда купи мне «Бейби Рут», ладно?

– Хорошо. Только сиди смирно и не играй с рычагом коробки передач, договорились?

– Да. Я буду рассматривать карты.

Когда Джек вышел из машины, Дэнни открыл бардачок и достал пять помятых карт из тех, что бесплатно раздавали на

автозаправочных станциях: Колорадо, Небраска, Юта, Вайоминг, Нью-Мексико. Ему нравились дорожные карты. Он любил водить пальцем вдоль обозначенных на них трасс. Лично для него пять новых карт стали самым приятным приобретением после их переезда на запад.

Джек зашел в аптеку, взял батончик для Дэнни, газету и октябрьский номер журнала «Райтерз дайджест». Протянул девушке за кассой пятерку и попросил дать сдачу двадцатипятицентовиками. Сжимая мелочь в кулаке, направился к будке телефона-автомата, стоявшей рядом с аппаратом для изготовления ключей, и зашел внутрь. Из будки, сквозь три стекла, он мог видеть сидевшего в «жуке» Дэнни. Голова мальчика склонилась к картам. Джека охватила волна почти безысходного чувства любви, от которой на его лице появилось каменно-мрачное выражение.

Вероятно, вполне можно было сделать этот обязательный благодарственный звонок Элу из дома; он уж точно не собирался говорить ничего такого, что покорило бы Уэнди. Но вмешалась его гордость. В этот период жизни он был склонен всегда прислушиваться к голосу собственной гордости, потому что, кроме жены и сына, шестисот долларов на чековой книжке и помятого «фольксвагена» шестьдесят восьмого года выпуска, гордость принадлежала к числу того немногочисленного, чего он еще не лишился. Если разобраться, только она принадлежала ему одному, и никому больше. Даже банковский счет он делил с женой. Всего лишь год назад он преподавал в одной из лучших школ во всей Новой Англии. У него были друзья – хотя их состав заметно поменялся с тех пор, как он «завязал», – остроумные люди, в основном такие же преподаватели, которых восхищали его нестандартная манера общения с классом и стремление стать настоящим писателем. Еще шесть месяцев назад дела шли очень хорошо. Внезапно у них появилось достаточно денег, чтобы начать понемногу откладывать впрок и завести сберегательный счет. Когда он выпивал, денег вечно не хватало, пусть в барах за него частенько расплачивался Эл

Шокли. А теперь они с Уэнди даже начали робко обсуждать возможность подыскать себе жилье попросторнее и внести примерно через год первый взнос. Пусть это будет старый фермерский дом, на ремонт которого потребуется шесть или семь лет. Разве это проблема? Они еще так молоды, черт возьми! У них полно времени.

А потом он потерял контроль над собой.

С Джорджем Хэтфилдом.

И запах надежды сменился запахом старой кожи в кабинете Кроммерта, где все напоминало сцену из его собственной пьесы: старые портреты прежних директоров Стовингтонской школы на стенах, гравюры, изображавшие школьное здание, каким оно было в 1879 году сразу после открытия и в 1895-м, когда дотация от Вандербильта позволила построить спортивный зал, до сих пор стоявший на западной стороне футбольного поля, приземистый, огромный и весь увитый плющом. Такой же сухой апрельский плющ потрескивал за узким окном Кроммерта, а в батареях отопления слышалось журчание горячей воды, навевавшее сон. Но это была не декорация и не спектакль. Это происходило в действительности. В его жизни. И как он только ухитрился так непростительно ее испохабить?

– Ситуация крайне серьезная, Джек. Ужасающе серьезная. Совет поручил мне довести до вас свое решение.

Совет попечителей хотел, чтобы Джек подал заявление по собственному желанию, и Джеку оставалось только согласиться. А ведь дотяни он до июня, с ним подписали бы бессрочный контракт.

То, что последовало за беседой с Кроммертом, стало самой черной, самой жуткой ночью в его жизни. Никогда прежде им не владело такое невероятное желание, такая *насущная необходимость* напиться. У него тряслись руки. Он опрокидывал все вокруг себя. Ему хотелось выместить гнев на Уэнди и Дэнни. Его охватило бешенство, как сорвавшегося с поводка злобного пса. И он поспешил сбежать из дома в страхе, что поднимет на них руку.

Кончилось тем, что он долго околачивался перед входом в бар, и единственным, что помешало ему перешагнуть порог питейного заведения, стало отчетливое понимание, что в таком случае Уэнди решится уйти и заберет Дэнни. А их уход будет для него смертным приговором.

Вот почему он не вошел в бар, за витриной которого темные тени наслаждались сладким вкусом забвения, а направился домой к Элу Шокли. Решение совета было принято шестью голосами против одного. И этим одним был Эл.

Сейчас он набрал номер телефонного оператора, и молодой женский голос сообщил, что за один доллар восемьдесят пять центов ему будет предоставлена возможность поговорить ровно три минуты с Элом, находившимся в двух тысячах миль от Джека. Время – штука относительная, детка, подумал он, скармливая в прорезь автомата один за другим восемь четвертаков. В трубке слышались смутные электронные хрипы и пiski, пока сигнал прокладывал себе путь на восток.

Отцом Эла был Артур Лонглей Шокли, сталелитейный магнат. В наследство своему единственному сыну Альберту он оставил немалое состояние, крупный портфель инвестиций, а также руководящие должности и кресла в разного рода советах директоров. В том числе в совете попечителей Стовингтонской средней школы, которой старик особенно любил делать благотворительные пожертвования. И Артур, и Альберт Шокли были ее выпускниками, а Эл к тому же жил в Барре, то есть достаточно близко, чтобы ему не составляло труда принимать в делах школы живейшее участие. Несколько лет Эл даже на общественных началах тренировал теннисную команду Стовингтона.

Джек и Эл подружились совершенно естественно и далеко не случайно: на многочисленных школьных и преподавательских праздниках они всегда оказывались самыми пьяными. Шокли уже разъехался с женой, да и семейная жизнь Джека медленно катилась

под откос, хотя он все еще любил Уэнди и вполне искренне (причем неоднократно) клялся, что изменится ради нее и малыша Дэнни.

Но вдвоем с Элом они по-прежнему частенько продолжали веселье после окончания вечеринок, перебираясь из бара в бар, пока не закрывался последний, а потом заезжали еще в какой-нибудь круглосуточный магазин, где брали ящик пива, которое выпивали прямо в машине, завернув в первый попавшийся темный проулок. Когда Джек нетвердой походкой входил в их арендованный дом, небо уже начинало заливаться предрассветной синевой. Уэнди и сын спали внизу на диване, причем Дэнни всегда лежал у спинки, подсунув маленький кулачок под подбородок матери. Он смотрел на них, и волна презрения к самому себе наполняла его горечью, какой он не испытывал от самой дикой смеси курева, пива и многочисленных мартини (или «марсиан», как любил говорить Эл). Именно в такие минуты он всерьез начинал подумывать о пистолете, веревке или опасной бритве.

Если загул случался среди недели, он успевал часа три поспать, а потом поднимался, одевался, принимал несколько таблеток экседрина и, все еще не вполне трезвый, отправлялся к девяти в школу, чтобы провести урок об американских поэтах. Доброе утро, детишки! Сегодня Красноглазое Чудо расскажет вам, как Лонгфелло потерял жену в огне большого пожара.

При этом он никогда не считал себя алкоголиком. В трубке начались длинные гудки. Плевать, что он часто пропускал занятия вообще или являлся на уроки небритым, покачиваясь от ночной пирушки с «марсианами». «Я – алкоголик? Да я могу остановиться в любой момент!» Ночи, которые они с Уэнди проводили в разных постелях? Ничего, как-нибудь образуется. Помятые бамперы? Ерунда, я вполне могу сесть за руль! Вот только он все чаще слышал, как жена тихо плачет в ванной. Стал ловить настороженные взгляды коллег на любом мероприятии, где присутствовал алкоголь, пусть даже легкое вино. Постепенно осознал, что о нем пошла известного рода молва. Что, сидя за пишущей машинкой дома, он больше не

мог выдать ничего, кроме почти девственно чистых листов бумаги, которые летели в мусорную корзину. А ведь когда-то он был для Стовингтона подлинной находкой. Подающий надежды автор и, уж конечно, достаточно квалифицированный преподаватель, чтобы приобщать детей к таинствам литературного творчества. Он успел опубликовать две дюжины рассказов, работал над пьесой и уже чувствовал, как где-то в глубинах сознания начинает вызревать нечто похожее на большой роман. Но потом творческие идеи иссякли, а преподавание уже не казалось надежным способом заработать.

Все внезапно окончилось однажды ночью, менее чем через месяц после того, как Джек сломал руку своему сыну. Тот случай, как ему казалось, поставил жирный крест на его браке. Уэнди требовалось лишь собрать волю в кулак... Он догадывался, что если бы матушка Уэнди не была такой первостатейной стервой, жена села бы в автобус до Нью-Гэмпшира, как только Дэнни бы поправился. И все бы закончилось.

И вот вскоре после полуночи Джек и Эл ехали по федеральному шоссе номер 31 в сторону Барре. Эл сидел за рулем своего шикарного «ягуара», причем отчаянно лихачил, на поворотах бросал машину в занос, постоянно пересекая двойную разделительную полосу. Оба были в стельку пьяны: тем вечером «марсиане» высадились на Землю в больших количествах. В последний поворот перед мостом они вписались на скорости семьдесят миль в час, и на дороге вдруг возник подростковый велосипед, а потом раздался резкий протестующий визг и скрежет, когда при торможении резину начало буквально срывать с колес, но Джеку почему-то более всего запомнилось лицо Эла, сиявшее над рулем подобно полной бледной луне. Затем раздались звон и треск: успев сбросить скорость лишь до сорока, они врезались в велосипед, который взлетел, как изломанная раненая птица, ударив одним концом руля в лобовое стекло и перевернувшись в воздухе. Безопасное стекло перед выпученными глазами Джека покрылось сеткой трещин.

Мгновением позже до них донесся последний громкий звук – это велосипед упал на асфальт позади машины. «Ягуар» чуть подбросило, когда он колесом переехал что-то лежавшее на дороге. Потом машину развернуло на сто восемьдесят градусов, потому что Эл все еще пытался выкручивать руль, а до Джека, словно издалека, донесся собственный загробный голос:

– Господи Иисусе, Эл! Мы сбили его. Я почувствовал это.

У него в ухе продолжали звучать долгие гудки. *Ну же, Эл. Пожалуйста, не отключайся. Дай мне сразу покончить с этим.*

Элу удалось полностью остановить автомобиль, колеса которого дымились, в каких-то трех футах от опоры моста. Две шины спустили полностью. Зигзагообразный тормозной след на асфальте тянулся футов на сто тридцать. Они несколько секунд смотрели друг на друга, а потом бросились назад, в холодную темноту.

Велосипед был изуродован до неузнаваемости. Одно колесо отсутствовало, и, оглянувшись через плечо, Эл заметил его валяющимся посреди шоссе, причем несколько спиц торчали вверх, как оборванные струны рояля.

– Думаю, через это колесо мы и переехали, старина Джеки, – не слишком уверенно сказал он.

– Тогда где же парень?

– А ты *видел* парня?

Джек нахмурился. Все произошло так быстро. Выезд из-за поворота. Велосипед, мелькнувший вдруг в свете фар. Громкий нечленораздельный крик Эла. А потом столкновение и долгое скольжение в заносе.

Они оттащили обломки велосипеда на обочину. Эл вернулся к «ягуару» и включил мигающий сигнал аварийной остановки. А затем они провели не менее двух часов, прочесывая местность по обе стороны шоссе с помощью яркого фонарика, работавшего от четырех батареек. Ничего. Несмотря на поздний час, несколько машин проехали мимо стоявшего поперек дороги «ягуара» и двух мужчин, рыскавших в темноте с дрожащим лучом фонаря. Но никто

не остановился. Позже Джеку пришло в голову, что, должно быть, само Провидение снизошло до того, чтобы дать им последний в жизни шанс, и не позволило приехать полиции, удержав случайных свидетелей от попыток вызывать копов.

Только в четверть третьего они вернулись к «ягуару», совершенно протрезвевшие, но все еще трясущиеся от пережитого страха.

– Если на нем никто не ехал, то что он делал посреди дороги? – недоумевал Эл. – Он же не стоял на обочине, а торчал точно на треклятой разделительной линии!

В ответ Джек мог только недоуменно покачать головой.

– Вызываемый абонент не отвечает, – сообщил голос оператора. – Желаете продолжить вызов?

– Попробуйте еще немного, если не трудно.

– Хорошо, сэр, – покорно отозвалась девушка.

Давай же, Эл!

Эл поднялся на мост и там поймал попутку до ближайшего телефона-автомата, откуда позвонил приятелю-холостяку и пообещал пятьдесят долларов, если тот достанет из гаража зимние колеса «ягуара» и привезет к мосту на шоссе 31 в районе Барре. Приятель прикатил через двадцать минут в джинсах и пижамной куртке. Огляделся.

– Задавили кого-нибудь? – деловито спросил он.

Эл уже поставил домкрат и поднимал заднюю часть своей машины, а Джек откручивал гайки.

– Хвала Всевышнему, обошлось, – ответил Эл.

– Все равно мне лучше побыстрее убраться отсюда. Расплатишься со мной утром.

– Годится, – отозвался Эл, даже не обернувшись.

Вдвоем они без особых затруднений поменяли колеса и добрались до дома Эла Шокли. Загнав автомобиль в гараж, хозяин заглушил двигатель.

В наступившей тишине он сказал:

– Ты как знаешь, а я бросаю пить, Джеки. Пора ставить точку. Я прикончил сегодня своего последнего «марсианина».

И сейчас, потев в душной телефонной будке, Джек вдруг понял, что с самого начала нисколько не сомневался в способности Эла сдержать слово. В ту ночь он поехал к себе домой, включив радиоприемник в «фольксвагене» на всю катушку, и какая-то дискогруппа повторяла один и тот же навязчивый припев, который, вероятно, при других обстоятельствах мог бы приободрить человека: *Делай то, что хочешь, и на все плевать... Просто сделай это, и на все плевать... Если очень хочешь...* Но как бы громко ни орала музыка, Джек слышал лишь визг шин и грохот удара. А стоило на секунду прикрыть глаза, и перед ними вставало раздавленное велосипедное колесо с торчавшими к небу спицами.

Когда он вошел, Уэнди спала на диване в гостиной. Заглянул в комнату Дэнни и увидел в кроватке сына, крепко спавшего на спине, с рукой, все еще закованной в гипс. В мягком сиянии уличного фонаря, проникавшем через окно, Джек мог разглядеть темные штрихи на белом гипсе, где все доктора и медсестры детского отделения больницы оставили свои автографы.

Это был несчастный случай. Он упал с лестницы.

(ах ты мерзкий лжец)

Это получилось случайно. Я потерял контроль над собой.

(ты никчемный отвратительный пьяница бог однажды выковырял из носа козявку и так получился ты)

Да брось стенать, эй! Умоляю тебя, это был просто несчастный...

Но и последняя попытка оправдаться рухнула перед воспоминанием о дрожащем луче фонарика, когда они рыскали среди облетевших ноябрьских зарослей в поисках распластанного на земле тела, которое по всем признакам должно было лежать там в ожидании полиции. И не важно, что машину вел Эл. Часто по ночам пьяным за руль садился он сам.

Джек хорошенько укрыл Дэнни одеялом, прошел в их с женой спальню и достал с верхней полки стенного шкафа испанский

пистолет «ляма» тридцать восьмого калибра. Он хранил его в коробке из-под ботинок. Потом просидел на постели почти час, разглядывая оружие, загипнотизированный смертоносным блеском стали.

Уже совсем рассвело, когда он положил его обратно в коробку и убрал на полку.

В то утро он позвонил Брюкнеру, главе школьного отдела филологии, и попросил по возможности отменить свои уроки. У него разыгралась простуда. Брюкнер согласился, но куда более недовольным тоном, чем обычно. В последний год Джека Торранса просто одолели простудные заболевания.

Уэнди приготовила яичницу-болтунью и кофе. Они молча поели. Звуки доносились только с заднего двора, где Дэнни увлеченно гонял игрушечные грузовички по куче песка, управляясь одной здоровой рукой.

Она взялась за мытье посуды. Стоя спиной к нему, сказала:

– Джек, я в последнее время много думала.

– Неужели?

Он прикурил сигарету дрожащей рукой. Странно, но в это утро похмелья не было. Его только трясло. Он на секунду прикрыл глаза. В наступившей темноте велосипед снова ударился о лобовое стекло, покрыв его трещинами. Завизжали покрышки. Забегал луч фонарика.

– Я хочу поговорить с тобой о том... О том, что будет лучше для меня и для Дэнни. И для тебя, наверное, тоже. Этого я не знаю. Но, как я теперь понимаю, нам с тобой давно следовало это обсудить.

– Не могла бы ты кое-что для меня сделать? – спросил он, разглядывая трясущийся кончик сигареты. – Оказать мне услугу?

– Какую? – Ее голос звучал ровно и бесстрастно. Он смотрел ей в спину.

– Давай поговорим обо всем ровно через неделю, начиная с сегодняшнего дня. Если тебе все еще захочется поговорить.

Она резко повернулась к нему, ее руки покрывали кружева мыльной пены, хорошенькое личико выглядело побледневшим и огорченным.

– Я больше не верю твоим обещаниям, Джек. Ты обещаешь, а потом тут же снова...

Она осеклась, встретившись с ним глазами, неожиданно озадаченная и растерявшаяся.

– Через неделю, – повторил он. Его голос тоже лишился свойственной ему уверенной силы и перешел в шепот. – Пожалуйста. Я ничего не стану обещать. И если тебе по-прежнему захочется поговорить со мной, мы поговорим. О чем тебе будет угодно.

Они долго смотрели друг на друга через залитую солнцем кухню, но стоило ей молча вернуться к мытью посуды, как его начало трясти по-настоящему. Боже, как же ему хотелось выпить! Немного. В качестве лекарства, чтобы видеть ситуацию более отчетливо...

– Дэнни приснилось, что ты попал в аварию на машине, – неожиданно сказала она. – Ему иногда снятся странные сны. Он рассказал мне сегодня утром, когда я помогала ему одеваться. Это правда, Джек? Была авария?

– Нет.

К полудню желание выпить довело его до лихорадочного состояния. Он отправился к Элу.

– Ты трезв? – спросил Эл, прежде чем впустить его в дом. Сам он выглядел отвратительно.

– Как стеклышко. А ты похож на Лона Чейни в «Призраке оперы».

– Заходи.

Они до конца дня играли в вист. Но не пили.

Миновала неделя. Они с Уэнди почти не общались. Хотя он знал, что она наблюдает за ним и все еще не верит. Он стал пить кофе без молока и в огромных количествах поглощал кока-колу. Как-то вечером выпил целиком упаковку из шести банок, а потом метнулся в туалет, где его вырвало. Уровень жидкости в бутылках в домашнем баре оставался неизменным. После уроков он неизменно шел к Элу

Шокли – а Уэнди ненавидела Эла Шокли, как никого другого, – и когда возвращался, она готова была поклясться, что улавливает запашок виски или джина. Однако до ужина он говорил вполне внятно, выпивал чашку кофе, после еды играл с Дэнни, делясь с ним бутылкой колы, читал ему перед сном, а потом усаживался проверять сочинения учеников, продолжая пить черный кофе, чашка за чашкой, и ей приходилось признавать свою неправоту.

Так прошло еще несколько недель, и не высказанное однажды слово уже не спешило срываться с ее губ. Джек чувствовал, что оно затаилось в ее сознании, и знал: это слово никогда уже не исчезнет из него насовсем. Жить стало немного легче. А потом – Джордж Хэтфилд. Он снова потерял контроль над собой, хотя на этот раз был абсолютно трезв.

– Сэр, ваш абонент все еще...

– Алло! – услышался голос запыхавшегося Эла.

– Говорите, – недовольным тоном произнес оператор.

– Эл, привет. Это Джек Торранс.

– Джеки, старина! – В голосе слышалась неподдельная радость. – Как поживаешь?

– Все хорошо. Я звоню, чтобы поблагодарить. Мне дали работу. Как раз то, что нужно. Если я не смогу закончить свою чертову пьесу, сидя всю зиму в заваленных снегом четырех стенах, то не закончу ее уже никогда.

– Закончишь непременно.

– Сам-то ты как? – нерешительно спросил Джек.

– Трезв, – ответил Эл. – А ты?

– Как стеклышко.

– Тоскуешь по бутылке?

– Каждый божий день.

Эл рассмеялся:

– Знакомое чувство. Ума не приложу, как ты не сорвался после той истории с Хэтфилдом, Джек. Вот это действительно чудеса выдержки.

– Да уж. Обгадился по полной, – ровным голосом произнес Джек.

– Верно, но будь я проклят, если к весне не заставлю членов совета изменить решение! Эффингер, между прочим, уже сейчас считает, что они погорячились с тобой. А если у тебя получится с пьесой...

– Да, это верно. Слушай, Эл. У меня мальчишка остался один в машине, и, боюсь, ему это скоро наскучит...

– Конечно. Я все понимаю. Хорошей тебе зимы в тех краях, Джек. Был рад посодействовать.

– Еще раз спасибо, Эл.

Он повесил трубку. Прикрыл глаза в духоте будки и снова увидел изуродованный велосипед, мечущийся луч фонарика. На следующий день в местной газете появилась крохотная заметка. Похоже, им попросту не о чем было писать. Имя владельца велосипеда не указывалось. Откуда он взялся в том месте глубокой ночью, навсегда осталось загадкой, и, вероятно, так тому и следовало быть.

Он вернулся к машине и вручил Дэнни слегка размякший шоколадный батончик.

– Папа!

– Что такое, док?

Дэнни замялся, глядя на задумчивое лицо отца.

– Когда я ждал твоего возвращения из того отеля, мне приснился плохой сон. Помнишь? Когда я заснул на улице?

– Угу.

Нет, никакого смысла продолжать не было. Мысли отца витали где-то в другом месте. Он его не слышал. Он снова думал о Скверном Деле.

(Мне приснилось, что ты сделал мне больно, папа.)

– О чем же был сон, док?

– Так. Ни о чем, – сказал Дэнни, когда они уже выезжали со стоянки, и сунул карты назад в бардачок.

– Ты уверен?

– Да.

Джек окинул сына немного встревоженным взглядом, но потом полностью погрузился в раздумья о своей пьесе.

Глава 6

Ночные размышления

Они закончили заниматься любовью, и теперь ее мужчина спал рядом с ней.

Ее мужчина.

Она слабо улыбнулась в ночной темноте, все еще ощущая, как его семя теплой струйкой стекает по чуть раздвинутым бедрам, и улыбка вышла грустной и довольной одновременно, потому что в словосочетании «мой мужчина» смешались сотни различных оттенков чувств. Причем каждое чувство, взятое отдельно, оставалось необъяснимым и смутным, однако все вместе во мраке перед погружением в сон они звучали как тихий блюз, который она когда-то слышала в почти пустом ночном клубе, меланхоличный, но приятный.

*Любить тебя – все равно что ходить
По веревочке тонкой,
Но без любви не желаю я быть
Лишь твоей собачонкой.*

Пела ли это знаменитая Билли Холидэй? Или кто-то попроще, вроде Пегги Ли? Впрочем, не важно. Песня была печальная, даже тоскливая, но в умиротворенном сознании Уэнди она звучала плавно и приглушенно, словно лилась из старомодного музыкального автомата, должно быть, «Вурлицера», за полчаса до закрытия.

Ее мысли начали слегка путаться, и она задалась вопросом, сколько разных постелей уже успела разделить с этим спящим рядом мужчиной. Они познакомились в колледже, а первый секс у них был у него в квартире... И это произошло менее чем через три

месяца после того, как мать выставила ее из дома и запретила возвращаться. Если уж ей некуда податься, пусть отправляется к своему папаше, потому что именно из-за нее они развелись. Шел семидесятый год. Неужели так много воды утекло? В следующем семестре они съехались, нашли летнюю работу и потому сумели сохранить квартиру за собой, когда перешли на последний курс. Ту кровать она запомнила особенно отчетливо – огромная, двуспальная, но продавленная посередине. Когда они занимались любовью, ржавые пружины матраца словно считали колебания их тел. Той осенью она наконец-то полностью порвала со своей матерью. В этом ей помог Джек. «Ей только и нужно, что продолжать измываться над тобой, – говорил он. – Чем чаще ты ей звонишь, чем чаще приползаешь на брюхе с мольбой о прощении, тем с большим наслаждением она тычет тебе в лицо напоминаниями об отце. Ей это только в радость, Уэнди, потому что она может продолжать во всем винить тебя. А тебе делается все хуже». Сколько раз они обсуждали это в тот год на той самой кровати!

(Джек сидел, обернув вокруг пояса покрывало, сжимая между пальцами сигарету, смотрел ей в глаза – у него была манера делать это наполовину шутливо, наполовину сердито – и говорил: *Она ведь велела тебе никогда больше не возвращаться, так? Чтобы даже твоя тень никогда не падала на ее порог, так? Тогда почему же она не вешает трубку, когда слышит твой голос? Почему не разрешает тебе войти, как только видит, что с тобой пришел я? Да потому, что понимает – я способен сломать ей весь кайф. Она хочет продолжать безнаказанно терзать тебя, детка. И ты дуручка, если позволяешь ей это. Она велела тебе больше не возвращаться, так почему бы не поймать ее на слове? Хотя бы попытайся.* И под конец она стала разделять его точку зрения.)

Это Джеку пришла в голову идея расстаться на время, чтобы, как он это сформулировал, оценить их отношения со стороны. Она опасалась, что он попросту начал встречаться с другой. Позже выяснилось, что ничего подобного не произошло. Весной они уже

снова жили вместе, и он как-то спросил ее, не ездила ли она повидаться с отцом. Уэнди подскочила как ошпаренная.

Откуда ты знаешь?

Великая Тень знает все.

Так ты шпионил за мной?

В ответ он только рассмеялся, а ей снова стало неловко, как будто она всего лишь несмышленная девчонка и он насквозь видит мотивы ее поступков.

Тебе нужно было время, Уэнди.

Для чего?

Думаю... чтобы понять, за кого из нас ты хочешь замуж.

Джек, что ты несешь?

Несу? А мне показалось, что я сделал тебе предложение.

Свадьба. Отец приехал, матери не было. И она обнаружила, что ей легко смириться с этим, лишь бы Джек был рядом. А потом появился Дэнни, ее славный сыночек.

Это был их лучший год вместе и лучшая постель. После того как родился Дэнни, Джек нашел ей работу машинистки у преподавателей с кафедры английской литературы. Она печатала для них тексты контрольных, экзаменационные билеты, расписания занятий на семестр, лекции и примечания к ним, списки литературы для самостоятельного изучения. В конце концов даже перепечатала целый роман, который так и не был опубликован... к глубоко скрытой, но величайшей радости Джека. Работа приносила сорок долларов в неделю, а в те два месяца, что она потратила на злополучный роман, доходы подскочили до шестидесяти. И тогда они смогли купить свою первую машину – пятилетний «бьюик» с детским креслицем. Они стали воплощением молодой, интеллигентной, целеустремленной супружеской пары. А появление на свет Дэнни привело к вынужденному примирению с матерью. Их отношения продолжали оставаться напряженными и безрадостными, но они хотя бы возобновились. Она всегда возила Дэнни в гости к матери одна, без Джека, и старалась не жаловаться мужу, что

старуха по-своему перепеленывает малыша, недовольна молочной смесью, которой его кормят, и бесконечно упрекает Уэнди, когда замечает подозрительную сыпь у него на попке или в промежности. Причем мать ничего не говорила прямо, но ясно давала понять: за примирение Уэнди придется вечно расплачиваться ценой унижений и неизбежного чувства своей полной женской несостоятельности. То есть орудия пыток пребывали в постоянной готовности.

Днем Уэнди хозяйничала на залитой солнцем кухне их с Джеком четырехкомнатной квартиры, кормила Дэнни молоком из бутылочек и крутила пластинки на своем стареньком портативном стереопроеигрывателе, который ей подарили еще во время учебы в школе. Джек возвращался из колледжа к трем (а иногда и к двум, если чувствовал, что может спокойно прогулять последнюю лекцию) и, пока Дэнни спал, уводил жену в спальню, где все ее сомнения в собственной состоятельности мгновенно улетучивались.

По вечерам, когда она печатала, он писал или выполнял учебные задания. Порой она выходила из спальни, где стояла пишущая машинка, и обнаруживала, что муж с сыном спят на диване в гостиной, причем на Джеке не было ничего, кроме трусов, а Дэнни обычно удобно устраивался на груди отца, засунув в рот большой палец. Она укладывала Дэнни в кроватку, а потом прочитывала то, что Джек успел написать в тот вечер, прежде чем слегка растормошить его и помочь добраться до постели.

Лучшей постели в их лучший год.

Однажды будет праздник на улице моей...

В то время выпивка еще не превратилась для Джека в реальную проблему. По субботним вечерам к ним, бывало, заваливалась группа приятелей-студентов, и под ящик пива разгорались дискуссии, в которых Уэнди редко принимала участие, поскольку ее специальностью была социология, а не английская словесность. Они спорили, относить ли дневники Пипса к области литературы или

истории, обсуждали поэзию Чарльза Олсона, порой читали вслух то, над чем работали сами. Разговаривали на сотни других тем. Нет, на тысячи. И она не жалела, что не может вставить ни словечка. Ей было вполне достаточно сидеть в кресле-качалке рядом с Джеком, который располагался на полу, скрестив под собой ноги и держа в одной руке бутылку пива, а другой ласково поглаживая ее коленку или пожимая пальцами лодыжку.

В колледжах Университета Нью-Гэмпшира приходилось выдерживать напряженную конкуренцию, а ведь на Джека ложилась еще и дополнительная нагрузка – его собственное творчество. Ради этого он каждую ночь жертвовал по меньшей мере часом сна. Так проходила вся неделя. И субботние сходы становились необходимой терапией. Они помогали ему избавляться от негативных эмоций, которые в противном случае могли копиться и копиться, пока дело не дошло бы до взрыва.

Завершив дипломную работу, он получил место в Стовингтоне, в основном благодаря своим литературным успехам – к тому времени уже четыре его рассказа были опубликованы, причем один из них в «Эсквайре». Тот день Уэнди запомнила очень хорошо. Сначала она чуть не выбросила пришедший по почте конверт, приняв его за очередную рекламу подписки на издание. А когда вскрыла, неожиданно обнаружила внутри письмо, в котором сообщалось, что «Эсквайр» хотел бы опубликовать рассказ Джека «О черных дырах» в начале следующего года. Они предлагали гонорар в девятьсот долларов, к тому же не по факту публикации, а сразу по принятии рукописи в печать. Пишущей машинкой Уэнди зарабатывала примерно столько же за полгода, и она тут же кинулась к телефону, бросив Дэнни, комично тарасившегося ей вслед с высокого стульчика для кормления, с личиком, перемазанным пюре из протертых бобов и вареной говядины.

Джек примчался из университета уже через сорок пять минут, причем «бьюик» низко просел под тяжестью семерых его друзей и бочонка с пивом. После торжественного тоста (даже Уэнди выпила

стакан, хотя не любила пиво) Джек подписал согласие на публикацию, вложил его в прилагавшийся конверт с обратным адресом и прошел квартал до почтового ящика. Вернувшись, он с важным видом замер на пороге и провозгласил: «Veni, vidi, vici»^[5], – что было встречено радостными возгласами и аплодисментами. Когда к одиннадцати часам вечера бочонок опустел, Джек и еще двое, то есть все сохранившие способность кое-как держаться на ногах, решили отправиться в вояж по барам.

Уэнди тогда отвела мужа в угол коридора на первом этаже. Двое других уже ждали в автомобиле, распевая нетрезвыми голосами воинственный гимн Нью-Гэмпшира. Джек опустился на колени и вслепую возился со шнурками на своих мокасинах.

– Джек, не делай этого, – попросила она. – Ты даже шнурков завязать не в состоянии, не говоря уже о том, чтобы вести машину.

Он поднялся и успокаивающе положил ладони ей на плечи.

– Сегодня я мог бы слетать на луну, будь у меня такое желание.

– Нет, – возражала она. – Никакие публикации в «Эсквайре» того не стоят.

– Я скоро вернусь домой.

Однако домой он явился только в четыре утра и с трудом поднялся по лестнице, спотыкаясь и что-то бормоча под нос. Он, конечно же, разбудил Дэнни, а когда попытался убаюкать малыша, уронил его на пол. Уэнди тут же бросилась к ним, при этом ее больше всего беспокоило, что скажет мать, если заметит синяк, – Господи, не приведи, Боже, спаси и сохрани нас, – обняла Дэнни и уселась с ним в качалку, чтобы успокоить и убаюкать. Она вообще по большей части думала о своей матери все те пять часов, пока Джека не было дома, и о матушкином пророчестве, что из ее мужа никогда не выйдет ничего путного. «Большие планы на будущее! – вещала мать. – Очереди на биржах труда забиты образованными дураками с большими амбициями». Опровергала ли публикация в «Эсквайре» мнение матери или подтверждала его? «Ты неправильно держишь ребенка, Уиннифред. Отдай его мне». А правильно ли она вела себя

с мужем? Почему ему было настолько необходимо выплеснуть свою радость за пределами дома? Уэнди овладел страх от собственного бессилия, но ей даже в голову не пришло, что он мог уехать из дома по причинам, не имеющим лично к ней никакого отношения.

– Поздравляю, – сказала она, укачивая Дэнни, который снова задремал. – Вероятно, у него сотрясение мозга.

– Пустяки. Всего лишь царапина, – надувшись, ответил Джек тоном капризного мальчишки. На секунду она готова была возненавидеть его.

– Может, царапина, – сказала она мрачно, – а может, все куда серьезнее.

И сразу уловила в собственном голосе знакомую интонацию: так ее мать разговаривала с покойным отцом. От этого ей сделалось тошно и еще страшнее.

– Яблоко от яблони... – проворчал Джек.

– Отправляйся в постель! – прикрикнула на него она, причем от страха голос ее стал окончательно злобным. – Пойди и проспись. Ты пьян!

– Не надо мне приказывать, что делать.

– Джек, пожалуйста... Мы не должны... Нам нельзя... – Ей не хватило слов.

– Не надо мной командовать, – повторил он угрюмо, но потом все же ушел в спальню. А она осталась одна в своем кресле с заснувшим на руках Дэнни. Через пять минут до гостиной докатился раскатистый храп. То была первая ночь, которую она провела одна на диване.

А сейчас она беспокойно ворочалась на кровати, хотя сон уже смаривал ее. Освобожденное подкрадывавшимся забытьем от необходимости мыслить в рамках хронологии и логики, ее сознание миновало первый год жизни в Стовингтоне и продолжительную стадию постепенного ухудшения отношений, апогеем которой стала сломанная рука сына, и остановилось сразу на том их разговоре после завтрака.

Дэнни играл с машинками в куче песка во дворе. С его руки еще не сняли гипс. Джек сидел за столом с посеревшим лицом и сигаретой, дрожавшей между пальцами. Она решилась попросить его дать ей развод. Но прежде она рассмотрела этот вопрос с сотен различных точек зрения. Она начала задумываться над ним по меньшей мере за полгода до эпизода со сломанной рукой Дэнни. Она не уставала повторять себе, что давно пошла бы на это, если бы не сын, но даже здесь заключалась лишь доля правды. Долгими ночами, когда Джека не было дома, она спала и видела в повторявшихся снах лицо своей матери и собственную свадьбу.

(Кто отдает эту женщину в жены? Рядом стоит отец в своем лучшем костюме, который все равно выглядит плоховато – папа трудился коммивояжером в компании, торговавшей консервами и уже тогда балансировавшей на грани банкротства, – и лицо у него такое усталое, такое постаревшее и бледное. Я! – отвечает он.)

Но даже после несчастного случая – если его можно так называть – она все еще не могла заставить себя поднять эту тему, признав наконец, что ее кособокий брак пришел к своему бесславному концу. Она продолжала ждать и жить глупой надеждой на чудо, что Джек сам вдруг поймет, что творится не только с ним, но и с ней тоже. Однако лучше не становилось. Стаканчик перед отъездом на работу в школу. Две или три кружки пива за обедом в «Стовингтон-хаусе». Три или четыре martini до ужина. А потом еще пять-шесть за проверкой домашних заданий учеников. По выходным все обстояло удручающе плохо. Но в настоящий кошмар превратились его ночные загулы с Элом Шокли. Она и представить себе не могла, что в жизни может быть столько боли, даже если физически ты в полном порядке. А она испытывала боль почти непрерывно. Какова ее доля вины во всем этом? Этот вопрос неотвязно преследовал Уэнди. Она пробовала смотреть на ситуацию глазами своей матери. Своего отца. А порой задумывалась, как это воспринимает Дэнни, и тогда ее ужасала мысль, что в один прекрасный день он станет достаточно взрослым, чтобы понять, кто виноват. Уйти? Но куда?

Мать, несомненно, пустит их с Дэнни к себе, но Уэнди не сомневалась, что уже через несколько месяцев необходимости ежедневно наблюдать, как твоего сына перепеленывают, как его еду либо меняют, либо просто выбрасывают за негодностью, как ему покупают другую одежду, по-иному стригут волосы и прячут в глухом углу на чердаке книжки, которые мать считает вредными для малыша... Уже через несколько месяцев с ней точно случится нервный срыв. И вот тогда мать покровительственно похлопает ее по руке и скажет: *Хотя ты считаешь, что ни в чем не виновата, это только твоя вина. Ты никогда не была приличной девушкой. А свою истинную натуру показала, когда встала между мной и своим отцом.*

Мой отец, отец Дэнни. Мой, его...

(Кто отдаст эту женщину? Я! Он скончался от инфаркта полгода спустя.)

В ночь накануне того утра она пролежала без сна почти до самого возвращения Джека домой, думая, принимая окончательное решение.

Развод необходим, сказала она себе. А ее мать и отец не имеют к этому никакого отношения. Как и чувство вины из-за их разрыва или ощущение неполноценности собственного брака. Он необходим ради блага ее сына, ради нее самой, если она хотела спасти хотя бы оставшуюся часть уходящей молодости. Это грубо, но зато правда. Ее муж – пропойца. И у него скверный характер, который он все хуже контролирует по мере увеличения количества выпивки и снижения количества и качества написанного. Случайно или нет, но он сломал Дэнни руку. И работу он потеряет. Если не в этом году, то в будущем. Она уже не раз ловила на себе сочувственные взгляды жен других преподавателей. Слишком долго она терпела все тяготы своей супружеской жизни, но терпение иссякло. Настала пора покончить с этим. Джеку, разумеется, будут предоставлены все права посещения ребенка, а ей потребуются его материальная поддержка, пока она сама не сумеет встать на ноги. И это необходимо будет сделать как можно быстрее, потому что она осознавала, что Джек, вероятно,

недолго сможет выплачивать ей алименты. Она постарается по возможности смягчить удар для всех. Но конец неизбежен.

С такими мыслями она провалилась в тревожный и чуткий сон, преследуемая видениями лиц отца и матери. *Ты создана лишь для того, чтобы разрушать семьи*, говорила во сне мать. *Кто отдает эту женщину в жены?* – спрашивал священник. *Я!* – отвечал отец. Но и при ярком свете утреннего солнца ее чувства не изменились. Стоя спиной к мужу и погрузив руки в мыльную воду для мытья посуды, она приступила к неизбежному.

– Я хочу поговорить с тобой о том, что будет лучше для меня и для Дэнни. И для тебя, наверное, тоже. Нам давно следовало это обсудить.

И тогда он сказал странную вещь. Она-то ожидала вспышки гнева, злости, потока горьких упреков. Предполагала, что он сразу же кинется к буфету, где хранилось спиртное. Но не предвидела этого тихого, спокойного ответа, так непохожего на его обычную манеру общаться. Словно тот Джек, с которым она прожила шесть лет, прошлой ночью так и не вернулся домой, словно его подменили на какого-то фантастического доппельгангера, и она уже никогда не узнает правду и не сможет проверить, он ли это.

– Не могла бы ты кое-что для меня сделать? Оказать мне услугу?

– Какую? – Ей пришлось приложить огромное усилие, чтобы голос не дрогнул.

– Давай поговорим обо всем ровно через неделю, начиная с сегодняшнего дня. Если тебе все еще захочется поговорить.

И она согласилась. Причем не высказала никаких требований. В ту неделю он встречался с Элом Шокли даже чаще обычного, но домой возвращался вовремя, и от него не разило алкоголем. Ей лишь поначалу мерещился этот запах, но она знала, что ошибается. Так прошла первая неделя. Затем другая.

Вопрос о разводе словно вернули на повторное рассмотрение, отложив голосование.

Что же произошло? Она терялась в догадках, не имея об этом ни малейшего представления. А в разговорах между ними эта тема стала табу. Но он определенно вел себя как человек, который случайно заглянул за угол и узрел монстра, возжеленно поджидавшего его на обглоданных костях предыдущих жертв. Бутылки оставались в буфете, но он к ним не притрагивался. Не раз и не два она хотела выбросить их, но всякий раз отметала эту идею, словно опасаясь, что подобный акт может разрушить некие магические чары.

Но еще больше ее мысли занимал Дэнни.

Если она чувствовала, что не узнает своего мужа, то к ребенку стала относиться с подлинным благоговением – причем в полном смысле этого слова: она смотрела на него с неописуемым суеверным трепетом.

В легком полусне перед ней вновь предстало мгновение его появления на свет. Она снова лежала на родильном столе, вся в поту, со спутанными волосами и ногами, широко раздвинутыми и закрепленными в скобах

(немного пьяная от газа, который ей время от времени давали вдохнуть, в какой-то момент она даже пробормотала, что чувствует себя жертвой группового изнасилования, и акушерка, прожженная старая ворона, которая приняла, должно быть, такое количество новорожденных, что их хватило бы на целую школу, от души расхохоталась)

врач расположился где-то у нее между ног, акушерка чуть в стороне возилась с инструментами и все посмеивалась. Острая, пронзительная боль постоянно возвращалась через все более короткие интервалы, и она несколько раз не сдержала крик, хотя очень стыдилась.

Затем доктор весьма строго велел ей ТУЖИТЬСЯ, и она подчинилась, а потом вдруг почувствовала, как из нее что-то вынули. Это было ясное и отчетливое, незабываемое ощущение: из нее забрали нечто. Доктор поднял ее сына за ножки – она сразу увидела

крохотный пенис и сразу узнала, что у нее мальчик. Но когда доктор потянулся к своей маске, Уэнди увидела кое-что еще настолько ужасное, что ей хватило сил снова закричать.

У него нет лица!

Но лицо, конечно же, было – милое, сладкое личико Дэнни, – а оболочку плода, скрывавшую его в момент рождения, она потом втайне от всех сохранила в небольшом сосуде. Уэнди не верила ни в какие старые приметы, однако оболочку тем не менее забрала с собой. Она не прислушивалась к хвастовству других матерей, но ее мальчик был особенным с самого начала. Она не допускала существования ясновидящих или «третьего глаза», но...

Папа попал в аварию? Мне приснилось, что папа разбился на машине.

Что-то все-таки заставило его измениться. Не могло ведь ее решение попросить развод само по себе привести к такому результату. Что-то случилось накануне того утра. Случилось, пока она урывками спала одна. Эл Шокли твердил, что не произошло ровным счетом ничего, но отводил глаза всякий раз, когда она спрашивала об этом, а если верить сплетням из учительской, Эл и сам неожиданно стал трезвенником.

Папа попал в аварию?

Быть может, и попал, но тогда это было лишь столкновение с Судьбой, и ничего больше. Она просмотрела газеты за те два дня более внимательно, чем обычно, но не обнаружила в новостях ничего, что хоть как-то могло быть связано с изменившимся поведением Джека. Боже всемогущий! А ведь она так опасалась узнать о наезде на человека автомобиля, водитель которого скрылся с места происшествия! Или о потасовке в баре, закончившейся для кого-то больничной койкой. Или... Кто знает, о чем еще? Кто хочет знать? Вопреки ее ожиданиям на пороге не появился полисмен, чтобы начать задавать вопросы или предъявить ордер, позволявший взять образцы краски с бампера их «фольксвагена». Ничего подобного не случилось. Абсолютно ничего, если не считать

радикальной перемены в ее муже и вопроса, заданного спросонок ее сыном:

Папа попал в аварию? Мне приснилось...

А ведь она не рассталась с Джеком во многом ради Дэнни, хотя наяву и не любила об этом думать. Но сейчас, уже засыпая, Уэнди расслабилась и могла позволить себе чистосердечное признание: Дэнни стал папиным сынком почти с самого начала. Точно так же, как она сама в свое время сразу стала папиной дочкой. Она не помнила, чтобы крошка Дэнни хотя бы раз срыгнул молочную смесь на отцовскую рубашку. Джек мог заставить ребенка есть после того, как она, выбившись из сил, бросала свои попытки. Так происходило даже в период, когда у мальчика резались зубки и ему было больно жевать. Если у Дэнни болел животик, ей требовался час укачиваний, чтобы унять плач, а Джеку достаточно было взять его на руки, дважды пройтись с ним по комнате из конца в конец, и сын засыпал, положив голову ему на плечо, а большой палец глубоко погрузив себе в рот.

Джек никогда не отказывался сменить ребенку испачканные пеленки, не брезгуя даже тем, что сам в шутку называл «особо крупной поставкой». Он мог просиживать с Дэнни часами, подбрасывая его на коленях, забавляясь с ним играми на пальцах, строя жуткие гримасы, когда Дэнни принимался дергать его за нос, отчего мальчик буквально покатывался со смеху. Джек умел готовить молочные смеси и скармливал их безупречно, не вызывая у малыша ни малейшей отрыжки. Он сажал его с собой в машину, когда отправлялся купить газету, или бутылку молока, или гвозди в хозяйственном магазине, хотя Дэнни был еще совсем крошечным. В шестимесячном возрасте он взял его на футбольный матч между командами Стовингтона и Кина. Дэнни зачарованно просидел у отца на коленях всю игру, завернутый в одеяло, сжимая в пухлом кулачке маленький талисман с эмблемой стовингтонцев.

Он любил маму, но был папенькиным сынком.

И разве не ощущала она время от времени каким-то шестым чувством безмолвного противостояния сына самой идее развода родителей? Бывало, она размышляла об этом, крутила эту мысль в голове, как крутила в руке картофелину, которую чистила к ужину. А потом, внезапно обернувшись, видела, как Дэнни сидит по-турецки на кухонном стуле и смотрит на нее с испугом и обвинением в глазах. Когда они гуляли в парке, он иногда вдруг брал ее за обе руки и спрашивал, почти требовал ответа:

– Ты меня любишь? А папу тоже любишь?

И в смущении она неизменно кивала и говорила:

– Конечно, люблю, милый.

И тогда он мог резко отпустить ее и побежать к пруду с громким криком, размахивая руками, вспугивая стаю уток, которые в страхе улетали при виде такой маленькой, но яростной угрозы, а она застывала на месте и лишь с удивлением смотрела ему вслед.

Порой наступали моменты, когда она полностью утрачивала всякое желание даже обсуждать с Джеком тему развода, но не из-за собственной слабости, а поддаваясь неожиданно сильной воле сына.

Никогда не поверю, что такое возможно.

Но во сне Уэнди верила и, засыпая с еще теплым семенем мужа на бедрах, ощущала, что они втроем накрепко и навечно прикованы друг к другу. И что если их триединство и может быть разрушено, то не одним из них, а только какой-то внешней силой.

Потому что, так или иначе, все, во что она действительно верила, опиралось на ее любовь к Джеку. Ведь она никогда не переставала любить его, за исключением, быть может, тех нескольких черных дней, что последовали сразу за «несчастливым случаем» с Дэнни. Сына она любила тоже. Но больше всего ей нравилось видеть их вместе: идущими, едущими в машине или просто сидящими рядом. Крупная голова Джека и маленькая головка Дэнни, деловито склонившиеся над раскладом в «старой деве» или над страницами комиксов. При этом они часто выпивали на двоих одну бутылку колы. Она обожала смотреть на них в такие моменты и сейчас от всей души надеялась,

что работа в отеле, которую нашел для Джека его приятель Эл, станет для их семьи началом новых добрых времен.

И ветерок-проказник развеет печаль, поверь...

Тихая, плавная, чуть глуховатая мелодия снова вернулась, и вместе с ней Уэнди погрузилась в более глубокий сон, где уже не было места мыслям, а являвшиеся в видениях лица не запоминались.

Глава 7

В другой спальне

Дэнни проснулся с отдававшимся в ушах гулким грохотом и диким, хриплым голосом:

А ну иди сюда, и я тебя проучу как следует! Я найду тебя! Я все равно тебя найду!

Но глухой стук оказался всего лишь учащенным биением его собственного сердца, а единственным криком в ночи было далекое завывание полицейской сирены.

Он лежал не шевелясь, глядя, как на потолке играют тени от листьев деревьев. Они прихотливо изгибались, сливались вместе, образуя подобие лиан и других вьющихся растений, напоминая узор, вытканый на толстом ковре. Дэнни был в теплой пижаме, но между ней и его кожей образовался липкий слой холодного пота.

– Тони! – прошептал он. – Ты здесь?

Никто не отзывался.

Он выскользнул из-под одеяла, неслышно подошел к окну и посмотрел на Арапахо-стрит, сейчас пустую и тихую. Два часа ночи. Там никого не было, лишь тротуары, усыпанные опавшими листьями, припаркованные машины и уличный фонарь на углу через дорогу от автозаправочной станции «Клифф Брайс». Изогнутая верхушка и неподвижность придавали фонарю сходство с монстром из фильмов о космических пришельцах.

Дэнни оглядел всю улицу, напрягая зрение, чтобы не упустить смутную манящую фигуру Тони, но так никого и не увидел.

Ветер постанывал в верхушках деревьев, шуршал сухими листьями, гоня их по тротуару и вокруг колес автомобилей. Это был едва слышный, но грустный звук, и мальчик подумал, что, вероятно, единственный во всем Боулдере не спит и может слышать его. По крайней мере единственный человек. Но откуда ему знать, что еще

может таиться в ночи, хищно рыская в глубоких тенях, наблюдая и нюхая воздушные потоки?

Я найду тебя! Я все равно тебя найду!

– Тони! – прошептал он снова, но уже без особой надежды.

Ветер ответил ему сильным порывом, разметав листья по скату крыши под окном. Некоторые из них попали в водосточный желоб и замерли там, словно уставшие танцоры.

Дэнни... Дэнни-и-и...

Он вздрогнул, услышав знакомый голос, и высунулся из окна, опершись руками о подоконник. И стоило прозвучать голосу Тони, как вся ночь, казалось, пришла в безмолвное и таинственное движение, зашептала, хотя ветер полностью утих, листья застыли и даже тени перестали колебаться. Дэнни почудилось, что он видит что-то темное у автобусной остановки в квартале от дома, но он не был уверен, реальность ли это или его воображение.

Не уезжай туда, Дэнни...

Потом снова поднялся ветер, заставив его моргнуть, и тень у остановки пропала... если вообще там была. Он постоял у окна (минуту? час?)

еще какое-то время, но ничего больше не произошло. В конце концов он снова забрался в постель, натянул на себя одеяло и продолжил смотреть, как тени, отбрасываемые светом фонаря-пришельца, трансформируются в джунгли, населенные плотоядными растениями, стремившимися обвиться вокруг него, задушить насмерть и утащить его тело вниз, в черноту, где пульсировало красными вспышками одно слово:

РОМ.

Часть вторая

Окончание сезона

Глава 8

Вид на «Оверлук»

Мама беспокоилась.

Она боялась, что «жук» не выдержит поездки вверх и вниз по горам и они застрянут прямо на дороге, где кто-нибудь будет мчаться на большой скорости и врежется в них. Дэнни был настроен более оптимистично: если папа сказал, что «жук» осилит последнее путешествие, то скорее всего так и будет.

– Мы почти приехали, – сказал Джек.

Уэнди убрала выбившиеся пряди волос за уши.

– Слава тебе Господи!

Она сидела на продавленном правом сиденье с романом Виктории Холт, раскрытым, но перевернутым мягкой обложкой вверх у нее на коленях. Она надела синее платье, которое Дэнни считал самым красивым. Матросский воротник делал ее похожей на школьницу. Папа то и дело норовил положить руку ей на бедро, а она каждый раз смеялась и смахивала ее со словами:

– Отстань, муха назойливая!

Горы произвели на Дэнни внушительное впечатление. Отец уже однажды возил его к скалистым холмам рядом с Боулдером, которые назывались Флатиронами, но эти оказались намного больше, а на самых высоких вершинах виднелись шапки изумительно белого снега, который, как сказал папа, не сходил круглый год.

И они действительно очутились в настоящих горах. Отвесные каменные стены окружали их со всех сторон, такие высокие, что края нельзя было увидеть, даже высунув голову в окно машины. Когда они покидали Боулдер, температура там зашкаливала за семьдесят градусов^[6]. А здесь, хотя уже перевалило за полдень, воздух был колюче-холодным, как в ноябре в Вермонте, и папа даже

включил печку, пусть она и работала не слишком хорошо. Они проехали мимо нескольких знаков, предупреждавших «ОСТОРОЖНО, КАМНЕПАД!» (мама прочла их вслух), но как ни предвкушал Дэнни с опасливым волнением, что увидит падающий на дорогу обломок скалы, ничего подобного не случилось. По крайней мере пока.

Полчаса назад они миновали другой указатель, который, по словам папы, был для них особенно важен. «ВЪЕЗД НА ПЕРЕВАЛ САЙДУАЙНДЕР», – гласил он, и папа объяснил, что только до этого места зимой дорогу расчищали снегоуборочные тракторы. Дальше шоссе становилось слишком крутым, и на зиму оно закрывалось от небольшого городка Сайдуайндер, через который они проехали незадолго до появления указателя, до самого Бакленда в штате Юта.

А сейчас они проезжали еще один дорожный знак.

– Что он означает, мама?

– Он предписывает медленно движущимся транспортным средствам держаться правой полосы. Это как раз про нас.

– «Жук» не подведет, – сказал Дэнни.

– Твои слова да Богу в уши... – отозвалась мама и скрестила пальцы рук. Дэнни посмотрел вниз на ее туфли с открытыми носами и увидел, что пальцы ног она скрестила тоже. Он хихикнул. Мама улыбнулась ему, но он знал, что она все равно не перестает тревожиться.

Дорога пошла вверх, перейдя в серию крутых поворотов серпантина, и Джеку пришлось переключиться с четвертой передачи на третью, а вскоре и на вторую. «Жук» протестующе скрежетал, а Уэнди не сводила глаз со стрелки спидометра, которая опустилась с сорока до тридцати, потом до двадцати – и осталась подрагивать возле этого числа.

– Бензонасос... – робко начала она.

– Бензонасос как-нибудь протянет еще три мили, – оборвал ее Джек.

Скалы справа от них неожиданно расступились, и открылся вид на глубокую долину, которая, казалось, протянулась в бесконечность, поросшая темно-зелеными соснами и елями. Над деревьями серые скалы обрывались на несколько сотен футов вниз, прежде чем выровняться. Уэнди увидела, что с вершины одной из таких скал низвергается водопад и лучи послеполуденного солнца отражаются в воде, как золотые рыбки, бьющиеся в голубой сети. Это были красивые, но суровые горы. Едва ли они прощают людям ошибки. Дурные предчувствия колом подкатили ей к горлу. Ведь не так далеко к западу отсюда протянулась Сьерра-Невада, где попала в снежный плен группа Доннера, членам которой пришлось прибегнуть к каннибализму, чтобы выжить. Воистину горы ошибок не прощали.

Выжав сцепление, Джек рывком перевел рычаг на первую передачу, и они продолжили медленный подъем под отчаянные завывания мотора «жука».

– А ты знаешь, – сказала она, – по-моему, мы и пяти машин не встретили от самого Сайдуайндера. Причем одной из них был гостиничный лимузин.

Джек кивнул.

– Они доставляют постояльцев прямо в денверский аэропорт Стейплтон. Как сказал Уотсон, на дороге выше отеля уже местами встречается лед, а по прогнозу завтра в горах будет первый снегопад. Вот почему большинство водителей стараются на всякий случай проезжать через горы по основным магистралям. Лучше бы этому треклятому Уллману оказаться в отеле. Но мы скорее всего его застанем.

– Ты уверен, что нам оставят необходимый запас продуктов? – спросила она, по-прежнему думая о группе Доннера.

– По крайней мере он обещал. Холлоран должен сам все тебе показать. Так зовут их повара.

– Вот как... – чуть слышно сказала она, не сводя глаз со спидометра. Скорость упала с пятнадцати до десяти миль в час.

– Верхняя точка перевала, – сообщил Джек, указывая на место в трехстах ярдах впереди. – Там есть отличная смотровая площадка, откуда вы сможете увидеть «Оверлук». Я как раз собирался съехать с дороги и дать «жуку» небольшую передышку.

Он обернулся и посмотрел на Дэнни, который сидел на кипе одеял.

– Как тебе такая идея, док? Вдруг мы встретим оленя или карибу?

– Это было бы здорово, пап!

«Фольксваген» лез и лез в гору. Скорость снизилась почти до критической отметки пять миль в час, и машина уже начала подергиваться, когда Джек свернул с дороги

(«Что здесь написано, мама?» – «ЖИВОПИСНЫЙ ВИД», – прочитала она.)

и, держась за ручной тормоз, дал «жуку» немного прокатиться на нейтрале.

– Пойдемте, – сказал он и выбрался из машины.

Все вместе они подошли к металлическому ограждению.

– Вы только посмотрите!

Уэнди и не подозревала, сколько правды может заключаться в затертом клише: у нее действительно захватило дух. Несколько секунд она просто не могла дышать, настолько ее потрясло открывшееся перед ними зрелище. Они стояли почти на вершине одного из горных пиков. А напротив них – бог знает в какой дали! – уходила прямо в небеса значительно более высокая гора, и ее зазубренная вершина вырисовывалась темным силуэтом на фоне начавшего клониться к закату солнца. Под ними распростерлась огромная долина, причем склон, по которому петляла дорога, чудом преодоленная их «жуком», уходил вниз так круто, что Уэнди поняла: если смотреть туда слишком долго, ее начнет подташнивать, а потом, чего доброго, и вырвет. В этом чистейшем разреженном воздухе разыгрывалось воображение. Разум отказывал, и тебе невольно рисовалась картина, как ты в свободном полете падаешь все ниже и ниже, как тело вращается, а земля и небо меняются местами, как

взметається вгору підол плаття, зустрічний вихрь спутує волосся, а із рота рветься відчайдушний крик...

Лише зусиллям волі їй вдалося перевести погляд і подивитися в ту сторону, куди вказував Джек. Дорога шла далі, пригинаючись до схилу гори, нагадуваної шпиль собору, іноді робила вираж в, здавалося б, протилежному напрямку, але незмінно знову устремлялася на північ-захід і піднімалася все вище, навіть уже не так круто. А на самому верху товщу темного хвойного лісу розривав широкий квадрат зеленої лужайки, в центрі якого воцарилось будинок готелю. «Оверлук». При погляді на нього Енді знову отримала і дихання, і голос.

– О, Джек, це просто непередавано!

– Ага, – погодився він. – Уллман стверджує, що це найкрасивіше місце в усій Америці. О самому Уллмані я не занадто високого думки, але в даному випадку він, здається, абсолютно... Денні! Денні, ти в порядку?

Енді оглянулася на сина, і раптовий страх за нього затмив всю оточуючу красу. Вона кинулася до сина. Він стояв, вцепившись в ґрунт огороження, і дивився на готель – обличчя його стало сірим, очі остекленіли, наче він ось-ось міг втратити свідомість.

Вона опустилася поруч з ним на коліна і міцно ухватила його за плечі.

– Денні, що з тобою?..

Джек уже був поруч.

– Ти в нормі, док?

Він легко, але різко встряхнув хлопчика, і погляд у нього прояснився.

– Все добре, папочка. Я в порядку.

– Але що це було, Денні? – запитала Енді. – У тебе голова закружилася, да, милий?

– Ні, я просто... задумався. Простите мене. Не хотів вас налякати.

Він раптом помітив, що батьки стоять перед ним на колінах, і трохи здивовано посміхнувся:

- Наверное, это из-за солнца. Солнце попало мне прямо в глаза.
- Когда доберемся до гостиницы, дадим тебе попить водички, – сказал папа.
- Хорошо.

Потом, сидя в «жуке», который гораздо увереннее преодолевал более пологий подъем, Дэнни пристроился так, чтобы смотреть прямо на дорогу. С нее теперь то и дело открывался вид на «Оверлук», где выходявшие на запад большие окна отражали солнечный свет. Это было то место, что он видел в разгар снежной бури, темное и гроыхающее место, в котором до жути знакомая Фигура разыскивала его в коридорах, устланных коврами с джунглями. Место, куда Тони просил его не ездить. Это было здесь. Точно здесь. И здесь же был РОМ, что бы это слово ни значило.

Глава 9

Большой отъезд

Уллман встретил их по другую сторону широких старомодных дверей. Он пожал руку Джеку и холодным кивком поприветствовал Уэнди, вероятно, отметив, как сразу несколько голов повернулись в ее сторону, стоило этой женщине с золотистыми локонами до плеч, в простеньком синем платье войти в вестибюль. Край подола скромно заканчивался на два дюйма выше колен, но этого было вполне достаточно, чтобы понять, насколько хороши ее ноги.

С подлинной теплотой Уллман отнесся только к Дэнни, но Уэнди было к этому не привыкать. Ее сын неизменно привлекал к себе даже тех мужчин, которые обычно проявляли к детям полнейшее равнодушие. Чуть наклонившись, Уллман протянул Дэнни руку. Тот серьезно пожал ее.

– Мой сын Дэнни, – представил Джек. – И моя жена Уиннифред.

– Рад с вами познакомиться, – сказал Уллман. – Сколько тебе лет, Дэнни?

– Пять, сэр.

– Вот даже как! Сэр! – Уллман улыбнулся и посмотрел на Джека. – А он хорошо воспитан.

– Разумеется, – ответил Джек.

– Миссис Торранс. – Он снова чуть склонил голову, и в мимолетном замешательстве Уэнди решила, что сейчас ей поцелуют руку. Она даже вытянула правую ладонь вперед, но Уллман лишь ненадолго сжал ее в своих ладонях. Они были маленькие, сухие и гладкие. Вероятно, он их чем-то припудривает, мелькнула у нее мысль.

В вестибюле между тем кипела работа. Почти все старомодные кресла с высокими спинками были заняты. Коридорные с чемоданами сновали туда-сюда, а у стойки, над которой

возвышалась огромная латунная касса, даже образовалась очередь. Красовавшиеся на кассе наклейки «Бэнк-Америкард» и «Мастер-чардж»^[7] выглядели явным анахронизмом.

Справа, ближе к еще одним двустворчатым дверям, которые были закрыты и отгорожены шнуром, находился старый камин, и в нем ярко пылали березовые поленья. На диване, придвинутом практически вплотную к камину, сидели три монахини. Они о чем-то беседовали и улыбались. Их багаж громоздился по обе стороны дивана, и они попросту коротали время, дожидаясь, чтобы очередь на выписку немного поредела. Когда Уэнди посмотрела на них, они разразились звонким девичьим смехом. Она и сама почувствовала, как улыбка коснулась ее губ; все монахини были не моложе шестидесяти.

Среди общего гомона и гула голосов в вестибюле то и дело слышался чуть приглушенный звук *динь*, издаваемый посеребренным колокольчиком, вмонтированным в стойку, когда один из двух клерков нажимал на него, несколько нетерпеливо приглашая: «Следующий, пожалуйста!» У Уэнди это сразу же вызвало живые и теплые воспоминания о медовом месяце, который они с Джеком провели в Нью-Йорке, в отеле «Бикман-тауэр». И впервые она всерьез позволила себе поверить, что, быть может, они получили то, в чем так нуждались: несколько месяцев вместе и вдали от остального мира, что-то вроде медового месяца на троих. Она снова улыбнулась, ласково посмотрев на Дэнни, который с жадным любопытством оглядывался по сторонам. Очередной длинный лимузин, серый, как костюм банкира, остановился перед входной дверью.

– Последний день сезона, – объяснил Уллман. – День закрытия отеля. Всегда суматошный. Я, между прочим, ожидал, что вы приедете не позже трех, мистер Торранс.

– Пришлось дать старому «фольксу» время на случай, если с ним случится нервный припадок, – ответил Джек. – По счастью, обошлось.

– Вам повезло, – сказал Уллман. – Чуть позже я проведу для вас троих обзорную экскурсию по зданию, и, конечно же, Дик Холлоран желал бы ознакомить миссис Торранс с устройством кухни «Оверлука». Однако боюсь, что...

Один из служащих отеля подошел к ним с выражением полнейшего отчаяния на лице.

– Прошу прощения, мистер Уллман...

– Да? Что стряслось?

– Проблема с миссис Брент, – с явным беспокойством ответил клерк. – Она отказывается оплачивать счет чем-либо, помимо карточки «Американ экспресс». Как я ни втолковывал ей, что мы перестали принимать такие карты к оплате в конце прошлого сезона, она и слышать ничего не хочет.

Он быстро obeжал глазами семейство Торрансов, затем вновь перевел взгляд на Уллмана. Тот лишь пожал плечами:

– Я разберусь с этим.

– Благодарю вас, мистер Уллман. – И клерк поспешил вернуться за стойку, рядом с которой возвышалась крупная дама в длинной меховой шубе и чем-то наподобие боа из черных перьев. Дама оглушительно возмущалась.

– Я приезжаю на отдых в «Оверлук» с тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, – проинформировала она клерка, который в ответ лишь улыбался и беспомощно разводил руками. – Я не перестала приезжать сюда даже после того, как мой второй муж умер от инсульта на этом глупом роке-корте – а ведь я предупреждала его, что слишком жарко! И я всегда, слышите, всегда расплачивалась кредитной карточкой «Американ экспресс»! Можете хоть полицию вызывать, если вам угодно! Пусть меня силой увезут отсюда! Но я все равно отказываюсь платить чем-либо, помимо моей «Американ экспресс». Повторяю...

– Тысяча извинений, – сказал Уллман.

Он пересек вестибюль, деликатно взял миссис Брент под локоть, а потом лишь кивал и тоже разводил руками, когда она обрушила на

него свои гневные тирады. Но в его глазах читалось сочувствие, он соглашался, поддакивал, что-то отвечал. В конце концов миссис Брент с торжествующей улыбкой повернулась к несчастному клерку за стойкой и громогласно провозгласила:

– Слава Богу, в этом отеле нашелся хотя бы один человек, способный проявить широту взглядов!

Затем она позволила Уллману, чья макушка едва доставала до пышного плеча ее шубы, взять себя под руку и куда-то увести – по всей вероятности, в личный кабинет.

– Ничего себе! – с улыбкой заметила Уэнди. – А этот пижон отрабатывает свою зарплату.

– Но ему не понравилась та тетенька, – тут же возразил Дэнни. – Он только сделал вид, что она ему нравится.

Джек усмехнулся:

– Уверен, ты прав, док. Однако лесть всегда была лучшей смазкой для колес, на которых вращается наш мир.

– А что такое лесть?

– Лесть, – ответила Уэнди, – это когда твой папа заверяет, что мне идут новые желтые брюки, хотя на самом деле так не думает, или отговаривает меня худеть, хотя во мне целых пять фунтов лишнего веса.

– А! Значит, это ложь для смеха?

– Очень близкое к истине определение.

Дэнни долго и пристально смотрел на нее, а потом сказал:

– Ты красивая, мамочка.

И сконфуженно насупился, когда родители переглянулись и разразились хохотом.

– На меня Уллман особо лесть не растрачивал, – сказал Джек. – Давайте отойдем к окну, ребята. Я чувствую себя неуютно, стоя посреди этого великолепия в жалкой джинсовой куртке. Честное слово, даже не предполагал увидеть здесь такую толпу в последний день.

– Ты выглядишь весьма привлекательно, – возразила Уэнди, и они снова рассмеялись. Дэнни не до конца понимал причину их веселья, но ему было все равно. Главное, что они любили друг друга. А еще ему показалось, что этот отель напомнил маме о каком-то другом месте,

(о доме какого-то человека с большим носом)

где она была счастлива^[8]. Он бы хотел, чтобы ему здесь тоже понравилось, а потому постоянно напоминал себе, что далеко не все из того, что показывал Тони, сбывалось. Он просто будет очень осторожен. И постарается найти нечто под названием РОМ. Но ничего им не скажет, пока не почувствует, что без этого уже нельзя. Потому что сейчас они радовались, и смеялись, и не думали ни о чем дурном.

– Вы только гляньте на этот пейзаж! – сказал Джек.

– О, он просто бесподобен! Посмотри, Дэнни!

Но Дэнни вид не казался настолько уж потрясающим. Он вообще не любил высоту, от которой могла закружиться голова. За широкой внешней террасой, проходившей по всему периметру здания, безукоризненно ухоженная лужайка (где даже разместилось небольшое поле для гольфа) полого спускалась к длинному прямоугольному бассейну. На краю бассейна стояла невысокая тренога с табличкой «ЗАКРЫТО» – это слово Дэнни мог прочитать сам. А еще он знал слова «стоп», «выход», «пицца» и несколько других.

Позади бассейна начиналась покрытая гравием дорожка, вившаяся среди молодых сосенок, елей и осин. Там тоже стоял указатель, но его Дэнни не понял: «РОКЕ». Под буквами была нарисована стрелка.

– Что такое Р-О-К-Е, пап?

– Это такая игра, – ответил отец. – Немного похоже на крокет, но не на траве, а на гравийном корте со стенками, наподобие большого бильярдного стола. Это очень старая игра, Дэнни. И представь, иногда здесь даже проводились настоящие соревнования.

– В нее играют крокетными молотками?

– Похожими, – кивнул Джек. – Только ручка немного короче, а головка двусторонняя. Одна сторона деревянная, другая – из твердой резины.

(Выходи, ты, маленький говнюк!)

– Название произносится как *роке*, – продолжал отец. – Я научу тебя играть, если захочешь.

– Не знаю, – отозвался Дэнни странно тихим и невыразительным голосом, что заставило родителей недоуменно переглянуться поверх его головы. – Мне кажется, она мне не понравится.

– Что ж, никто тебя неволить не станет, док. Верно?

– Верно.

– А звери тебе нравятся? – спросила Уэнди. – Это фигурная стрижка растений.

Позади тропинки, которая вела к роке-корту, росла живая изгородь, подстриженная в виде различных животных. Дэнни, обладавший острым зрением, сразу различил среди них кролика, собаку, лошадь, корову и трех крупных кошек, похожих на шаловливых львов.

– А ведь как раз эти зверьки навели дядю Эла на мысль предложить мне работу здесь, – сообщил Джек. – Он вспомнил, что студентом колледжа я подрабатывал в компании, занимавшейся ландшафтным дизайном. Мы приводили в порядок лужайки, деревья и живые изгороди. А еще я кое-что подстригал у одной леди.

Уэнди прыснула и приложила ко рту ладонь. Джек, не сводя с нее глаз, повторил:

– Да уж. Помню, стриг ей кое-что каждую неделю.

– Отстань, муха назойливая, – строго сказала Уэнди, но потом хихикнула.

– У нее что, были очень густые кусты, пап? – спросил Дэнни, вызвав у обоих родителей приступ гомерического хохота. У Уэнди на глазах выступили слезы, и ей пришлось достать из сумки бумажный носовой платок.

– Только это были не зверушки, Дэнни, – сказал Джек, немного придя в себя. – Это были карточные масти. Ну, знаешь, пики, червы, трефы, бубны. Но видишь ли, кусты непрерывно растут...

(Ползут вверх, как говорил Уотсон... Но только не растения. Вверх ползет давление в котле. Всегда проверяй давление. Если забудешь, то как-нибудь вместе со всей семейкой проснешься на треклятой луне.)

Он перестал улыбаться. Уэнди и Дэнни смотрели на него в изумлении.

– Папа! – окликнул Дэнни.

Джек вздрогнул и огляделся, словно вернулся откуда-то издалека.

– Так вот, они растут, Дэнни, и теряют форму. А потому приходится их подстригать раз или два в неделю, пока не наступят холода и они не перестанут расти.

– А еще здесь есть детская игровая площадка, мой маленький счастливчик, – сказала Уэнди.

И действительно, детская площадка располагалась сразу за фигурной изгородью. Две горки, огромные качели с множеством сидений на разной высоте, канаты с узлами, туннель из железобетонных колец, песочница и целый домик для игр, построенный в виде точной копии отеля «Оверлук».

– Хотя бы это тебе нравится, Дэнни? – спросила мама.

– Само собой, – ответил он, надеясь, что в голосе звучит энтузиазм. – Это круто!

Позади игровой площадки возвышался неприметный забор из проволочной сетки, за которым пролежала гравийная подъездная дорога, а дальше уже раскинулась бескрайняя долина, в это время дня утопавшая в голубоватой послеполуденной дымке. Дэнни не знал слова «изоляция», но если бы кто-нибудь объяснил ему его смысл, он бы лучше понял свои ощущения. Далеко внизу, как змея, решившая вздремнуть на солнышке, вилось шоссе, которое вело обратно через перевал Сайдуайндер до самого Боулдера. Путь, закрывавшийся на всю зиму. От этой мысли Дэнни стало трудно

дышать, и он чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда отец положил руку ему на плечо.

– Принесу тебе воды, док, как только смогу. Сейчас все очень заняты.

– Конечно, папа.

Откуда-то из глубин офисных помещений с видом победительницы выплыла миссис Brent. Она походкой триумфатора вышла на улицу, и через несколько секунд за ней последовали двое коридорных, с трудом тащившие сразу восемь чемоданов. Сквозь широкое окно Дэнни видел, как мужчина в сером мундире и фуражке, похожей на армейскую, подогнал длинный серебристый автомобиль к входной двери и вышел навстречу даме. Отсалютовав ей, он поспешил открыть багажник.

И, как это изредка с ним случалось, внезапно Дэнни сумел прочитать целиком одну из ее мыслей, вырвавшуюся из привычной мешанины гулких эмоций и цветовых пятен, обычно окружавшей его в толпе.

(а я бы не прочь залезть к нему в брюки)

Дэнни сдвинул брови, наблюдая, как коридорные загружают чемоданы в багажник. Женщина же не сводила глаз с мужчины в форме, руководившего погрузкой. Зачем ей понадобились мужские брюки? Неужели ей холодно даже в такой шубе? Но если она замерзла, то почему бы самой не надеть брюки? Его мама, например, ходила в брюках почти всю зиму.

Между тем мужчина в сером мундире захлопнул крышку багажника и вернулся, чтобы помочь миссис Brent сесть в автомобиль. Дэнни напряг слух и зрение – не скажет ли она что-нибудь про его брюки, – но дама лишь улыбнулась и сунула мужчине долларовую бумажку. Несколько секунд спустя она уже выезжала на своем лимузине с территории отеля.

Он подумал было спросить у мамы, зачем миссис Brent могли понадобиться штаны служащего отеля, но все же не решился. Иногда

излишнее любопытство не приносило ничего, кроме неприятностей. С ним такое уже случалось.

А потому Дэнни втиснулся между сидевшими на небольшом диванчике родителями и стал глазеть на людей, оплачивавших счета у стойки. Он тихо радовался, что мама с папой были счастливы и любили друг друга. Но не мог избавиться от чувства тревоги. Не мог, как ни старался.

Глава 10

Холлоран

Повар совершенно не вписывался в нарисованный воображением Уэнди портрет хозяина кухни крупного курортного отеля. Начать с того, что подобных знаменитостей должны были величать на французский манер *chef*. Поварами были люди вроде самой Уэнди, частенько сваливавшей остатки вчерашних трапез в форму для запекания и добавлявшей к ним лапшу. Кроме того, кулинарный маг такого заведения, как «Оверлук», чья реклама появлялась на страницах влиятельной нью-йоркской «Санди таймс», должен был быть низкорослым, пухлым и бледнолицым (как на картинке с упаковки муки «Пиллсбери»); ему бы пошли тонкие усики в стиле сороковых годов, темные глаза, парижский акцент и мерзкий характер.

У Холлорана были темные глаза, но и только. Повар оказался очень высоким чернокожим мужчиной с густой шевелюрой, в которой уже пробивалась первая седина. Говорил он с заметным южным акцентом и часто смеялся, обнажая зубы, слишком белые и слишком ровные, чтобы быть настоящими. У ее отца были такие же искусственные зубы, которыми он иногда шутливо щелкал за ужином... но только в том случае, если мама выходила на кухню или отвечала на телефонный звонок.

Дэнни во все глаза уставился на гиганта в синем саржевом костюме, но широко улыбнулся, когда Холлоран поднял его как пушинку, посадил на сгиб локтя и спросил:

- Ты ведь не собираешься проторчать здесь всю зиму?
- Как раз собираюсь, – немного застенчиво ответил Дэнни.
- Нет, ты отправишься со мной в Сент-Пит, научишься готовить прямо на пляже, а каждый вечер будешь охотиться на крабов. Верно?

Дэнни весело засмеялся и помотал головой. Холлоран опустил его на пол.

– Если передумаешь, – сказал он очень серьезным тоном, наклонившись к Дэнни, – то лучше поторопись. Ровно через тридцать минут я буду уже в машине. Еще через два с половиной часа пройду на посадку через тридцать второй выход терминала Б в международном аэропорту Стейплтон в Денвере. Это столица штата Колорадо – город высотой в милю. Еще три часа – и я возьму напрокат автомобиль в аэропорту Майами, чтобы добраться до солнечного Сент-Пита, быстренько натянуть плавки, а потом сидеть и посмеиваться над чудаками, оставшимися здесь по уши в снегу. Сечешь, о чем я, милый мальчик?

– Да, сэр, – с улыбкой ответил Дэнни.

Холлоран повернулся к Джеку и Уэнди:

– Славный у вас паренек.

– Нам он тоже нравится, – согласился Джек и протянул руку. – Я Джек Торранс. Моя жена Уиннифред. А с Дэнни вы уже познакомились.

– Рад знакомству, мэм. Как к вам лучше обращаться? Уинни или Фредди?

– Вообще-то все зовут меня Уэнди, – ответила она улыбаясь.

– Хорошо. Мне это имя больше по душе. Пойдемте со мной. Мистер Уллман просил устроить для вас экскурсию, и мы ее сейчас начнем. – Он покачал головой и чуть слышно пробормотал себе под нос: – Видит Бог, как я рад, что расстаюсь с *ним*.

И Холлоран продемонстрировал самую большую кухню, какую Уэнди когда-либо видела. Здесь все сверкало чистотой. Каждая поверхность была тщательно отдраена. Огромные размеры помещения не просто удивляли, но и немного пугали. Уэнди шла рядом с Холлораном, а Джек, чувствуя себя не в своей стихии, взял Дэнни за руку, и они держались чуть позади. На одной из стен рядом с мойкой на четыре раковины висел длинный ряд режущих инструментов: от обычных разделочных ножей до двуручного

топора для целых мясных туш. Хлебная доска размерами не уступала их кухонному столу в Боулдере. Другую стену от пола до потолка занимал впечатляющий набор кастрюль и сковородок из нержавеющей стали.

– Боюсь, всякий раз, когда я буду сюда входить, мне придется оставлять за собой след из хлебных крошек, чтобы не потеряться, – сказала Уэнди.

– Не надо ничего бояться, – отозвался Холлоран. – Она действительно огромная, но это всего лишь кухня. Большая часть этой утвари вам вообще ни разу не пригодится. Поддерживайте чистоту – это все, о чем я вас попрошу. Вот плита. На вашем месте я бы пользовался именно ею. Всего их у нас три, но эта самая маленькая.

Самая маленькая? – удивленно повторила Уэнди про себя, разглядывая плиту. Она была снабжена двенадцатью горелками, двумя обычными духовками, большой чугунной кастрюлей для тушения, емкостью для соусов или гарниров, грилем, отсеком для подогрева и, казалось, миллионом циферблатов и ручек, управлявших этим воистину мудреным агрегатом.

– Все работает на газу, – объяснил Холлоран. – Вам приходилось готовить на газовых плитах, Уэнди?

– Да, но...

– Лично мне газ нравится, – сказал он и включил горелку. Вспыхнуло высокое пламя, но Холлоран легким движением уменьшил его до едва заметного голубого ореола. – Люблю иметь возможность наблюдать за огнем, на котором готовлю. Вам понятно расположение регуляторов всех этих горелок?

– Да.

– Хорошо. А все температурные датчики помечены номерами. Сам я предпочитаю центральную горелку, потому что, как мне кажется, она дает самый равномерный нагрев, но вы можете пользоваться любой. И даже всеми тремя плитами, если захотите.

– Да, в самый раз на три замороженные порции. По одной на каждую плиту, – с невеселым смехом отозвалась Уэнди.

– Да ради Бога! – расхохотался Холлоран. – Рядом с мойкой я оставил список всех съестных припасов, имеющихся в наличии.

– Вот он, мамочка! – Дэнни принес два листа бумаги, густо исписанных с обеих сторон.

– Молодец, – похвалил Холлоран, взял список и слегка потрепал Дэнни по голове. – Уверен, что не хочешь поехать со мной во Флориду? Я научу тебя готовить креветки по-креольски, какие можно попробовать разве что в раю.

Дэнни приложил ладошку к губам, хихикнул и поспешил вернуться к отцу.

– Вам троим все это за год не осилить, – сказал Холлоран. – Продукты хранятся в погребе, в огромном морозильнике, во всевозможных контейнерах и в двух холодильниках. Пойдемте, я вам покажу.

Следующие десять минут Холлоран только и делал, что открывал различные крышки и дверцы, показывая съестное в таких количествах, каких Уэнди и представить себе не могла. Запасы провизии поразили ее, но не придали ожидаемой уверенности. Мысли о группе Доннера продолжали преследовать Уэнди, хотя, конечно, о каннибализме она уже и не вспоминала (потребовалось бы чудовищно долгое время, чтобы уничтожить все это изобилие и перейти на поедание друг друга). Просто она намного отчетливее осознала серьезность ситуации: поездка отсюда в Сайдуайндер из легкой часовой прогулки превратится в тяжелейшую экспедицию. Словно в страшной сказке, им предстоит сидеть в этом огромном пустом отеле, питаться оставленными для них продуктами и слушать злобные завывания ветра сквозь снежные завалы.

В Вермонте, когда Дэнни сломал руку,

(когда Джек сломал Дэнни руку)

она вызвала «скорую помощь», набрав номер, указанный на специальной карточке, прикрепленной прямо к телефонной трубке.

Медики прибыли к ним через десять минут. На той же маленькой карточке значились и другие номера. Вызови полицию, и они явятся через пять минут, а пожарные – еще быстрее, потому что дежурная часть располагалась всего в нескольких кварталах от их дома. Были номера электрика и телевизионного мастера. Но что она будет делать тут, если у Дэнни случится один из его обмороков и он, к примеру, подавится собственным языком?

(о Господи, что за мысль!)

А вдруг начнется пожар? Вдруг Джек свалится в шахту лифта и раскроит себе череп? Что, если?..

(что, если вы просто чудесно проведете здесь время? хватит уже думать о всяких ужасах, Уиннифред!)

Первым делом Холлоран завел их в необъятный морозильник высотой в человеческий рост, там у них изо рта вырывались облачка пара, как у персонажей комиксов. Здесь словно наступила настоящая зима.

Гамбургеры в больших полиэтиленовых мешках, по десять фунтов в каждом. Всего – дюжина мешков. Сорок кур на крючках, вбитых в деревянные планки, покрывавшие стены морозильника. Банки с ветчиной, сложенные столбиком, как покерные фишки, – и тоже дюжина. Под курами висели десять кусков говядины, десять кусков свинины и огромная баранья нога.

– Любишь баранину, док? – с усмешкой спросил Холлоран.

– Обожаю, – ответил тот не раздумывая. Он ни разу в жизни ее не пробовал.

– Так и знал. Нет ничего лучше пары ломтиков жареной баранины с мятным желе холодным зимним вечером. Кстати, желе тоже припасено. Говорят, баранине желудок радуется. Самое полезное мясо.

Стоявший позади них Джек вдруг с любопытством спросил:

– Откуда вы знаете, что мы зовем его док?

Холлоран повернулся:

– Прошу прощения?

– Я о Дэнни. Мы иногда называем его доком. Как в мультфильме про Багза Банни.

– Ну, он вылитый док, разве нет? – Холлоран наморщил нос, прищелкнул губами и мультяшным голосом произнес: – Эй! Что стряслось, док?

Дэнни засмеялся, а потом Холлоран сказал ему что-то

(Уверен, что не хочешь со мной во Флориду, док?)

совершенно отчетливо. Он расслышал каждое слово. И посмотрел на Холлорана изумленно, но немного испуганно. Холлоран с совершенно серьезным лицом подмигнул ему, а потом снова переключил свое внимание на продукты.

Уэнди в недоумении посмотрела на широкую спину повара в саржевом пиджаке, затем на собственного сына. У нее возникло очень странное ощущение, что между ними на мгновение возникла некая незримая связь, смысла которой она не поняла.

– Здесь двенадцать упаковок сосисок и двенадцать упаковок бекона, – продолжил Холлоран. – Со свининой все. А в этом ящике – двадцать фунтов масла.

– *Настоящего* сливочного масла? – спросил Джек.

– Наивысшего сорта.

– Уж и не припомню, когда в последний раз пробовал настоящее масло. Должно быть, еще ребенком, когда мы жили в Берлине, штат Нью-Гэмпшир.

– Что ж, здесь вы так его наедитесь, что снова заскучаете по маргарину, – со смехом ответил Холлоран. – В этом ларе лежит хлеб. Тридцать буханок белого, двадцать черного. Мы в «Оверлуке» всегда стараемся соблюдать расовый баланс, да будет вам известно. Я, конечно, понимаю, что пятидесяти буханок на весь срок не хватит, но у вас будет все необходимое, чтобы испечь свежий. А насколько свежий лучше замороженного, никому объяснять не надо... Здесь у нас хранится рыба. Лучшая пища для мозгов, верно, док?

– Это правда, мам?

– Наверное, милый, если мистер Холлоран так считает, – улыбнулась она.

Дэнни скривился.

– Мне не нравится рыба.

– А вот тут ты глубоко заблуждаешься, – сказал Холлоран. – Ты просто никогда не ел рыбу, которой нравился бы *сам*. Здешняя рыба тебя просто полюбит, вот увидишь. Пять фунтов радужной форели, шесть фунтов камбалы, пятнадцать банок консервированного тунца...

– Вот тунец мне по вкусу.

– ...и пять фунтов нежнейшего палтуса, какой когда-либо обитал в морях. Так что, мальчик мой, когда наступит весна, ты еще скажешь спасибо старому... – Он вдруг прищелкнул пальцами, словно что-то забыл. – Эй, как меня зовут-то? Совершенно вылетело из головы.

– Мистер Холлоран, – ответил ему Дэнни с довольной улыбкой. – А для друзей – просто Дик.

– Точно! И раз уж мы подружились, ты тоже можешь звать меня Диком.

Он двинулся в самый дальний угол, а Джек и Уэнди переглянулись, не припоминая, чтобы Холлоран упоминал прежде свое имя.

– А тут я припрятал кое-что особенное, – сообщил повар. – Надеюсь, вы, ребята, получите настоящее удовольствие.

– О, право, это слишком! Вам не стоило так хлопотать из-за нас, – сказала Уэнди растроганно, глядя на двадцатифунтовую индейку, обернутую алой ленточкой с бантиком.

– Ко Дню благодарения всем полагается индейка, Уэнди, – очень серьезно возразил Холлоран. – И где-то здесь еще припрятан каплун к Рождеству. Не сомневаюсь, вы его сами найдете. Но давайте-ка выбираться отсюда, пока мы все не подхватили эту... Как ее? Пьювмонию. Правильно, док?

– Правильно!

Новые чудеса ожидали их в погребе. Сотня коробок сухого молока (хотя Холлоран настойчиво советовал Уэнди покупать для мальчика

свежее в Сайдуайндере, пока будет возможность), пять двенадцатифунтовых мешков сахарного песка, галлон патоки, овсяные хлопья, банки с рисом, макаронами и спагетти, банки с фруктами и фруктовым салатом, целый бушель свежих яблок, от которых вся комната пропахла ароматом осени, изюм, чернослив и сушеные абрикосы («Разнообразное питание – залог счастья», – сообщил Холлоран, и раскаты его смеха отразились от потолка кладовки, с которого свисал на металлической цепочке единственный старомодный светильник в виде матового шара), огромная корзина с картофелем, корзинки поменьше с помидорами, луком, репой, тыквами и капустой.

– Надо вам сказать... – начала Уэнди, когда они вышли наружу, но впечатление от всего этого изобилия после жизни на тридцать долларов в неделю оказалось столь сильным, что она так и не подобрала слов, чтобы закончить фразу.

– Я уже немного опаздываю, – Холлоран взглянул на часы, – а потому предоставляю вам самим изучить, что в холодильниках и других шкафах, когда устроитесь на новом месте. Есть еще сыры, молоко в банках, в том числе сгущенное, дрожжи, пищевая сода, целый мешок пирогов к чаю, несколько гроздей бананов, которым надо дать время дозреть...

– Остановитесь, пожалуйста, – умоляюще попросила Уэнди, со смехом поднимая руки. – Мне в жизни всего не запомнить. Это просто великолепно. Даю вам слово поддерживать здесь образцовый порядок и чистоту.

– Большого я и не прошу. – Повар повернулся к Джеку. – Мистер Уллман поделился с вами мыслями насчет крыс на своем чердаке?

Джек осклабился:

– Да, он действительно волнуется по поводу чердака, а мистер Уотсон подозревает, что в подвале они тоже водятся. Я же видел там только тонны старой бумаги, но ни одного порванного листка, как бывает, когда крысы утепляют себе гнезда.

– Ох уж этот Уотсон! – сказал Холлоран, с притворным сожалением качая головой. – Вот у кого, должно быть, самый грязный язык в мире.

– Колоритный персонаж, – согласился Джек, хотя считал, что грязнее языка, чем у его собственного папаши, не было ни у кого.

– В чем-то ему можно посочувствовать, – продолжал Холлоран, подводя их к широким двустворчатым дверям, которые вели из кухни в зал ресторана. – Когда-то у его семьи водились деньги. Это ведь дед или прадед Уотсона – не упомню, кто именно – построил это заведение.

– Да, я слышал об этом, – сказал Джек.

– Что же произошло? – спросила Уэнди.

– Они попросту не потянули такое дело, – ответил Холлоран. – Уотсон готов захлеб рассказывать эту историю по три раза на дню, дай ему только волю. Похоже, для старика этот отель превратился в настоящую манию, и его засосало по самые уши. У него было два сына. Один погиб, катаясь верхом в здешних краях, когда здание только возводилось. Случилось это в тысяча девятьсот восьмом или девятом. Жену старика сгубил грипп, и остался только он сам да младший сын. В итоге обоим пришлось наняться простыми служащими в отель, который они сами и построили.

– Да уж, действительно посочувствуешь, – сказала Уэнди.

– И что же с ним случилось? Я имею в виду старика, – спросил Джек.

– Сунул по ошибке пальцы в электрическую розетку и скончался, – ответил Холлоран. – Это случилось уже в начале тридцатых, незадолго до того, как из-за Великой депрессии гостиницу пришлось на десять лет закрыть. Кстати, Джек, я хотел бы попросить, чтобы вы и ваша жена следили, не появятся ли крысы на кухне. Если заметите хотя бы одну... Используйте ловушки, но не яд.

Джек удивленно посмотрел на него.

– Само собой. Кому может прийти в голову разбрасывать в кухне крысиную отраву?

Холлоран презрительно рассмеялся.

– А хотя бы мистеру Уллману, вот кому. Именно его светлую головушку осенила эта блестящая идея прошлой осенью. Пришлось мне с ним потолковать по душам. Я ему говорю: «Представьте себе, что будет, когда мы вернемся сюда в будущем мае и устроим традиционный праздничный ужин в честь открытия сезона (к которому, кстати, всегда подаем лосося под роскошным соусом) и всем станет дурно. Приедет врач и спросит: «Что вы тут натворили, Уллман, если у вас отравились крысиным ядом восемьдесят главных толстосумов со всей Америки?»

Джек откинул голову и расхохотался.

– И что Уллман сказал на это?

Сунув язык за щеку, словно у него во рту застрял кусок пищи, повар ответил голосом Уллмана:

– Купите крысоловки, Холлоран.

Теперь рассмеялись все, включая Дэнни, который, правда, не совсем понял шутку, но сообразил, что смеются над мистером Уллманом, который все-таки сел в лужу.

Вчетвером они прошли через ресторан с его знаменитым видом на расположенные к западу заснеженные вершины гор. Сейчас здесь было пусто и тихо. Поверх каждой белой скатерти на столах лежал слой прозрачного, но плотного защитного полиэтилена. Ковер был свернут в массивный рулон, висевший в углу, подобно часовому на посту.

В противоположном конце просторного зала виднелся проем с коротенькими дверцами, как в традиционных салунах, а поверх арки было выведено архаичными золочеными буквами: «Колорадо-холл».

Проследив за взглядом Джека, Холлоран сказал:

– Если вам захочется выпить, то, надеюсь, вы догадались захватить с собой запас спиртного. Наш бар вымели дочиста. Вчера вечером устроили прощальную вечеринку для персонала, знаете ли. Так что сегодня все – от горничных до последнего коридорного – страдают похмельем, не исключая и меня самого.

– Я не пью, – отозвался Джек сдержанно.

И они вернулись в вестибюль.

За те полчаса, что они отсутствовали, он заметно опустел. Длинный главный холл начал приобретать безмолвный и пустынный вид, который, как предполагал Джек, уже скоро станет для них привычным зрелищем. В креслах с высокими спинками больше никто не сидел. Монахини, гревшиеся у камина, уехали, да и в самом камине яркий огонь превратился в уютную россыпь тлеющих углей. Уэнди бросила взгляд в сторону стоянки и увидела, что на ней осталось не более дюжины автомобилей.

И ей мучительно захотелось сесть в «фольксваген» и вернуться в Боулдер... или просто отправиться куда глаза глядят.

Джек озираясь в поисках Уллмана, но того поблизости не было.

К ним подошла молодая горничная с пепельно-русыми волосами, собранными в пучок.

– Ваш багаж уже вынесли на террасу, Дик, – сказала она.

– Спасибо, Салли. – И он чмокнул девушку в лоб. – Хорошей тебе зимы. Слышал, ты выходишь замуж.

Когда горничная удалилась, привычно покачивая бедрами, Холлоран повернулся к Торрансам:

– Мне уже нужно поспешить, если я не хочу опоздать на самолет. Желаю вам, чтобы все сложилось удачно. Впрочем, уверен, так и будет.

– Спасибо, – отозвался Джек. – Вы были к нам очень добры.

– Я хорошенько позабочусь о вашей кухне, – еще раз пообещала Уэнди. – Наслаждайтесь Флоридой.

– За этим дело не станет, – заверил ее Холлоран. Потом он уперся руками в колени и склонился к Дэнни. – У тебя еще есть шанс, парень. Хочешь со мной во Флориду?

– Нет, спасибо, – ответил Дэнни с улыбкой.

– Ладно. Тогда поможешь донести мои сумки до машины?

– Конечно, если мама разрешит.

– Разумеется, – сказала Уэнди, – но только нужно застегнуть пуговицы на курточке.

Она шагнула к сыну, однако Холлоран оказался быстрее: его большие темные пальцы справлялись с пуговицами ловко и проворно.

– Я скоро верну его вам, – сказал он.

– Хорошо, – ответила Уэнди и проводила их до дверей.

Джек все еще высматривал Уллмана. У стойки регистрации улаживал свои дела последний постоялец отеля «Оверлук».

Глава 11

Сияние

Четыре чемодана стояли прямо за дверями. Точнее, только три из них действительно были чемоданами, огромными, потертыми, сделанными из искусственной кожи «под аллигатора». Четвертой оказалась крупная дорожная сумка из выцветшей шотландки.

– Как думаешь, справишься с ней? – спросил Холлоран. Сам он ухватил два чемодана одной рукой, а третий зажал под мышкой.

– А то! – ответил Дэнни и, взявшись за ручку обеими руками, начал спускаться вслед за поваром по ступеням террасы, мужественно стараясь не кряхтеть и вообще ничем не показать, что ему тяжело.

С тех пор как они приехали, на улице успел подняться порывистый, колючий ветер; он завывал на стоянке, заставляя Дэнни щуриться, пока он тащил сумку, которая била его по коленкам при каждом шаге. Несколько облетевших осиновых листьев с шуршанием перекатывались по пустому асфальту парковки, и Дэнни на мгновение вспомнил ту ночь на прошлой неделе, когда он очнулся от кошмарного сна и услышал – или по крайней мере подумал, что слышит, – как Тони просит его не ездить сюда.

Холлоран поставил чемоданы рядом с багажником бежевого «плимута-фьюри».

– Автомобиль так себе, – доверительно сообщил он Дэнни. – Взял его напрокат. Зато дома меня ждет моя Бесси. Вот это автомобиль! «Кадиллак» пятидесятого года выпуска. Какой у нее плавный ход! Ты себе даже не представляешь. Я ею очень дорожу. Потому и держу ее во Флориде – она уже старовата для всех этих горных подъемов. Тебе помочь с сумкой?

– Не надо, сэр, – ответил Дэнни. Он сумел проделать последние шаги, не издав ни стона, но вздохнул с большим облегчением, когда

наконец опустил сумку.

– Вот молодец! – снова похвалил его Холлоран.

Затем он достал из кармана своего синего саржевого пиджака ключи на большом кольце и отпер багажник. Укладывая туда чемоданы, повар сказал:

– Ты сильно сияешь, малыш. Мощнее, чем кто-либо, кого я встречал в жизни. А ведь мне в январе стукнет шестьдесят.

– Что?

– Ты наделен особым даром, – объяснил Холлоран, поворачиваясь к нему. – Лично я всегда называл это сиянием. Еще моя бабушка пользовалась этим словом. Потому что тоже обладала такой способностью. Когда я был мальчишкой не старше, чем ты сейчас, мы частенько сиживали с ней на кухне и вели долгие беседы, вообще не раскрывая ртов.

– В самом деле?

Холлоран даже улыбнулся, увидев отразившееся на лице Дэнни жадное любопытство, и предложил:

– Полезай ко мне в машину и посиди со мной немного. Хочу с тобой потолковать.

Он захлопнул крышку багажника.

Из вестибюля отеля «Оверлук» Уэнди Торранс видела, как ее сын сел на пассажирское сиденье машины Холлорана, а сам огромный чернокожий повар скользнул за руль. Охваченная внезапным страхом, она уже открыла рот, чтобы сообщить Джеку, что Холлоран всерьез собрался забрать Дэнни с собой во Флориду – ведь похищение происходило прямо у нее на глазах. Но потом поняла, что они просто сидят рядом. Ей с трудом удавалось разглядеть голову сына, который повернулся к Холлорану. Но даже издали выражение его лица показалось ей знакомым. С таким лицом Дэнни смотрел на экран телевизора, когда показывали что-то необычайно интересное, а еще играл с отцом в старую деву или подкидного дурака. Джек, которому важнее всего было увидеться с Уллманом, ничего не замечал. И Уэнди промолчала, с тревогой наблюдая за

машиной Холлорана и гадая, о чем таком интересном они могли разговаривать.

Между тем Холлоран спросил:

– Должно быть, чувствуешь себя чуток одиноко, думая, что ты такой один?

Дэнни, который порой испытывал не только одиночество, но и страх, кивнул.

– Но я ведь не единственный, кого вы встречали? – спросил он.

Холлоран со смехом ответил:

– Конечно же, нет, дитя мое. Далеко не единственный. Но сияешь ты ярче всех.

– Значит, таких много?

– Вовсе нет, – сказал Холлоран, – но время от времени попадаются. В большинстве случаев в людях присутствует лишь едва уловимое сияние. Они сами не подозревают о нем. Такие люди, как правило, приходят домой с цветами, когда на их жен нападает ежемесячная тоска, в школе легко справляются с контрольными работами, к которым и не думали готовиться, и хорошо улавливают настроение собравшихся, стоит им войти в комнату. Таких мне попало пятьдесят или шестьдесят. Но не больше дюжины человек, включая мою бабулю, *знали*, что сияют.

– Ух ты! – сказал Дэнни и на какое-то время задумался. Потом спросил: – Вы знаете миссис Брент?

– Ее-то? – В голосе Холлорана промелькнула презрительная нотка. – Знаю. Но она не сияет. Только и может, что возвращать каждый ужин на кухню по три раза.

– Я и не думал, что она сияет, – серьезно ответил Дэнни. – А еще... вы знакомы с мужчиной в серой форме, который подает к подъезду машины?

– С Майком? Конечно, я хорошо знаю Майка. А что с ним такое?

– Ничего. Просто скажите, мистер Холлоран, зачем миссис Брент могли понадобиться его брюки?

– О чем это ты, приятель?

– Понимаете, когда она смотрела на него, то думала, что не против залезть к нему в брюки. И мне стало интересно, почему...

Но закончить ему не удалось. Холлоран откинул голову и разразился смехом, который вырывался из глубин его широкой груди и напоминал раскаты грома. Сиденье заходило под ним ходуном. Дэнни смущенно и недоуменно улыбался, дожидаясь, пока эта буря веселья затихнет. Отсмеявшись, Холлоран достал из нагрудного кармана белый шелковый носовой платок, словно флаг для капитуляции, и промокнул выступившие на глазах слезы.

– Милый мальчик, – сказал он, все еще посмеиваясь, – такими темпами ты уже к десяти годам постигнешь все тайны человеческой природы. Но даже не знаю, завидовать тебе или нет.

– Но миссис Брент...

– Забудь о ней, – перебил его повар. – И к маме не лезь с расспросами. Ты ее только расстроишь. Понимаешь, что я имею в виду?

– Да, сэр.

Он понимал это очень хорошо. Ему уже не раз случалось расстраивать маму подобным образом.

– Миссис Брент – просто мерзкая старуха с грязными мыслями и зудом в одном месте, вот и все, – сказал Холлоран, а потом пристально посмотрел на Дэнни. – Как сильно ты можешь ударить, док?

– Что?

– Врежь мне как следует. Направь мысленное усилие в мою сторону. Хочу убедиться, что не ошибся в своих предположениях.

– О чем мне думать?

– О чем угодно. Только думай *по-настоящему* сильно.

– Ладно, – сказал Дэнни.

Он на мгновение задумался, а потом сконцентрировал все свое внимание на Холлоране. Ему никогда не приходилось делать ничего подобного, и потому в самый последний момент какой-то внутренний инстинкт отчасти блокировал мощь его мысли – ведь он

не хотел причинить мистеру Холлорану вред. Тем не менее Дэнни все равно ощутил, как мысль стрелой вылетела из его сознания с силой, показавшейся ему самому невероятной. Словно подача Нолана Райана, только еще сильнее.

(Эй, надеюсь, я не ранил его)

А мысль была:

(!!!ПРИВЕТ, ДИК!!!)

Холлоран скорчился от боли и дернулся назад. Его зубы громко клацнули, прикусив нижнюю губу, из которой потекла тонкая струйка крови. Руки взлетели от бедер к груди и упали вниз. Веки затрепетали. Дэнни стало страшно.

– Мистер Холлоран? Дик? С вами все хорошо?

– Я не знаю, – ответил тот со слабым смешком. – В том-то и дело, что я не знаю. Бог ты мой, мальчик! Да ты как из пистолета пальнул!

– Простите меня! – Дэнни встревожился еще больше. – Мне позвать папу? Я сбегая и быстро приведу его.

– Не надо. Я уже почти в норме. Все в порядке, Дэнни. Просто посиди еще немного со мной. Мне чуть-чуть не по себе, но это скоро пройдет.

– Я мог и сильнее, но не решился, – признался Дэнни. – Перепугался в последний момент.

– Вероятно, к счастью для меня. А то у меня мозги бы из ушей полезли. – Холлоран заметил, что его слова снова напугали Дэнни, и поспешил добавить: – Но ты не причинил мне никакого вреда. Расскажи лучше, что ощутил ты сам? Какое испытал чувство?

– Словно я – Нолан Райан и выполняю силовую подачу, – моментально ответил Дэнни.

– Ты любишь бейсбол, как я погляжу? – Холлоран энергично растирал себе виски.

– Мы с папой болеем за «Эйнджелз», – сказал Дэнни. – За «Ред сокс» в Восточной лиге и за «Эйнджелз» в Западной. Даже ходили на матч, когда «Ред сокс» играли против «Цинциннати» во Всемирной серии. Я был тогда гораздо младше. А папа... Папа...

Лицо Дэнни омрачилось и стало тревожным.

– Что было с папой, Дэн?

– Забыл, – ответил Дэнни. Потянул было большой палец ко рту, чтобы начать сосать его, но так вели себя только совсем маленькие дети. И он положил руку на колено.

– Ты разбираешься, о чем думают твои мама с папой, Дэнни? – Холлоран пристально смотрел на него.

– Почти всегда, если мне хочется. Но обычно я даже не пытаюсь.

– Почему же?

– Потому что... – Он помолчал, явно испытывая неловкость. – Потому что это все равно что подглядывать за ними в спальне, когда они занимаются тем делом, от которого появляются дети. Вы же знаете, о чем я?

– Да, я имею об этом некоторое представление, – сказал Холлоран без тени иронии.

– Им бы это не понравилось. И им бы не понравилось, если бы я все время рылся в их мыслях. Это было бы некрасиво.

– Ясно.

– Но я понимаю, что они чувствуют, – продолжал Дэнни. – Здесь уж ничего не поделаешь. И я знаю, что сейчас чувствуете вы. Я причинил вам боль. Простите.

– Это обычная головная боль. У меня бывали похмелья и похлеще. А тебе легко читать мысли других людей?

– Я пока вообще не умею читать, – ответил Дэнни. – Знаю только несколько слов. Но папа меня научит этой зимой. Ведь папа раньше обучал детей читать и писать в одной большой школе. В основном писать. Но и читать он тоже может научить.

– Я скорее имел в виду то, как ты улавливаешь чужие мысли.

Дэнни задумался.

– У меня получается, если это *громко*, – наконец сказал он. – Как с миссис Брент и брюками. Или как случилось, когда мы с мамой однажды поехали в магазин купить мне ботинки. Там был большой мальчик, который рассматривал радиоприемники и хотел взять один

так, чтобы не покупать его. Потом он подумал: а вдруг меня поймают? А потом подумал: но я же очень хочу такое радио. Но потом снова стал думать, что будет, если его поймают. Он довел себя до тошноты этими мыслями, и мне тоже стало тошно. Мама как раз разговаривала с продавцом обуви, а я подошел и сказал: «Послушай, парень, не трогай радио. Лучше просто уходи». Он сильно испугался. Убежал оттуда как ошпаренный.

– Не сомневаюсь, – отозвался Холлоран с широкой улыбкой. – А что еще ты можешь, Дэнни? Только разбирать мысли и чувства? Или что-то еще?

– А вы? – осторожно поинтересовался Дэнни.

– Иногда, – ответил Холлоран, – не очень часто, но иногда... Я вижу сны. Тебе снятся сны, Дэнни?

– Да, бывает, я вижу сны, даже если не сплю, – сказал Дэнни. – Когда приходит Тони.

Большой палец снова так и просился в рот. О Тони он прежде не рассказывал никому, кроме мамы с папой. Дэнни опять пришлось приструнить свою руку.

– Кто такой Тони?

И тут Дэнни посетило одно из тех внезапных озарений, что всегда пугали его до полусмерти. Будто он видел огромную и непонятную машину, которая могла быть безвредной, а могла таить в себе ужасную опасность. Он был слишком мал, чтобы разобраться. Слишком мал, чтобы понять.

– Что-то не так? – воскликнул он. – Вы ведь расспрашиваете меня потому, что беспокоитесь, верно? Почему вы тревожитесь за меня? Почему тревожитесь *за нас всех*?

Холлоран положил свою большую темную ладонь на худенькое плечо мальчика.

– Перестань, – сказал он. – Вероятно, здесь ничего нет. Но если и есть... Что ж, на то и нужен твой дар, Дэнни. Это очень редкий дар. Я знаю, тебе еще расти и расти, прежде чем ты полностью им овладеешь. И нужно быть очень храбрым, чтобы справиться с ним.

– Но я *не понимаю* многих вещей! – взорвался Дэнни. – Я вроде бы все *понимаю*, но *не понимаю* ничего! Люди... Они испытывают чувства, и я воспринимаю их. Но не знаю, что при этом чувствую сам! – Он с глубоко несчастным видом понурился. – Жаль, я не умею читать. Иногда Тони показывает мне знаки, но я с трудом разбираю лишь немногие.

– Кто такой Тони? – снова спросил Холлоран.

– Мама и папа называют его моим «невидимым дружкой», – ответил Дэнни, старательно повторяя слова родителей. – Но он настоящий. По крайней мере для меня. Иногда, если я действительно очень стараюсь что-то понять, он ко мне приходит. И говорит: «Я хочу тебе что-то показать, Дэнни». Тогда я вроде как отключаюсь. Получается... это все сны, как вы и сказали.

Он посмотрел на Холлорана и тяжело сглотнул.

– Только прежде это были хорошие сны. Но теперь... Я забыл, как называются сны, от которых пугаешься и потом плачешь.

– Кошмары, – подсказал Холлоран.

– Да, правильно. Кошмары.

– Об этом месте? Об «Оверлуке»?

Дэнни снова посмотрел на палец, который любил сосать.

– Да, – прошептал он. А потом заговорил взволнованно, глядя Холлорану прямо в глаза: – Но я не могу рассказать об этом папе, и вы тоже не рассказывайте! Ему нужна эта работа, потому что только ее дядя Эл смог для него найти. Он должен закончить свою пьесу или снова начнет заниматься Скверным Делом. А я знаю, что это такое. Это когда *напиваешься пьяным*, вот что! Раньше он был *пьяным* почти всегда, а значит – занимался Скверным Делом!

Дэнни замолк, с трудом сдерживая слезы.

– Ну-ну... – Холлоран прижал лицо мальчика к грубоватой ткани своего пиджака, от которого слабо пахло нафталином. – Все будет хорошо, сынок. И если тому пальцу так нравится у тебя во рту, пусть его наконец туда.

Однако он казался встревоженным.

– То, что я называю сиянием, – сказал повар, – в Библии называют видениями, а некоторые ученые окрестили это прекогницией. Я много читал об этом, сынок. Можно сказать, изучил вопрос. Дело так или иначе сводится к предвидению будущего. Это тебе понятно?

Дэнни кивнул, не отрываясь от пиджака Холлорана.

– Помню самое сильное сияние, которое случилось со мной... Мне не забыть его никогда. Дело было в пятьдесят пятом. Я тогда еще служил в армии, и меня послали за океан в Западную Германию. За час до ужина стою я рядом с баком и устраиваю страшный нагоняй одному рядовому за то, что он вместе с очистками снимает чуть не половину картофелины. Говорю: «Дай я тебе покажу, как это делается». Он протягивает мне картошку и нож, и вдруг кухня куда-то исчезает. Бах, и нет ее. Ты говоришь, что видишь этого Тони перед тем... Перед тем как начинается сон?

Дэнни снова кивнул.

Холлоран обнял его за плечо.

– А я всегда чую запах апельсинов. В тот день ими пахло повсюду, но я не придавал этому значения, потому что они у нас были в меню на ужин. Нам доставили тридцать ящиков из Валенсии. Вся кухня провоняла проклятыми апельсинами.

С минуту у меня было чувство, что я потерял сознание. А потом услышал оглушительный взрыв и увидел пламя. Люди громко кричали. Завывали сирены. И еще был шипящий звук, какой издает только пар. Затем, как мне показалось, я приблизился и увидел пассажирский вагон, сошедший с рельсов и лежавший на боку. А на нем надпись: «Железнодорожная компания Джорджии и Южной Каролины». Тут как вспышка молнии у меня в голове: мой брат Карл ехал тем поездом, он потерпел крушение, и брат погиб. Вот так – в одно мгновение. А потом все вернулось, и я увидел перед собой прежнего недоноска с ножом и картофелиной в руках. Он спрашивает: «С вами все в порядке, сержант?» А я говорю: «Нет. Мой брат только что погиб в Джорджии». Позже я дозвонился до мамы, и

она рассказала, как оно случилось. Но ты же понимаешь, малыш, что я уже сам знал, как все произошло.

Он медленно помотал черной кудрявой головой, словно хотел избавиться от воспоминания, и посмотрел на Дэнни сверху вниз.

– Есть кое-что, о чем тебе следует помнить, мальчик мой. Это очень и очень важно. *Такие видения не всегда становятся явью.* Помню, четыре года назад мне предложили поработать поваром в летнем лагере для мальчиков-скаутов на Длинном озере в штате Мэн. Так вот, сижу я в бостонском аэропорту Логан, жду посадки в самолет, как вдруг чувствую запах апельсинов. Ни с того ни с сего. В первый раз, должно быть, лет за пять. И я сказал себе: «Боже правый! Что же за катавасия меня ожидает?» – а потом отправился в туалет и заперся в кабинке, чтобы наедине все обдумать. Сознания я не терял, но во мне нарастало и нарастало предчувствие, что мой самолет непременно грохнется. А потом предчувствие так же внезапно растаяло, запах апельсинов рассеялся, и я понял, что все кончилось. Но я все же направился к стойке компании «Дельта» и поменял билет на рейс, вылетающий на три часа позже. И знаешь, что произошло?

– Что? – напряженным шепотом спросил Дэнни.

– *Ничегошеньки!* – ответил Холлоран со смехом. И к своему облегчению, заметил, что мальчик тоже улыбнулся. – Ничего не случилось. Тот первый самолет приземлился точно по расписанию и без всяких приключений. Так что, сам видишь, порой эти предзнаменования оказываются ложной тревогой.

– Вот как, – протянул Дэнни.

– Или возьми, к примеру, бега. Я часто там бываю и нередко выигрываю. Встаю у ограды, когда наездники выводят лошадей к старту, и порой сияние подсказывает мне кое-что об одной из лошадок. Это мне и помогает. Все собираюсь однажды поставить крупную сумму в трайфekte^[9], а потом досрочно уйти на покой. Но пока побаиваюсь, потому что частенько возвращаюсь с ипподрома домой не на такси, а на своих двоих и в бумажнике у меня пусто.

Никому не под силу сиять каждый раз. Разве только Господу Богу на небесах.

– Это точно, сэр, – согласился Дэнни. Ему самому вспомнилось, как почти год назад Тони показал ему новорожденного младенца в колыбельке у них дома в Стовингтоне. Дэнни это страшно взволновало, и он ждал с нетерпением, зная, что на это требуется время, но ни братика, ни сестрички у него так и не появилось.

– А теперь слушай меня внимательно. – Холлоран взял обе руки Дэнни в свои. – Мне снились здесь очень плохие сны, и порой меня одолевали дурные предчувствия. Я проработал в отеле два полных сезона и за это время, наверное, с дюжину раз видел... кошмары. А еще мне иногда казалось, что я вижу страшные вещи. И не проси, все равно не скажу, что именно. Это не для такого малыша, как ты. Действительно отвратительные штуки. Однажды видение было связано с теми чертовыми кустами, подстриженными под зверей. И еще тот случай с горничной по имени Делорес Викери. Она немного сияла, но едва ли догадывалась об этом. Ей кое-что привиделось, и мистер Уллман уволил ее... Ты знаешь, что такое увольнение, док?

– Да, сэр, – простодушно признался Дэнни. – Моего папу уволили из учителей, и потому, наверное, нам пришлось переехать всей семьей в Колорадо.

– Так вот, Уллман выгнал ее с работы, когда горничная сообщила, что видела кое-что в одном из номеров, где... Короче, там, где прежде случилось нечто очень плохое. Это номер двести семнадцать, и я хочу, чтобы ты мне пообещал, Дэнни, что не будешь в него заходить. Ни разу за всю зиму. Держись от него подальше. Обещаешь?

– Обещаю, сэр, – сказал Дэнни. – А та женщина... Та... горничная. Она не попросила вас сходить и посмотреть?

– Попросила. И там действительно было страшно. Но при этом... Я не думаю, что та жуткая штука могла причинить кому-либо *вред*, Дэнни. Мне хочется втолковать тебе это. Понимаешь, люди, наделенные даром сияния, иногда могут видеть то, что должно

произойти, и, как я думаю, они также порой видят уже *произошедшее*. Но все это как картинки в книжке. Ты когда-нибудь видел в книжке картинку, которая бы тебя напугала, Дэнни?

– Видел, конечно, – ответил он, вспомнив Синюю Бороду и картинку, на которой его новая жена открывает дверь и видит все те головы.

– Но ты ведь понимал, что она никак не может навредить тебе самому, верно же?

– Д-да... – с сомнением сказал Дэнни.

– Ну вот. То же самое и с этим отелем. Понятия не имею почему, но от всего плохого, что здесь случилось, остались мелкие следы, как бывает, когда какой-нибудь невоспитанный тип стрижет ногти и ковыряет в носу, а потом замечает обрезки и козявки под кресло, на котором сидел. Скажу снова: не знаю, почему такое происходит именно здесь. Что-то плохое случается, как мне кажется, почти в любой гостинице мира, и я работал в нескольких, но нигде никаких проблем не возникало. Только в «Оверлуке». Но, Дэнни, я не думаю, что от этого кто-то может пострадать. – Каждое слово последней фразы он сопровождал мягким пожатием плеча мальчика. – А потому, если ты что-то такое заметишь, например, в коридоре, или в комнате, или снаружи у тех кустов... Просто отвернись, а когда посмотришь снова, ничего уже не будет. Понимаешь, что я тебе говорю?

– Да, – ответил Дэнни. Он почувствовал себя намного лучше, спокойнее. Встав на колени, он поцеловал Холлорана в щеку и крепко обнял его. Холлоран в ответ ласково прижал мальчика к себе.

Затем отпустил его и спросил:

– Твои родители... Они ведь не сияют, верно?

– Нет, я так не думаю.

– Я попытался их испытать, как и тебя, – сказал Холлоран. – Твоя мама чуть вздрогнула, но самую малость. Впрочем, должно быть, каждая мать немного сияет, пока ее дети не станут достаточно

взрослыми, чтобы за них не надо было постоянно волноваться. А вот твой папа...

Холлоран ненадолго замолк. Он подверг отца Дэнни тесту и теперь не знал, что и думать. Это оказалось не то же самое, что встретить человека, который излучал сияние или же, напротив, был полностью его лишен. Пытаясь разобраться в сущности отца Дэнни, он испытывал... странное ощущение, словно в Джеке Торрансе присутствовало что-то... нечто, что он скрывал. Или же держал глубоко внутри своего естества, куда невозможно проникнуть.

– Мне показалось, что твой папа не обладает даром сияния вообще, – закончил Холлоран. – Так что по их поводу можешь не беспокоиться. Позаботься только о себе самом. *Не думаю, что здесь есть хоть что-нибудь действительно опасное для тебя.* А потому ничего не бойся, хорошо?

– Хорошо.

– Дэнни! Эй, док!

Дэнни обернулся на голос.

– Это мама меня зовет. Мне надо идти.

– Конечно, иди, – сказал Холлоран. – Желаю тебе хорошо провести здесь время. По крайней мере постарайся.

– Непременно. И спасибо вам, мистер Холлоран. Мне теперь намного легче.

Улыбчивая мысль всплыла у него в голове:

(Для друзей – просто Дик)

(Да, Дик, спасибо)

Их взгляды встретились, и Дик Холлоран подмигнул.

Дэнни перебрался на другую сторону сиденья и открыл дверцу машины. Когда он вылезал из салона, Холлоран снова окликнул его:

– Дэнни!

– Что?

– Если *возникнут* непредвиденные проблемы... позови меня. Ударь так же громко и мощно, как ты это сделал несколько минут

назад. И я скорее всего услышу тебя даже во Флориде. А как только услышу, примчусь без промедления.

– О'кей, – кивнул Дэнни с улыбкой.

– Береги себя, силач!

– До свидания.

Дэнни захлопнул дверь и побежал через стоянку к террасе, где его ждала Уэнди, обхватив себя от холода руками. Холлоран смотрел ему вслед, и его улыбка постепенно тускнела.

Не думаю, что здесь есть хоть что-нибудь действительно опасное для тебя.

Не думаю...

Но что, если он ошибся? Он ведь знал, что это будет его последний сезон в «Оверлуке», с того момента, когда увидел ту жуть в ванне номера 217. Это было гораздо хуже самой страшной картинки в самой страшной книге. А мальчик, бежавший сейчас к своей маме, казался таким крохотным...

Не думаю...

Потом его взгляд уперся в животных-кусты.

Он поспешно завел мотор, включил передачу и поехал прочь, изо всех сил стараясь больше не оглядываться. Но разумеется, оглянулся и увидел лишь опустевшую террасу. Они уже вошли в здание. «Оверлук» словно поглотил их.

Глава 12

Большая экскурсия

– О чем вы разговаривали, милый? – спросила Уэнди, когда они вернулись в вестибюль.

– Да так, ни о чем особенном.

– Вы говорили ни о чем особенном весьма долго.

Дэнни лишь пожал плечами, и Уэнди увидела, насколько он похож на отца. Самому Джеку этот небрежный жест не удался бы лучше. Больше она от Дэнни ничего не добьется. На Уэнди нахлынуло раздражение, смешанное с любовью: любовь была беспомощной, а источником раздражения служило чувство, будто ее намеренно исключают из круга посвященных. Когда отец и сын были вместе, она порой становилась для них как будто чужой, как статист из массовки, случайно забредший на сцену в разгар диалога двух главных героев. Что ж, этой зимой им будет трудноато держаться от нее в стороне – двум чересчур самостоятельным и самонадеянным мужчинам. У них попросту окажется слишком мало пространства для этого. Уэнди вдруг поймала себя на том, что ревнует сына к мужу из-за их близости, и устыдилась. Это чувство напомнило ей о собственной матери... Отчетливо напомнило.

В вестибюле почти никого не осталось, кроме Уллмана, старшего клерка (они стояли рядом с кассой, подсчитывая выручку), пары горничных, переодевшихся в теплые брюки и свитера и расположившихся со своим багажом у входа, да Уотсона – главного механика отеля. Перехватив взгляд Уэнди, он подмигнул ей, причем весьма развязно. Она поспешно отвела глаза. Джек стоял у окна неподалеку от двери ресторана и осматривал окрестности. Вид у него был сосредоточенный и задумчивый.

Баланс, по всей видимости, сошелся, потому что Уллман хозяйски властным жестом задвинул ящик кассового аппарата.

Подписал чековую ленту и убрал ее в небольшую папку на молнии. Уэнди мысленно поаплодировала клерку, который откровенно испытывал невыразимое облегчение. Уллман выглядел человеком, способным за малейшую недостачу содрать с сотрудника три шкуры, не пролив при этом ни капли крови. У Уэнди не вызывал симпатии ни сам Уллман, ни его претенциозные, нарочито деловитые манеры. Он воплощал в себе типичного начальника. Такой босс приторно сладок с клиентами, а за кулисами изводит подчиненных мелочными тиранскими придирками. Но сейчас «учебный год» закончился, и кассир искренне радовался. Наступила пора расслабиться для всех, кроме нее самой, Джека и Дэнни.

– Мистер Торранс, – бесцеремонно окликнул Уллман Джека. – Прошу вас, подойдите сюда, будьте любезны.

Джек направился к нему, кивком позвав Уэнди и Дэнни.

Старший клерк, ненадолго скрывшийся в глубинах офиса, появился снова, уже в пальто.

– Хорошей вам зимы, мистер Уллман.

– Сомневаюсь, что она будет хорошей, – отозвался Уллман равнодушно. – Двенадцатого мая, Брэддок. Ни днем раньше, ни днем позже.

– Понял вас, сэр.

Брэддок обогнул стойку с приличествовавшим его должности серьезным и величавым выражением на лице, но стоило ему оказаться спиной к Уллману, расплылся в шкодливой улыбке, как школьник. Потом он коротко переговорил с двумя девушками, все еще ожидавшими у дверей, и вышел из отеля, провожаемый приглушенными смешками.

Только сейчас Уэнди обратила внимание на воцарившуюся в отеле тишину. Она накрыла его, подобно плотному покрывалу, заглушавшему все звуки, кроме доносившихся снаружи порывов ветра. С того места, где стояла Уэнди, ей были видны два кабинета позади стойки, начисто вылизанные, с пустыми рабочими столами и запертыми шкафами для бумаг. А дальше можно было разглядеть

безупречный порядок кухни Холлорана, поскольку ведущие в нее двери оставили открытыми, подперев резиновыми клиньями.

– Я подумал, что могу потратить несколько лишних минут, чтобы провести вас по Отелю, – сказал Уллман, и Уэнди отметила, что в его устах это слово звучало так, словно он произносил его с заглавной буквы. Причем делал это намеренно. – Уверен, миссис Торранс, что ваш супруг скоро будет знать все углы, входы и выходы «Оверлука» как свои пять пальцев, но вы сами и ваш сын, я полагаю, ограничите перемещения в основном первым этажом и квартирой, отведенной для вас на втором.

– Несомненно, – покорно ответила Уэнди, и Джек исподтишка бросил на нее выразительный взгляд.

– У нас очень красиво, – продолжил Уллман, заметно оживившись, – и я неизменно получаю удовольствие, имея возможность продемонстрировать это.

Что правда, то правда, подумала Уэнди.

– Давайте поднимемся на четвертый этаж, а потом станем постепенно спускаться, – предложил Уллман, теперь уже переполненный энтузиазмом.

– Хорошо, если только мы вас не отвлекаем... – начал Джек.

– Ни в коем случае, – прервал его Уллман. – Заведение полностью закрыто. *Tout fini*, по крайней мере на этот сезон. И сегодня вечером я планировал остановиться в Боулдере. Само собой, в «Боулдерадо» – единственном приличном отеле по эту сторону Денвера... Не считая, разумеется, «Оверлука». Прошу следовать за мной.

Все вместе они вошли в лифт. Изнутри он был изящно отделан медью и бронзой, но заметно просел под весом четырех человек. Управляющий закрыл внешние створки дверей. Дэнни чуть беспокойно поежился, и Уллман одарил его ободряющей улыбкой. Мальчик попытался улыбнуться в ответ, но у него не получилось.

– Не волнуйся, малыш, – сказал Уллман. – Этот лифт – сама надежность. Безопаснее не бывает.

– То же самое говорили о «Титанике», – заметил Джек, разглядывая полусферу из граненого стекла в потолке лифта. Уэнди пришлось прикусить щеку, чтобы не рассмеяться.

Но Уллман ничуть не смутился. Он со стуком свел внутренние створки.

– Спешу напомнить, мистер Торранс, что «Титаник» совершил только один рейс. А этот лифт с тех пор, как его смонтировали в тысяча девятьсот двадцать шестом году, поднялся и опустился десятки тысяч раз.

– Это вселяет оптимизм, – сказал Джек и, взъерошив Дэнни волосы, добавил: – Крушения не предвидится, док.

Уллман передвинул рычаг управления, но какое-то время ничего не происходило – только мелко задрожал под ногами пол, а снизу донеслось надрывное завывание мотора. Уэнди на мгновение представила, как они вчетвером застрянут между этажами, подобно мухам в бутылке, а весной найдут их тела... у которых будет не хватать отдельных частей... Как в группе Доннера...

(Прекрати немедленно!)

Лифт начал подъем, сначала вибрируя и постукивая, однако затем движение стало более плавным. На четвертом этаже Уллман остановил лифт с резким толчком, распахнул внутренние створки и открыл дверь. Кабина располагалась на несколько дюймов ниже уровня пола. Дэнни смотрел на образовавшуюся ступеньку между коридором четвертого этажа и полом лифта с таким видом, словно во Вселенной царил далеко не тот порядок, который был ему обещан. Уллман откашлялся, снова привел лифт в движение и немного поднял кабину (хотя все равно не дотянул пары дюймов), и они поспешили выйти наружу. Освободившись от веса, лифт практически полностью выровнялся, но Уэнди это несколько не успокоило. Воплощенная безопасность? Говорите что угодно, но она сразу же решила пользоваться только лестницей. И ни при каких условиях не допустит, чтобы они втроем снова вошли внутрь этой ветхой конструкции одновременно.

– На что ты так пристально смотришь, док? – насмешливо спросил Джек. – Неужели заметил пятна?

– Разумеется, нет, – вмешался уязвленный Уллман. – Здесь все тщательно отмыли с шампунем всего два дня назад.

Уэнди тоже пригляделась к устилавшей коридор ковровой дорожке. Миленькая, но определенно не такая, какую она выбрала бы для собственного дома, если он у нее вообще когда-нибудь будет. Темно-синий ворс, замысловатый черный узор, напоминавший джунгли, с лианами и раскидистыми тропическими деревьями, ветви которых усыпали экзотические птицы. Определить, что это за птицы, не представлялось возможным, поскольку различимы были лишь силуэты.

– Тебе нравится ковер? – спросила она Дэнни.

– Да, мамочка, – ответил он невыразительным голосом.

И они двинулись по широкому коридору. Его стены были обклеены шелковыми обоями в тон ковру, но гораздо более светлого оттенка. Через каждые десять футов, на высоте примерно семи футов от пола, висели электрические бра, стилизованные под старые лондонские газовые фонари: лампочки прикрыты кремово-матовыми плафонами, скрепленными перекрещивающимися металлическими струнами.

– Вот это сделано с большим вкусом, – заметила Уэнди.

Уллман кивнул, явно довольный.

– Сам мистер Дервент распорядился установить такие светильники по всему Отелю после войны... После второй, разумеется. И вообще почти весь замысел отделки помещений четвертого этажа принадлежал лично ему. А вот и номер триста – президентский люкс.

Он повернул ключ в замке двустворчатых дверей из красного дерева и настежь распахнул их. Вид из выходявшего на запад окна гостиной заставил Торрансов ахнуть от восторга, на что, видимо, и рассчитывал Уллман, который спросил с широкой улыбкой:

– Впечатляет, правда?

– Еще как! – отозвался Джек.

Окно протянулось почти во всю длину комнаты, и сейчас в него можно было видеть солнце, сиявшее точно посередине между двумя зазубренными пиками и бросавшее золотистый свет на склоны гор и на сахарно-снежные шапки, венчавшие вершины. Края облаков по краям и в глубине этого похожего на почтовую открытку пейзажа тоже отливали солнечной позолотой, а один из лучей бил прямо вниз, в темноту густых зарослей елей.

Джек и Уэнди были настолько поглощены открывшимся зрелищем, что не обращали внимания на Дэнни, который во все глаза смотрел не на красоты за окном, а левее – на шелковые обои в красно-белую полоску в том месте, где находилась дверь в спальню. И возглас, который он издал вместе со всеми, был вызван отнюдь не восхищением.

Обои покрывали крупные пятна запекшейся крови с вкраплениями каких-то серовато-белых комочков. Дэнни почувствовал приступ тошноты. Это было похоже на безумную картину, написанную кровью, сюрреалистическое изображение человеческой головы, откинутой назад, со ртом, распахнутым в крике боли и ужаса, причем половина черепа отсутствовала...

(А потому, если ты что-то такое заметишь... Просто отвернись, а когда посмотришь еще раз, ничего уже не будет. Понимаешь, что я тебе говорю?)

Он намеренно перевел взгляд в сторону окна, стараясь, чтобы на его лице ничего не отразилось, и когда мама взяла его за руку, ему хватило сообразительности не вцепиться в ее ладонь, не сжать, словом, не подать ей никакого сигнала тревоги.

Между тем управляющий говорил папе о том, что такое огромное окно непременно следует прикрыть ставнями на зиму, чтобы сильный ветер не повредил его. Джек только кивал в ответ. Тогда Дэнни украдкой снова посмотрел на стену. Кровавые пятна пропали, а вместе с ними исчезли и серо-белые ошметки.

Потом Уллман сказал, что пора идти дальше. Мама спросила Дэнни, понравились ли ему горы, такие красивые в лучах солнца, и он ответил: да, очень понравились, – хотя ему не было до этих гор никакого дела, с солнцем или без него. Когда Уллман чуть наклонился, чтобы запереть двери люкса, Дэнни изловчился заглянуть ему через плечо. Красное пятно вернулось, но только теперь это была свежая кровь, стекавшая по стене. Его поразило, что Уллман, смотревший, казалось бы, прямо туда, разразился монологом о знаменитостях, которые останавливались здесь. Дэнни обнаружил, что до крови прикусил себе губу и даже не заметил этого. Когда они двинулись дальше по коридору, он немного отстал от остальных, незаметно утер кровь пальцами и начал размышлять о (крови)

(Что увидел мистер Холлоран? Кровь или что-то похуже?)

(Не думаю, что здесь есть хоть что-нибудь опасное для тебя.)

Из него рвался наружу громкий крик, но он бы ни за что не позволил себе закричать. Его мама и папа не видели подобных вещей, не умели их видеть. А потому следовало вести себя тихо. Мама с папой любили друг друга – это было реально. Все остальное – как картинки в книжке. Некоторые картинки казались действительно страшными, но не могли причинить никому зла. Они... не опасны... для тебя.

Мистер Уллман показал им некоторые другие номера четвертого этажа, ведя по коридорам, которые делали повороты и пересекались, словно лабиринт. При этом Уллман все твердил о каких-то люках, но Дэнни так и не увидел ни одного. Им продемонстрировали комнаты, в которых однажды останавливалась леди по имени Мэрилин Монро, когда была замужем за мужчиной по имени Артур Миллер (насколько понял Дэнни, Мэрилин и Артур подали на РАЗВОД вскоре после того, как переночевали в отеле «Оверлук»).

– Мамочка!

– Что такое, дорогой?

– Если они были женаты, то почему у них разные фамилии? Ведь у вас с папой фамилии одинаковые.

– Да, но мы не настолько знамениты, Дэнни, – объяснил отец. – Известные женщины сохраняют свои прежние фамилии даже после замужества, потому что фамилии – это их хлеб с маслом.

– Хлеб с маслом? – повторил Дэнни, совершенно сбитый с толку.

– Папа имеет в виду, что люди любили ходить в кино, чтобы посмотреть на Мэрилин Монро, и привыкли к этой фамилии, – вмешалась Уэнди. – Но им могло стать неинтересно ходить на какую-то там Мэрилин Миллер.

– Но почему? Она ведь осталась бы все той же леди. И все знали бы об этом.

– Верно, и все же... – Она беспомощно посмотрела на Джека.

– А в этих апартаментах как-то останавливался Трумэн Капоте, – нетерпеливо перебил их Уллман, открывая следующую дверь. – Я тогда уже здесь работал. Очень приятный человек. Европейские манеры.

В остальных комнатах не было ничего примечательного для Дэнни (за исключением отсутствия люков, про которые продолжал твердить Уллман), ничего, что могло бы испугать. На всем четвертом этаже ему попалась лишь еще одна вещь, которая вселила в него тревогу, хотя он сам не понимал почему. Этой вещью оказался огнетушитель, висевший на стене перед поворотом коридора обратно к лифту, стоявшему с открытыми дверями, словно разинутый рот со вставными золотыми зубами.

Огнетушитель был старой системы: свернутый плоский шланг одним концом крепился к красному клапану, а на другом конце красовался медный наконечник. К стене шланг крепила красная металлическая планка на петле. В случае пожара нужно было одной рукой поднять планку вверх, а другой дернуть, и шланг высвобождался. Дэнни быстро понял, что к чему. Он всегда хорошо соображал, как приводятся в действие различные механические устройства. В два с половиной года уже без труда умел открывать

специальные защитные воротца, которые папа установил наверху лестницы их дома в Стовингтоне. Просто понял, как действует запор на них. Папа сказал тогда, что у него есть особый ТАЛАН. Некоторые люди обладали ТАЛАНОМ, другие – нет.

Этот огнетушитель выглядел более старым, чем те, что встречались ему раньше – например, в детском саду, – но в нем не было ничего необычного. И тем не менее при виде его Дэнни стало немного не по себе: шланг, свернувшийся на фоне светло-синих обоев, напомнил ему спящую до поры змею. И он испытал облегчение, когда свернул за угол.

– Разумеется, все окна следует закрыть на зиму ставнями, – сказал мистер Уллман после того, как они снова вошли в лифт, и его пол опять со стоном просел под их тяжестью. – Но особенно меня беспокоит окно в гостиной президентского люкса. В свое время оно обошлось в четыреста двадцать долларов, а это было добрых тридцать лет назад. Сейчас замена будет стоить раз в восемь больше.

– Я позабочусь об этом, – заверил его Джек.

Они перебрались на третий этаж, где было гораздо больше комнат, а система коридоров выглядела еще сложнее. Солнце уже почти полностью скрылось за горами, и свет померк. Здесь мистер Уллман обратил их внимание всего на пару номеров. Причем он и бровью не повел, миновав номер 217, о котором Дэнни предупреждал Холлоран. Дэнни же посмотрел на простую табличку с цифрами на двери не без трепетного любопытства.

Потом они спустились на второй этаж. Здесь мистер Уллман не открыл ни одной двери, пока не довел их почти до самой покрытой плотным ковром лестничной площадки, откуда можно было спуститься в вестибюль.

– А вот и ваше жилье, – сказал он. – Надеюсь, оно вас устроит.

Они вошли. Дэнни внутренне весь сжался в предчувствии того, что может увидеть. Но не увидел ничего особенного.

Уэнди Торранс, в свою очередь, вздохнула с огромным облегчением. В холодном элегантном президентском люксе ей было неуютно, и она чувствовала себя там не в своей тарелке. Ведь одно дело – осматривать отреставрированные хоромы, где в спальнях висят мемориальные таблички, гласящие, что в этих кроватях спали Авраам Линкольн или Франклин Д. Рузвельт. И совсем другое – вообразить, как ты с мужем лежишь под целыми акрами льняных простыней или занимаешься любовью там, где прежде возлежали самые сильные мужчины в мире (самые могущественные мужчины, тут же поправила она себя). Но эта квартирка выглядела скромнее, привлекательнее и больше походила на обычное семейное гнездо. Уэнди сразу подумала, что сможет прожить здесь одну зиму без малейших проблем.

– Мне все очень нравится, – сказала она Уллману и услышала нотку благодарности в своем голосе.

Уллман кивнул:

– Просто, но удобно. В разгар сезона мы обычно селим здесь повара с женой или повара и его помощника.

– Так мистер Холлоран жил здесь? – вмешался в разговор Дэнни.

Уллман снизошел до ответа, склонив в сторону мальчика голову:

– Да. Он и мистер Неверс.

Потом Уллман снова повернулся к Уэнди и Джеку:

– Это ваша гостиная.

В комнате стояли несколько кресел, выглядевших удобными, хотя и недорогими. Журнальный столик, наоборот, когда-то, видимо, был очень дорогим, но теперь его портил длинный скол с одного края. Два книжных шкафа, как не без удивления отметила Уэнди, были плотно забиты томами сокращенных изданий классики, которые выпускал «Ридерз дайджест», и детективами чуть ли не сороковых годов издания. Имелся и привычный для гостиниц безымянный телевизор, куда менее элегантный, чем огромные консоли полированного дерева, украшавшие номера.

– Отдельной кухни, конечно же, не предусмотрено, – сказал Уллман. – Зато в вашем распоряжении кухонный лифт. Ведь квартира расположена как раз над кухней отеля.

Он сдвинул в сторону деревянную панель в стене, за которой оказался широкий квадратный поднос. Уллман слегка подтолкнул поднос, и он поехал вниз, разматывая веревку.

– Это потайной ход! – взволнованно сообщил Дэнни матери, при виде такого чуда моментально позабыв обо всех своих страхах. – В точности как в фильме «Эббот и Костелло против монстров»!

Уллман нахмурился, а Уэнди лишь улыбнулась, когда Дэнни свесился, чтобы заглянуть в шахту и посмотреть, куда пропал поднос.

– Давайте пройдем сюда, – пригласил Уллман и открыл дверь в дальней стене гостиной. За ней располагалась спальня: просторная и с высоким потолком. Но в ней стояли две односпальные кровати. Уэнди со смущенной улыбкой вопросительно посмотрела на мужа.

– Не проблема, – сказал Джек. – Мы можем их сдвинуть.

– Простите, не понял? – Уллман бросил на него взгляд через плечо, похоже, искренне не догадываясь, о чем идет речь.

– Кровати, – любезно пояснил Джек. – Мы легко сможем сдвинуть их.

– А, конечно, – рассеянно отозвался Уллман. Потом его лицо прояснилось, и он залился краской до самого воротничка сорочки. – Как вам будет угодно.

Он вывел их обратно в гостиную и показал вторую спальню, где стояла двухъярусная кровать. В углу булькал радиатор, а ковер на полу украшал уродливый узор в виде шалфея и кактуса – *Дэнни мгновенно в него влюбился*. Стены были отделаны панелями из настоящей сосны.

– Как думаешь, сумеешь здесь прижиться, док? – спросил отец.

– Конечно! Только, чур, я буду спать наверху, ладно?

– Спи, где захочешь.

– И ковер мне тоже нравится. Мистер Уллман, почему вы не постелили такие же во всех номерах отеля?

Лицо мистера Уллмана на секунду приняло такое выражение, словно ему пришлось откусить кусок лимона без сахара. Но потом он улыбнулся и потрепал Дэнни по голове.

– Это все твое, за исключением ванной. Туда можно попасть только из большой спальни, – сказал он. – Как видите, квартира невелика, но ведь в вашем распоряжении будет почти весь отель. Есть где разгуляться. Камин в вестибюле в отличном состоянии. По крайней мере так мне доложил Уотсон. Если захотите, обедать можете прямо в зале ресторана, – добавил он тоном человека, сделавшего им огромное одолжение.

– Годится, – сказал Джек.

– Тогда не спуститься ли нам вниз? – предложил Уллман.

– Да, пожалуй, – согласилась Уэнди.

Они снова воспользовались лифтом. В вестибюле остался лишь Уотсон в толстой кожаной куртке; прислонившись к входным дверям, он жевал кончик зубочистки.

– А я-то думал, что вы уже в сотне миль отсюда, – сказал Уллман не слишком довольным тоном.

– Да вот, решил задержаться немного и еще раз напомнить мистеру Торрансу о котле, – сказал Уотсон, выпрямляясь. – Следи за ним в оба, приятель, и все будет как надо. Сбрасывай давление пару раз на дню. Помни, оно ползет.

Оно ползет, мысленно повторил Дэнни, и эти слова эхом отдались в длинном и безмолвном коридоре его сознания – коридоре, увешанном зеркалами, в которые люди редко заглядывали.

– Непременно, – отозвался его отец.

– Вы справитесь, – сказал Уотсон и протянул Джеку руку, которую тот пожал. Затем повернулся к Уэнди и склонил перед ней голову. – Мое почтение, мэм.

– Приятно было познакомиться, – произнесла Уэнди и тут же подумала, что ее слова прозвучали нелепо. Но ошиблась. Все

получилось естественно. Она приехала сюда из Новой Англии, где всегда жила до сих пор, и теперь ей казалось, что буквально в двух кратких фразах этот странноватый человек с копной непослушных волос сумел объяснить им сущность Запада. И плевать на его двусмысленное подмигивание!

– Юный мастер Торранс, – серьезно обратился Уотсон к Дэнни и тоже протянул ему руку. Дэнни, который уже почти год как постиг науку рукопожатий, осторожно вытянул навстречу свою ладонь и почувствовал, что ее словно проглотили. – Приглядывай за родителями хорошенько, Дэн.

– Да, сэр.

Уотсон отпустил его руку и выпрямился. Потом посмотрел на Уллмана.

– Что ж, до встречи в следующем году, как я понимаю, – сказал он и протянул руку.

Уллман лишь слегка прикоснулся к ней, а его золотое кольцо с розоватым отливом отразило свет люстры и как будто подмигнуло, довольно-таки зловеще.

– Двенадцатого мая, Уотсон, – сказал он. – Ни днем раньше, ни днем позже.

– Слушаю, сэр, – кивнул Уотсон, а Джеку показалось, будто он прочел его мысли: *ты, маленький гнусный пидор*.

– Хорошо вам провести зиму, мистер Уллман.

– О, сомневаюсь, что удастся, – ответил Уллман рассеянно.

Уотсон открыл одну из створок больших дверей. Завывания ветра стали громче, и он поднял вверх воротник куртки.

– Удачи вам, ребята.

Ему ответил Дэнни:

– Спасибо, сэр.

Затем Уотсон, чей не слишком отдаленный предок владел когда-то этим отелем, чуть сгорбившись, проскользнул в проем двери. Она захлопнулась за ним, приглушив звуки ветра. Все вместе они пронаблюдали, как он сбежал по ступеням террасы в своих

стоптанных черных ковбойских сапогах. Сухие и хрупкие листья осины металась у него под каблуками, пока он шагал через пустую стоянку к своему пикапу «интернэшнл-харвестер». Голубоватый дым повалил из ржавой выхлопной трубы, стоило ему завести двигатель. Они молчали, глядя, как он сдал назад, а потом выехал с парковки. Пикап сначала скрылся за гребнем холма, затем снова мелькнул, совсем маленький, когда Уотсон выехал на шоссе и свернул на запад.

В этот момент Дэнни вдруг показалось, что никогда в жизни он еще не чувствовал себя так одиноко.

Глава 13

На террасе

Торрансы стояли на длинной парадной террасе отеля «Оверлук», словно позировали для семейной фотографии. Дэнни в наглухо застегнутой куртке, купленной прошлой осенью и теперь немного тесной, а к тому же начавшей протираться на локтях, расположился по центру. Уэнди пристроилась у него за спиной, положив руку на плечо сына. Джек разместился чуть левее и бережно опустил ладонь поверх головы Дэнни.

Мистер Уллман стоял ступенькой ниже в теплом и очень дорогом с виду пальто из чистой шерсти. Солнце уже полностью скрылось за горами, подсветив их кромки золотым огнем и заставив все вокруг отбрасывать длинные пурпурные тени. На стоянке было только три автомобиля: пикап, принадлежавший гостинице, «линкольн-континентал» Уллмана и дряхлый «фольксваген» Торрансов.

– Надеюсь, вам отдали все необходимые ключи, – сказал Уллман, обращаясь к Джеку, – и вы получили полные инструкции относительно топки и бойлера.

Джек кивнул, немного посочувствовав Уллману. Сезон был окончательно завершён, клубок дел плотно смотан до двенадцатого мая будущего года – ни днем раньше, ни днем позже, – а Уллман, отвечавший за все и неизменно говоривший об отеле с отчетливо слышимой одержимостью, поневоле искал, не упустил ли чего.

– Думаю, все в полном порядке, – сказал Джек.

– Хорошо. Я постараюсь держать с вами связь.

Но он продолжал топтаться на месте, словно дожидался, что ветер подхватит его и донесет до машины. Потом вздохнул:

– На этом все. Хорошо вам перезимовать, мистер Торранс, миссис Торранс. И тебе тоже, Дэнни.

– Спасибо, сэр, – откликнулся Дэнни. – И вам хорошо провести время.

– Это едва ли, – повторил Уллман, и его слова прозвучали на этот раз особенно грустно. – Отель во Флориде – сырая дыра, если уж говорить начистоту. Много бестолковой суеты. Только «Оверлук» для меня – настоящая работа. Вы уж постарайтесь сохранить его, мистер Торранс.

– Думаю, когда весной вы вернетесь сюда, он будет на прежнем месте, – сказал Джек, и у Дэнни вдруг промелькнула мысль (а мы сами?)

и тут же пропала.

– Конечно, конечно. Не сомневаюсь.

Уллман посмотрел в сторону игровой площадки, где животные-кусты колыхались под порывами ветра. Потом деловито кивнул:

– Тогда желаю здравствовать.

Он быстро просеменил через стоянку к своему автомобилю, казавшемуся до смешного огромным для такого миниатюрного мужчины, и проворно залез в кабину. Двигатель «линкольна» мягко заурчал, вспыхнули задние фонари, и машина выехала с парковки. Джек заметил небольшую табличку: «Зарезервировано за мистером Уллманом, управляющим».

– Предсказуемо, – негромко бросил он.

Они следили за автомобилем Уллмана, пока тот окончательно не скрылся из виду на восточном склоне. Затем переглянулись, молча и немного испуганно. Они остались одни. Листья осин кружились и бесцельно сбивались в кучи на лужайке, все так же безукоризненно постриженной и ухоженной, хотя теперь никто не мог полюбоваться ею. Некому было наблюдать за хаотичным танцем желтых листьев по зелени травы, кроме них троих. У Джека возникло странное чувство, словно он сделался ниже ростом, в то время как отель и прилежавшая к нему территория неожиданно увеличились в размерах и стали выглядеть более зловещими, превращая людей в карликов с угрюмой и бездушной силой.

Потом Уэнди сказала:

– Ты только посмотри на себя, док. У тебя из носа льет, как из прохудившейся трубы. Давайте-ка вернемся в здание.

И они вошли в отель, плотно закрыв за собой двери, чтобы приглушить неумолчное завывание ветра.

Часть третья

Осиное гнездо

Глава 14

На крыше

– Ах ты, сучье отродье, мать твою!

Джек Торранс выкрикнул эти слова от удивления и боли, когда шлепнул правой рукой по синей спецовке, раздавив крупную, но медлительную осу, только что ужалившую его. Затем он поспешил забраться как можно выше по скату крыши, оглядываясь через плечо, не появятся ли из потревоженного им гнезда осиные братья и сестры. Если это случится, ситуация станет скверной, потому что гнездо располагалось как раз между ним и лестницей, а люк, который вел на чердак, был заперт на замок изнутри. Прыгать придется с семидесяти футов на асфальтовый дворик между отелем и лужайкой.

Но пока воздух над гнездом оставался неподвижным.

Джек тихо присвистнул сквозь стиснутые зубы, оседлал конек крыши и осмотрел указательный палец правой руки. Палец уже начал распухать, и он понял, что необходимо прокрасться мимо гнезда к лестнице, чтобы спуститься вниз и приложить к ранке лед.

Это произошло двадцатого октября. Уэнди и Дэнни отправились в Сайдуайндер на пикапе, принадлежавшем отелю (старый дребезжащий «додж» все же был намного надежнее «фольксвагена», который теперь отчаянно хрипел и, похоже, доживал последние деньки), чтобы купить три галлона молока и присмотреть кое-что к Рождеству. Конечно, для рождественского похода по магазинам было рановато, но никто не мог предсказать, когда ляжет снег. Первые мелкие снегопады уже начались, а на дороге, которая вела от «Оверлука» в долину, местами встречалась наледь.

Впрочем, до сей поры осень стояла неправдоподобно красивая. Те три недели, что они привели здесь, солнце сияло почти без

передышки. Тридцатиградусная прохлада по утрам к середине дня сменялась температурами даже чуть выше шестидесяти^[10] – отличные условия, чтобы полазить по пологому западному скату крыши «Оверлука» и заняться кровлей. Джек честно признался Уэнди, что мог бы закончить работу еще четыре дня назад, однако намеренно не торопился с этим. Вид с крыши затмевал пейзаж за окном президентского люкса. Но самое главное – работа успокаивала. На крыше у него появлялось ощущение, что нанесенные ему за последние три года раны понемногу затягиваются. На крыше в душе воцарялся мир. И те три года представлялись не более чем кошмарным сном.

Дранка в отдельных местах сильно прогнила, некоторые куски вообще вырвало и унесло прочь штормовыми ветрами прошлой зимы. Те же, что еще кое-как держались, Джек отрывал сам и сбрасывал вниз с криком: «Осторожно, бомба!» – чтобы случайно не угодить в бродившего порой по двору Дэнни. Джек вытаскивал старую гидроизоляцию, когда его укусила оса.

Ирония судьбы заключалась в том, что каждый раз, поднимаясь на крышу, он напоминал себе об опасности напоротья на осиное гнездо и на всякий случай брал с собой специальную дымовую шашку от насекомых. Но в то утро обманчивое спокойствие усыпило его бдительность. Мысленно он целиком погрузился в ту жизнь, которую медленно создавал на страницах своей пьесы, обдумывая очередной эпизод, чтобы основательно поработать над ним вечером. Пьеса продвигалась очень хорошо, и хотя Уэнди ничего не говорила прямо, он чувствовал, насколько она довольна. Прежде он зашел в тупик, добравшись до ключевой сцены с участием Денкера, директора школы с садистскими наклонностями, и Гари Бенсона – молодого главного персонажа его произведения. Но это случилось в те злосчастные шесть месяцев в Стовингтоне, когда его желание напиться переходило всякие разумные пределы и он не в состоянии был сосредоточиться даже на теме урока в классе, не говоря уже о самостоятельном литературном творчестве.

И вот за последние двенадцать вечеров, которые он провел наконец за конторской моделью «Ундервуда», одолженной из кабинета внизу, все препятствия магическим образом устранились под его бегавшими по кнопкам пальцами, растаяли, как сахарная вата во рту. Ему без особых усилий удалось вскрыть внутренние пружины характера Денкера, и он соответственно переписал заново большую часть второго действия, центром которого и была та сцена. И развитие сюжета третьего акта, который он как раз прокручивал в голове, когда оса прервала его размышления, вырисовывалось все более четко. Он уже прикидывал, что ему осталась всего пара недель, чтобы завершить черновой вариант, а к новому году на руках у него уже будет чистовик всей этой треклятой пьесы.

В Нью-Йорке у Джека был собственный литературный агент – мужеподобная рыжеволосая дама по имени Филлис Сэндлер, которая курила сигареты «Герберт Тайрейтон», лакала бурбон «Джим Бим» из бумажных стаканчиков и придерживалась твердого убеждения, что лучшим писателем в мире был Шон О'Кейси. Это она сумела продать три рассказа Джека, включая тот, что появился в журнале «Эсквайр». Он написал ей о пьесе под рабочим названием «Маленькая школа», пересказав основной конфликт между Денкером, когда-то подававшим надежды учителем, который потерпел жизненный крах и превратился в грубого, а порой откровенно жестокого директора одной из школ Новой Англии начала XX века, и Гари Бенсоном – студентом, во многом казавшимся Джеку более молодой версией себя самого. В ответном письме Филлис проявила заинтересованность, но настоятельно рекомендовала перечитать О'Кейси, прежде чем браться за перо. В начале этого года от нее пришло еще одно письмо, в котором она спрашивала, где, черт возьми, обещанная пьеса. Он сухо ответил, что «Маленькая школа» на неопределенное время (если не навсегда) застряла «в той интеллектуальной пустыне, которая зовется творческим кризисом». Но вот теперь все шло к тому, что пьесе Филлис все же получит. Другое дело, выйдет она хорошей или

плохой, доберется ли когда-нибудь до театральных подмостков. Как раз это его не слишком беспокоило. Для него важнее всего было ощущение выхода из грандиозного тупика, колоссальным символом которого и стала сама по себе эта пьеса. Символом ужасных последних лет в стовингтонской школе, символом семейной жизни, которую он почти разбил, как пьяный подросток по недомыслию разбивает старый автомобиль, символом чудовищной травмы, нанесенной сыну, символом инцидента с Джорджем Хэтфилдом на школьной стоянке, который он не мог больше рассматривать как всего лишь еще одну случайную вспышку своего необузданного темперамента. Теперь он преисполнился уверенности, что его прежние проблемы с алкоголем были отчасти вызваны подсознательным желанием вырваться из Стовингтона, где чувство устроенности и комфорта парализовало присутствовавшее в нем творческое начало. Да, он бросил пить, но стремление к свободе оставалось по-прежнему сильным. Отсюда и происшествие с Джорджем Хэтфилдом. Теперь единственным, что напоминало ему о прошлом, была рукопись пьесы на столе в их с Уэнди спальне. И только избавившись от нее, отослав Филлис в ее нью-йоркскую нору, которая именовалась литературным агентством, он сможет двигаться дальше. Причем не обязательно возьмется за роман – он не был готов увязнуть в трясине еще одного трехлетнего проекта. Но он непременно напишет новую серию рассказов. И быть может, издаст сборник.

Крайне осторожно спускаясь на четвереньках по скату крыши, Джек миновал четкую границу между новыми ярко-зелеными кусками свежеложенного гонта и тем участком, который он совсем недавно очистил от прогнившей дранки. Подобрался слева к тому месту, где наткнулся на осиное гнездо, и осмелился приблизиться к нему вплотную, готовый в любой момент отпрянуть и кинуться к лестнице, если дело примет дурной оборот.

Перегнувшись через край, он заглянул в отверстие.

Да, гнездо находилось там – в пустоте между дранкой и обшивкой. Чертовски огромное. В самой широкой части диаметр серого бумажного шара составлял никак не меньше двух футов. Разумеется, гнездо имело форму, далекую от правильной сферы, поскольку пространство между дранкой и обшивкой было слишком узким, но все равно, подумал Джек, эти мелкие злобные твари проделали тщательную и заслуживающую уважения работу. По поверхности гнезда медленно ползали насекомые. Неприятная разновидность. Не одинеры, обычно не представляющие особой угрозы, а бумажные осы. Сейчас, с наступлением холодов, они стали инертными и малоподвижными, но Джек, много знавший об осах с детства, все равно решил, что ему посчастливилось быть укушенным лишь один раз. И подумал: а что, если бы Уллману взбрело в голову поручить кому-нибудь эту работу в разгар лета? Хороший подарочек поджидал бы тогда работягу, который вскрыл бы эту часть прохудившейся крыши! Вот уж сюрприз так сюрприз! Когда дюжина ос садится на тебя одновременно и начинает жалить в лицо, в руки, в шею, в ноги, очень легко забыть, что находишься на высоте семидесяти футов. Можно запросто сигануть с крыши, лишь бы избавиться от них. И все из-за малюсеньких тварей, самая крупная из которых величиной не превышает ластик на конце карандаша.

Он где-то вычитал – то ли в воскресной газете, то ли в популярном журнале, – что причины почти семи процентов автомобильных аварий со смертельным исходом остаются невыясненными. Они происходят не из-за неисправностей машин, не из-за превышения скорости, не из-за алкоголя, не из-за плохих погодных условий. Порой единственная машина на всей дороге врежется во что-нибудь, и только водитель мог бы объяснить, как это случилось, но он, увы, мертв. В статье приводились слова одного дорожного полицейского, который выдвинул теорию, что многие из так называемых беспричинных автокатастроф происходят по вине проникших в кабину насекомых. Из-за осы, пчелы, паука или обыкновенной мухи. Водитель начинает паниковать, размахивает

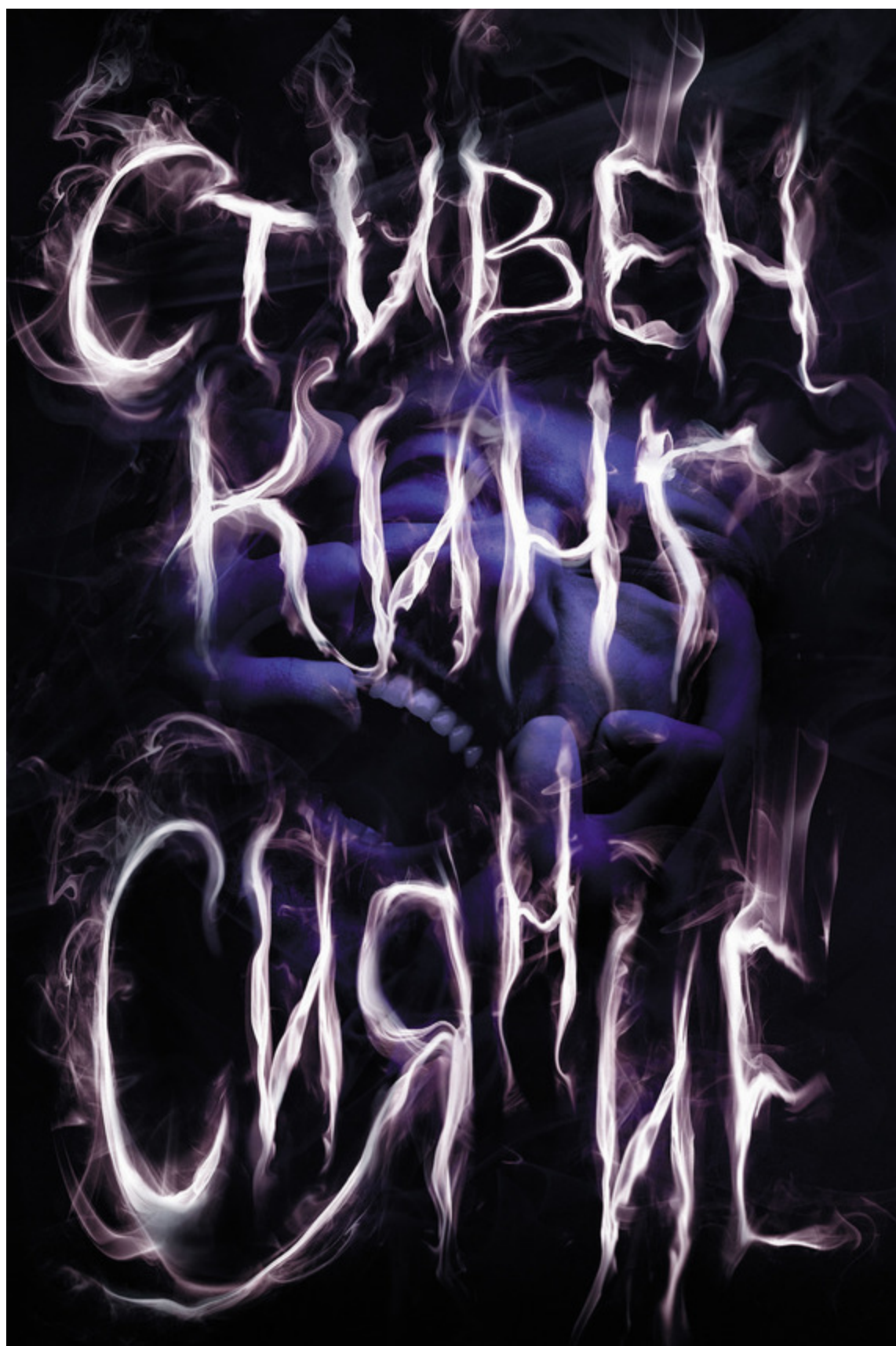
руками, пытается открыть окно, чтобы выпустить эту дрянь наружу. Возможно, насекомое жалит его. Но вполне вероятно, что шофер сам полностью теряет контроль над автомобилем. Как бы то ни было, результат один – ба-бах! И все кончено. А невредимое насекомое вылетает из дымящегося остова машины и преспокойно отправляется на поиски злачных пажитей. Джеку запомнилось, что тот офицер даже предлагал, чтобы в таких случаях патологоанатомы при вскрытии пытались найти в телах жертв следы яда насекомых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1

Перевод М.А. Энгельгардта.

[Вернуться](#)

2

Герой американских рассказов для детей, написанных Говардом Р. Гэрисом (1873–1962). – *Здесь и далее примеч. пер.*

[Вернуться](#)

3

Минус 31,7 и минус 42,8 С соответственно.

[Вернуться](#)

4

Так пресса окрестила Альберта де Сальво, который в 1965 г. признался в убийстве 13 человек путем удушения.

[Вернуться](#)

5

Пришел, увидел, победил (*лат.*).

[Вернуться](#)

6

21,1 С.

[Вернуться](#)

7

Устаревшие еще к началу 1970-х гг. платежные системы.

[Вернуться](#)

8

Название отеля «Бикман-тауэр» созвучно со словом beak-man – человек с клювом (*англ.*).

[Вернуться](#)

9

Ставка на трех предполагаемых победителей одного забега с указанием последовательности, в которой они придут к финишу.

[Вернуться](#)

10

Минус 1,1 и 15,6 С соответственно.

[Вернуться](#)